

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

2020 г., том 27, № 3

СОДЕРЖАНИЕ

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Ромодановская В.А. Библейские книги в Великих Минеях Четных: К истории формирования свода	5
Журова Л.И. Максим Грек и старец Артемий (к вопросу о групповой идентичности)	11
Лобакова И.А. Повесть XVII в. «Об убиении Бориса и Глеба»: Рукописная традиция и записи духовных стихов.	19
Гурьянова Н.С. Дискуссия о «каноне священных текстов» в Предисловиях к сочинениям и сборникам	24
Панич Т.В. События прошлого в творчестве писателей патриаршего круга второй половины XVII в.	32
Титова Л.В. Дьякон Федор – автор идеологических сочинений пустозерских писателей	38
Бураева С.В. Маргиналии на старопечатных книгах и рукописях старообрядцев Забайкалья (по материалам полевых исследований 2018–2019 гг.)	43
Старухин Н.А. «Краткий разбор на письмо Долгова» – полемическое сочинение сибирских «австрийцев»	47
Тимофеева Ю.В. Развлекательное чтение как одна из ведущих читательских практик сибиряков и дальневосточников в конце XX – начале XXI в.	51

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Алексеев В.В. Энергетический фактор фронтальной модернизации Урало-Сибирского региона в имперской России	58
Магханова Н.П. Хабаровские съезды «сведущих людей» и приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф: поиски каналов коммуникации между властью и обществом в имперской России	65
Васильев А.Д. Ежегодные отчеты якутских областных начальников в системе местного управления Российской империи во второй четверти XIX в.	72
Саввинов П.О. Деятельность органов городского самоуправления по обеспечению водоснабжения Якутска в 1915–1916 гг.	76

ИСТОРИЯ НАУКИ

Крайнева И.А., Савелова О.А. Историография истории науки в Сибири советского периода: новые направления исследований	80
Антонов Е.П., Антонова В.Н. Станции, обсерватории, лаборатория космических лучей Якутии в контексте развития интеллектуальных коммуникаций Центра и региона в 1925–1962 гг.	88
Панченко А.М. Деятельность Президиума СО РАН в условиях перехода от централизации к автономизации научного книгоиздания (1990–2000 гг.)	95

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бураев А.И. Деревянная микроскульптура как культурное наследие Центральной Азии (по материалам музея г. Хархорин)	104
Чувилова И.В. Развитие традиций российского музейного дела в проекте «Крымская музеологическая школа „Museum Studio“»	108
Малък Э. Об изданиях Жития протопопа Аввакума. Рец. на кн.: Житие протопопа Аввакума. СПб.: Наука, 2019. 455 с.	112
Каменецкий И.П. Рец. на книгу: А.А. Бродников «Енисейск и Енисейский уезд (очерки истории XVII века) Новосибирск, 2019. 382 с.	116
Элерт А.Х. Имперская политика по отношению к бурятскому этносу: от патернализма к унификации управления. Рец. на: Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.) [монография] / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / отв. ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Изд-во «Отгис», 2020. 740 с.	118
Поздравляем Игоря Васильевича Побережникова с юбилеем	120
Памяти Марины Михайловны Громыко (3 сентября 1928 г., Минск – 28 августа 2020 г., Москва)	121

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд.ист.наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашдэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист.наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *В. Линн* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), д-р ист.наук *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н.Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И.Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н.Разгон*, д-р ист. наук *Н.Н. Родигина*, д-р ист.наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н.Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикационной этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемужева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Выход в свет 30.09.20. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 135.

Адрес издательства и типографии:
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2. Издательство Сибирского отделения Российской академии наук

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

2020, vol. 27, N 3

CONTENTS

BOOK CULTURE

Romodanovskaya V.A. Biblical books in the Velikie Minei Chetii: on the history of corpus formation	5
Zhurova L.I. Maximus the Greek and Starets Artemius (on the group identity problem)	11
Lobakova I.A. The XVII century story “On the murder of Boris and Gleb”: Manuscript tradition and spiritual verses records	19
Gurianova N.S. Discussion on the “canon of sacred texts” in Prefaces to essays and collections	24
Panich T.V. Events of the past in the works of the Patriarch circle Writers in the second half of the XVII century	32
Titova L.V. Deacon Fedor – an author of the main ideological works of Pustozersky writers	38
Buraeva S.V. Marginalia on books and manuscripts of the Old Believers of Transbaikalia (based on expedition studies, 2018–2019)	43
Starukhin N.A. Brief analysis of Dolgov’s letter – a polemical essay by Siberian “Austrians”	47
Timofeeva Yu.V. Entertaining reading as one of the leading reading practices of Siberian and Far Eastern citizens in the late XX – early of XXI centuries	51

NATIONAL HISTORY

Alekseev V.V. The energy factor in the frontier modernization of the Ural-Siberian region in imperial Russia	58
Matkhanova N.P. Meetings of “well-informed people” in Khabarovsk and the Priamur governor-general A.N. Korf: searching of communication channels between the authority and society in imperial Russia	65
Vasilev A.D. Annual reports of the regional heads in the local government system of the Russian Empire in the second quarter of the XIX century (a case of Yakutsk Oblast)	72
Savvinov P.O. Yakutsk self-government activities for providing water supply in 1915 – 1916	76

HISTORY OF SCIENCE

Krayneva I.A., Savelova O.A. Historiography of science history in Siberia in the Soviet time: New research areas	80
Antonov E.P., Antonova V.N. Stations, observatories, laboratory of cosmic rays of Yakutia in the context of the development of intellectual communications of the Center and region in 1925–1962.	88
Panchenko A.M. Activities of the Presidium of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences under conditions of transition from centralization to autonomy of scientific book publishing (1990–2000)	95

SCIENTIFIC LIFE

Buraev A.I. Wooden microsculpture as a cultural heritage of Central Asia (based on the materials of Kharkhorin museum)	104
Chuvilova I.V. The development of Russian museum traditions in the project «Crimean Museum School “Museum Studio”»	108
Malek, Eliza. About editions of the Life of Archpriest Avvakum (Book review: The Life of Archpriest Avvakum. St. Petersburg, Nauka, 2019. 455 p.)	112
Kamenetskiy I.P. Book review: Brodnikov A. A. Yeniseisk and the Yeniseisk uyezd (essays on the history of the XVII century). Novosibirsk, 2019. 382 p.	116
Elert A.Kh. Imperial policy towards the Buryat ethnic group: from paternalism to the governance unification (Book review: Dameshek L.M., Zhalsanova B.Ts., Kuras L.V. Buryat ethnos in the Imperial system of power (the XIX - early XX centuries) [monograph]. Ed. B.V. Bazarov. Irkutsk, Ottisk, 2020. 740 p.)	118
Congratulation on the 60th Anniversary of I.V. Poberezhnikov	120
In Memoriam: Marina Mikhaylovna Gromyko (September 3, 1928, Minsk – August 28, 2020, Moscow)	121

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *Viola Lynne* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Krakow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A. Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *N.N. Rodigina*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

Editorial address: Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090 Russia
tel. 7-383-330-24-31
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807

The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russia

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20200301
УДК 821.161.1

В.А. РОМОДАНОВСКАЯ

БИБЛЕЙСКИЕ КНИГИ В ВЕЛИКИХ МИНЕЯХ ЧЕТИИХ: К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ СВОДА*

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
РФ, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

В составленные в 1520–1550-х гг. Великие Минеи Четьи митрополита Макария был включен ряд книг Священного Писания. Они окружены своеобразным агиографическим «конвоем», занимая в нем центральное место и представляя собой основное священное «деяние» их автора или героя – святого, память которого празднуется в соответствующий день. При этом были задействованы источники разных типов: толковые редакции библейских книг, извлеченные из толкований и разбитые на главы. Последний тип вошел в Великие Минеи Четьи в редакции составленного в 1490-е гг. полного рукописного библейского свода, известного как Геннадиевская Библия. К рукописному библейскому своду восходят и включенные в Великие Минеи Четьи 1-я и 2-я Маккавейские книги, переведенные с латыни. В статье подробно анализируются этапы включения книг Библии в Великие Минеи Четьи митрополита Макария.

Ключевые слова: Книги Священного Писания, Великие Минеи Четьи, митрополит Макарий, толковые и четии версии библейских книг, агиографические «конвой», дни поминовения святых.

V.A. ROMODANOVSKAYA

BIBLICAL BOOKS IN THE VELIKIE MINEI CHETII: ON THE HISTORY OF CORPUS FORMATION

Institute of Russian literature (Pushkin House) RAS,
4, Makarova emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

The biblical books included into the Velikie Minei Chetii (Great Menology) by Metropolitan Macarius compiled in the 1520-50s were perceived by scholars as a continuation of the tradition of the Old Russian Menology. However, their composition's incompleteness compared to the complete Bible code compiled in the 1490s, known in science as Gennady's Bible, was surprising. The Great Menology were based on a collection of lengthy Minea lives supplemented by the Prolog and Verse Prolog articles, with the Prolog readings placed at the beginning of each day, while the Verse Prolog texts completed each day; the daily readings are clearly structured, and their structure was developed in the process of the corpus creating. The biblical books included in a kind of hagiographic «convoy» usually occupy a central place in it, representing the main sacred «act» of their author or hero – a saint, whose memory is celebrated on the corresponding day. When creating Velikie Minei Chetii, the compilers turned to various types of biblical sources. The books of the New Testament are presented in elucidative editions: Explanatory Gospels, Explanatory Apostle, Explanatory Apocalypse. Various lists of Velikie Minei Chetii may contain different versions of the Bible books. The prophetic books in compiling Velikie Minei

---

*Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00254А.

Варвара Андреевна Ромодановская – канд. филол. наук, научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, e-mail: romodan@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2028-4533>.

Varvara A. Romodanovskaya – Candidate of Philological Sciences, Research Associate, Institute of Russian literature (Pushkin House) RAS.

Chetii were used in three variants: interpretative, extracted from exegesis and divided into chapters, as in Gennady's Bible, and a kind of «intermediate» one: taken from the commentaries but without division into chapters. The compilers of the hagiographic code did not give preference to any of the types of prophetic books, but set out to collect them all. The Explanatory Psalter and Maccabees books are read in Velikie Minei Chetii in a peculiar «historical» context, and the Explanatory Psalter in the assumption list is given in three versions: with the interpretations of Athanasius of Alexandria, Theodoret of Cyrus and Brunon of Würzburg, and 1–2 Maccabees books presented in all three lists of the Great Menology, are the Latin translation made for Gennady's Bible.

Key words: Books of Holy Scripture, Velikie Minei Chetii by Metropolitan Macarius, explanatory versions of biblical books, hagiographic «convoys», days of saints' commemoration.

ВВЕДЕНИЕ

Библейские тексты, включенные в составленные в 1520–1550-х гг. Великие Minei Четьи митрополита Макария, воспринимались учеными как продолжение традиции древнерусских четьих миней. В обобщающих работах они представлены как составные части Великих Миней в одном ряду с сочинениями Отцов Церкви, памятниками учительной и агиографической литературы, фрагментами Прологов, Патериков и Палей (см., напр.: [1; 2]). Однако принципиальное отличие Великих Миней в том, что в их состав вошли не только отрывки, фрагменты и отдельные чтения Священного Писания, но и книги целиком.

В свою очередь, неполнота состава библейских книг в сравнении с составленным в 1490-е гг. полным библейским кодексом, известным в науке как Геннадиевская Библия¹, вызывала удивление. Так, митрополит Макарий (Булгаков) в фундаментальной «Истории Русской Церкви» предпринял обзор библейских книг в составе Великих Миней: «При полном... уважении к великому труду, мы не можем не сказать, что Макарий не исполнил всего, что предпринимал исполнить... Для примера посмотрим... на книги Священного Писания... Из книг библейских новозаветные, действительно, помещены здесь все: все четыре Евангелия с толкованиями, все Послания и Деяния апостольские с толкованиями, Апокалипсис с толкованиями. Но книги ветхозаветные – далеко не все: Моисеевых пяти нет ни одной (за исключением того, что в обширном житии Моисея (сентября 4) приведены некоторые главы и отрывки из Исхода, Числ и Второзакония, но не в буквальном тексте, а с изменениями, сокращениями и пропусками по усмотрению составителя жития); следующих затем исторических книг находится только семь – Иисуса Навина, Судей, Руфи, Первая и Вторая Царств, Первая и Вторая Маккавейские, а остальных двенадцати нет; книг учительных только четыре – Иова, Псалтирь (в тройном виде: с толкованием Афанасия, с толкованием Брунона, с толкованием Феодорита), Екклесиаст с толкованием и Премудрость сына Сирахова, а остальных трех нет; книги пророческие есть все: четырех больших пророков – Исаии с толкованиями, Иеремии, Иезекииля и Даниила и двенадцать малых пророков. То есть, в Чети-Минейх Макария недостает целых двадцати книг Священного Писания. А сказать,

¹ О Геннадиевской Библии и посвященной ей литературе см.: [3, с. 195–201; 4; 5].

чтобы книги эти не обретались тогда в Русской земле, нельзя, когда известно, что еще Геннадий, архиепископ Новгородский, собрал всю славянскую Библию в один состав, и списки ее того времени сохранились доселе» [6, с. 425–426]². Таким заключением митрополит Макарий (Булгаков) сразу определяет, что составители Великих Миней пользовались не только Геннадиевской Библией, и не все библейские книги, вошедшие в состав библейского кодекса, были включены в крупнейший на Руси агиографический свод.

КНИГИ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ В СОСТАВЕ ВЕЛИКИХ МИНЕЙ ЧЕТИИХ

Как показали исследования Е.А. Ляховицкого и М.А. Шибаева, за основу при составлении Великих Миней был взят сборник пространных минейных житий, дополненный статьями Пролога и Стишного Пролога, причем чтения Пролога были помещены в начале каждого дня, а тексты Стишного Пролога завершали каждый день³. Дневные чтения Великих Миней были составлены не спонтанно, но четко структурированы, причем их структура вырабатывалась в процессе создания свода. Особенно это видно в наиболее раннем – Софийском комплекте, содержащем множество киноарных вымарываний, занимающих порой до нескольких листов рукописи подряд.

Библейские книги, включенные в своеобразный агиографический «конвой», занимают в нем, как правило, центральное место, представляя собой основное священное «деяние» их автора или героя – святого, память которого празднуется в соответствующий день [12; 13].

К настоящему времени сохранились три «чистовых» комплекта Великих Миней Четийх, наиболее старшим из которых является Софийский, составленный в Новгороде в 1529/1530–1541 гг. Затем в Москве на основе Софийского был создан Успенский комплект, заверченный к 1552 г., а «работа над Царским списком... продолжалась еще в 1554 г.» [2, с. 127]. Е.В. Барсов в предисловии к описанию Великих Миней отметил, что Успенский и Царский комплекты существенно (почти вдвое) превышают по объему Со-

² Подобное недоумение выражали также Н. Лебедев и Ф. Воронин: [7; 8].

³ См. об этом подробно: [9]. На кодикологическом материале авторам статьи удалось внести коррективы в выводы предшествующих исследователей, которыми утверждался первичный характер проложных статей (см., напр.: [10; 11]).

фийский, в том числе вследствие включения в них библейских книг [14, с. X]. Из этих трех комплектов в полном виде, в 12 томах, до наших дней дошел только Успенский. В Софийском комплекте отсутствуют тома за декабрь, январь, март и апрель, а в Царском –

за март и апрель. В сводной таблице приведу шифры томов Великих Миней, хранящихся в рукописных собраниях Российской национальной библиотеки, Государственного Исторического музея и Российского государственного архива древних актов:

Месяцы Months	Софийский комплект Sofia set	Успенский комплект Assumption set	Царский комплект Royal set
Сентябрь	РНБ, Софийское собр., № 1317	ГИМ, Синодальное собр., № 986	ГИМ, Синодальное собр., № 174
Октябрь	РНБ, Софийское собр., № 1318	ГИМ, Синодальное собр., № 987	ГИМ, Синодальное собр., № 175
Ноябрь	РНБ, Софийское собр., № 1319	ГИМ, Синодальное собр., № 988	ГИМ, Синодальное собр., № 176
Декабрь	–	ГИМ, Синодальное собр., № 989	ГИМ, Синодальное собр., № 177
Январь	–	ГИМ, Синодальное собр., № 990	ГИМ, Синодальное собр., № 178
Февраль	РНБ, Софийское собр., № 1320	ГИМ, Синодальное собр., № 991	ГИМ, Синодальное собр., № 179
Март	–	ГИМ, Синодальное собр., № 992	–
Апрель	–	ГИМ, Синодальное собр., № 993	–
Май	РНБ, Софийское собр., № 1321	ГИМ, Синодальное собр., № 994	ГИМ, Синодальное собр., № 180
Июнь	РНБ, Софийское собр., № 1322	ГИМ, Синодальное собр., № 995	ГИМ, Синодальное собр., № 181
Июль	РНБ, Софийское собр., № 1323	ГИМ, Синодальное собр., № 996	ГИМ, Синодальное собр., № 182
Август	РГАДА, ф. 201/1 (собр. Оболенского), № 161	ГИМ, Синодальное собр., № 997	ГИМ, Синодальное собр., № 183

Уже при создании Софийского комплекта Великих Миней Четиих составители обратились к библейским источникам разных типов. Так, из книг новозаветных, под 26 сентября, днем памяти Иоанна Богослова, в агиографическом окружении⁴ в Софийском комплекте присутствует Толковый Апокалипсис. В Успенском и Царском комплектах к нему добавлено Толковое Евангелие от Иоанна, причем характерно, что от Апокалипсиса его отделяют только оглавление и предисловие, вошедшие в Великие Миней из Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского.

Четыре Толковых Евангелия были включены в Великие Миней при составлении Успенского комплекта – в дни памяти евангелистов Иоанна (26 сентября), Луки (18 октября), Матфея (16 ноября) и Марка (25 апреля)⁵. В Софийском комплекте Толковые Евангелия не представлены, хотя «агиографическая рамка» для них есть: соответствующие памяти из Пролога и Стишного Пролога в начале и конце дневных чтений. В дни памяти апостолов Иоанна и Луки Царский список следует Успенскому. Однако в чтении на 16 ноября, день памяти евангелиста Матфея, Толковое Евангелие от Матфея представлено в Царском списке в иной редакции, нежели в Успенском⁶, и помещено не в центр дневного чтения – не в «агиографическую рамку», а в конце его, после жития из Стишного Пролога.

Схожая с Толковым Евангелием от Матфея ситуация в Успенском и Царском комплектах и с Тол-

ковым Апостолом, отсутствующим в Софийском списке. В Успенском списке Толковый Апостол помещен на праздник Собора двенадцати апостолов – 30 июня, причем находится в конце дневного чтения, после памяти из Стишного Пролога. В Царском комплекте Великих Миней Толковый Апостолом (Толкование дѣянием святых апостол, иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста и иными святыми)⁷, продолжена память апостола Луки (18 октября), причем помещен он также в конце дневного чтения, после жития из Стишного Пролога, в редакции иной, нежели в Успенском⁸.

Текст Толкового Апостола в Царском списке предваряет наиважнейшая для источниковедческого исследования запись о непосредственном источнике: «Апостол Толковой писан в Великом Новѣ-город(е) на царя и великог(о) князя Ивана Василевича всея Руси и на его богодарованного чяда царевича князя Ивана Ивановича лѣта 7062-го, совершен месяца маия в 8 день. А писан с книги честныя обители Отенского монастыря, иде же лежит чудотворец Иона, архиепископ Новгородский. А тетратей в нем 60 без дву» (ГИМ, Синодальное собр., № 175, л. 698; запись опубликована: [15, с. 53]). Краткая, в четыре строки, запись позволяет внести коррективы сразу в несколько эпизодов создания Великих Миней. Толковый Апостол Царского комплекта был не переписан из Успенского комплекта в Москве, как большинство текстов, а создан в Новгороде, и его оригиналом

⁴ Подробное описание состава дневных чтений Великих Миней, содержащих библейские книги, см. в таблице к: [13].

⁵ Последний случай не является показательным, поскольку апрельский том отсутствует в Софийском и Царском комплектах.

⁶ Ср. инципиты: «Гѣй бо спасеть люди своя от грѣх их...» (Успенский) и «Книга родства. Толк. Что ради не рече» (Царский).

⁷ О перенесении Толкового Апостола на память апостола Луки см.: [15, с. 52 и след.].

⁸ Ср. инципиты: «Пръвое убо слово створих о всѣх о Феофиле» (Успенский) и «Первое убо створих о всѣх о Феофиле» (Царский). Подробно о двух редакциях Толкового Апостола в Великих Миней Четиих митрополита Макария см.: [15; 16].

была рукопись, привезенная из Отенского монастыря, причем указан точный ее объем – 58 тетрадей⁹. Особо отмечается, что работа по переписке Толкового Апостола была завершена 8 мая 1554 г., на память Иоанна Богослова – в день тезоименитства царя Ивана Васильевича и царевича Ивана Ивановича.

Пророческие книги при создании Великих Миней были использованы в трех вариантах: толковом, извлеченном из толкований и разбитом на главы, как приведены пророчества в Геннадиевской Библии, и своего рода «промежуточном»: извлеченном из толкований, но без деления на главы (подробнее о рукописях этого типа см.: [17]). Важно отметить, что составители агиографического свода не отдавали предпочтения какому-либо из типов пророческих книг, но, напротив, судя по всему, ставили своей задачей собрать их все. Тенденция к этому прослеживается уже в Софийском комплексе.

Так, в Софийском списке под 1 мая, в день памяти пророка Иеремии, приведены сначала Толковая Книга пророка Иеремии и Толковая книга Варух, а вслед им – Книга пророка Иеремии и Книга Варух с делением на 52 и 6 глав соответственно – в варианте Геннадиевской Библии и рукописей ее круга¹⁰. В Успенском и Царском комплексах эти книги дополнены Плачами Иеремии, также в двух, но других вариантах: в извлеченном из толкований, но без деления на главы и в извлеченном из толкований и разделенном на пять глав.

На память пророка Исаии, 9 мая, во всех трех комплексах приводятся Книга пророка Исаии без толкований и без деления на главы и Толковая Книга пророка Исаии. Так же обстоит дело и с Книгой пророка Иезекииля, присутствующей в чтении на 21 июля – память пророка Иезекииля.

В Успенском и Царском комплексах находятся еще две пророческие книги, без толкований и без деления на главы: Книга пророка Авдия и Книга проро-

⁹ М. А. Бобрик высказала два предположения о судьбе этой рукописи и возможности ее обнаружения: «Если рукопись От. после окончания работы над Цар возвращалась в монастырь, то шансов сохраниться у нее было немного – монастырь не раз переживал пожары и разорение. Если же рукопись не возвращали, то из Новгорода она могла попасть в одно из рукописных собраний Москвы или Петербурга и тогда Отенским может оказаться один из сохранившихся там толковых Апостолов. Для его идентификации важны прежде всего (допущенные по недосмотру) пропуски текста в Цар, которые позволяют реконструировать длину строки антиграфа и ее границы. Обнаружено несколько пропусков такого рода, на основании которых можно с определенностью сказать, что От. был написан полууставом в один столбец; установлены также предположительные границы строк От. в местах лакун. Просмотр сохранившихся толковых Апостолов под этим углом зрения внесет, можно надеяться, ясность в вопрос о том, сохранился ли От.» [15, с. 53, прим. 3].

¹⁰ Непосредственным источником Великих Миней Четиих была не собственно Геннадиевская Библия (рукопись ГИМ, Синодальное собр., № 915, 1499 г.), а созданный в 1490-е гг. трехтомный библейский кодекс, от которого до наших дней дошел только 2-й том – вторая половина Ветхого Завета (БАН, 33.10.4). Подробно об этом см.: [18].

ка Ионы, в чтениях на 19 ноября (память пророка Авдия) и 21 января¹¹.

20 августа празднуется память пророка Самуила, помазавшего, после обличения первого царя Саула в непослушании Богу, на царство святого Давида. В чтении на этот день приведено большое количество агиографических памятников о пророке Самуиле и царе Давиде: проложное житие пророка Самуила; Слово о житии пророка Самуила и о пророке Давиде (фрагмент 1Цар. 1–15, со вставками из Палеи; входило в Хронограф XIV в.); Начало царства Давида (фрагмент 1Цар. 16–31, со вставками из Палеи); фрагмент 2Цар. 1–23 (со вставками из Палеи; входило в Хронограф XIV в.); перечень пророчеств, содержащихся в Псалтири (из Палеи); апокрифическое Сказание псалмам Давидовым; житие пророка Самуила из Стишного Пролога. В этот «исторический» контекст, непосредственно связанный с пророком Самуилом, включена и Толковая Псалтирь, в которой вспоминается Самуил: «Моисей и Аарон в иереях Его, и Самуил в призывающих имя Его; призываху Господа, и Той послушаше их» (Пс. 98:6). Однако три «чистовых» списка Великих Миней включают Толковую Псалтирь по-разному: в Софийском списке присутствует лишь Толковая Псалтирь Афанасия Александрийского, с библейскими песнями. Успенский комплект дополнен Толковой Псалтирью Феодорита Кирского, с предисловием и библейскими песнями, а также с переводческим трудом одного из сотрудников архиепископа Геннадия и архиепископа Макария Дмитрия Герасимова – Толковой Псалтирью Брунона Вюрцбургского, с библейскими песнями и послесловием переводчика. В содержании августовского тома Царского комплекта значится Толковая Псалтирь Афанасия Александрийского (л. 5), однако ни этого варианта Толковой Псалтири, ни какого-либо другого в Царском списке нет.

В «историческом» контексте выступают и 1-я и 2-я Маккавейские книги, приведенные во всех трех «чистовых» списках Великих Миней под 1 августа – день памяти семи мучеников Маккавеев: Авима, Антонина, Гурия, Елеазара, Евсевона, Алима и Маркелла, матери их Соломонии и учителя их Елеазара. В действительности подвиг Соломонии, учителя Елеазара и семи отроков вдохновили Иуду Маккавея на организацию восстания против Антиоха Епифана и очищение Иерусалимского храма от идолов, о чем и идет речь в 1–2 Маккавейских книгах. Однако на Руси, далекой от иудейской истории, мученики Маккавейские отождествлялись с героями-повстанцами Маккавейскими – и знаменательным событием было завершение перевода Маккавейских книг к 1 августа, дню памяти Маккавейских мучеников (подробнее см. об этом: [19]). В Великие Миней Маккавейские книги включе-

¹¹ Январский том не сохранился в Софийском комплексе Великих Миней Четиих. День памяти пророка Ионы отмечается 22 сентября, и под этим числом во всех трех «чистовых» списках читаются два его жития, из Пролога и из Стишного Пролога – со стихом.

ны в переводе с латыни, выполненном в Новгороде для полного библейского кодекса, с сопровождающими их двумя предисловиями «Герасима пресвитера» – составителя Вульгаты Иеронима Блаженного¹².

Из учительных книг в Великие Минеи, во все три «чистовых» комплекта, включен только Екклесиаст, под 31 июля, вне какого-либо агиографического контекста – и это единственная книга Священного Писания, место которой и само включение в Макарьевский свод я не могу объяснить.

Нахождение всех остальных библейских книг в Великих Минеях определено соответствующими памятниками и – дневными чтениями, что позволяет прийти к утверждению, что у Макария и его сотрудников не было цели ввести в агиографический свод все книги Священного Писания. Более того, судя по всему, книги отбирались тщательно и не дублировались. Так, среди чтений на 4 сентября – день памяти пророка Моисея – читается пространное его житие, заимствованное из Палеи, но нет ни одной из книг Моисеевых. Книги Иоанна Богослова (Толковое Евангелие от Иоанна и Толковый Апокалипсис) читаются в день преставления его 26 сентября, но ни одна из них не повторяется в день его памяти 8 мая.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принципы отбора по возможности четьих книг (толковых, по характеристике самого митрополита Макария [20]) не позволили в полной мере использовать составленный при архиепископе Геннадии полный библейский свод. Собственно, из Геннадиевской Библии были взяты лишь разделенные на главы Книги пророка Иеремии, пророка Варуха, Плача Иеремиины (в параллель к толковым текстам, писанным выше перечисленных здесь), Книга Иова и 1–2-я Маккавейские книги (в переводе с латыни) с двумя предисловиями Иеронима Блаженного. Как мы видим, вопреки впечатлению наших предшественников [6, с. 425–426; 7; 8] Геннадиевская Библия была доступна Макариевским книжникам и привлечена¹³, но использование ее в полном объеме не было их целью.

Очевидно, круг включаемых в Великие Минеи библейских книг был определен изначально, разнообразие источников видно уже на примере состава самого раннего из «чистовых» комплектов – Софийского. Успенский список, самый полный из трех не только в отношении сохранности томов, но и присутствия интересующих меня книг Священного Писания, дополнялся по сравнению с Софийским, однако случаев корректировки места или состава библейских книг мною не выявлено. Попытки исправить либо редакции включенных в Успенский комплект книг (Толковое Евангелие от Матфея, Толковый Апостол), либо их место (Толковый Апостол), либо даже присутствие их в агиографическом своде (Толковая Псалтирь) наблю-

даются в наиболее младшем, Царском списке. Причины, вызвавшие эти попытки, возможно, находятся вне истории собственно Великих Миней, однако это уже тема будущих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скрипиль М.О. Четьи-Минеи // История русской литературы: в 10 т. М.; Л., 1945. Т. 2, Ч. 1: Литература 1220-х – 1580-х гг. С. 434–436.
2. Дробленкова Н.Ф. Великие Минеи Четии // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV – XVI в. Ч. 1: А–К. С. 126–133.
3. Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. 254 с.
4. Ромодановская В.А. Геннадиевская Библия // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 584–588.
5. Ромодановская В.А. Геннадиевская Библия: Основные итоги и перспективы изучения // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XV Международный съезд славистов. Минск, 20–27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 266–285.
6. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 4. Ч. 1: История Русской Церкви в период постепенного перехода ее к самостоятельности (1240–1589). 591 с.
7. Лебедев Н. Макарий, митрополит всероссийский: 1482–1563 // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1877. Ч. 2, № 9. С. 392–406; № 10. С. 444–478; 1878. Ч. 1. № 1. С. 391–429; 1880. Ч. 2, № 9. С. 286–310; 1881. Ч. 2, № 7. С. 47–69.
8. Воронин Ф. Святитель Макарий, митрополит Московский и всея Руси, и его литературная деятельность // Богословские труды. М., 1996. Сб. 32. С. 121–195.
9. Ляховицкий Е.А., Шибаев М.А. Заметки о хронологии и порядке работы над Софийским комплектом Великих Миней Четьих // Источниковедение в современных исторических исследованиях. СПб., 2016. С. 8–13.
10. Макарий (Веретенников), игум. Великие Макарьевские Четьи-Минеи – сокровище духовной письменности Древней Руси // Богословские труды. М., 1989. Сб. 29. С. 106–126.
11. Брачев В.С. Великие Минеи Четии, собранные митрополитом Макарием: К истории публикации (1868–1917) // Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях: Альманах. СПб., 2016. Вып. 5. С. 367–376.
12. Ромодановская В.А. Библейские книги в Великих Минеях Четиих митрополита Макария: К постановке вопроса // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 26–35.
13. Ромодановская В.А. Книги Священного Писания в агиографическом контексте Великих Миней Четиих // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб., Т. 4. (в печати).
14. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание Великих Четьих Миней Макария, митрополита Всероссийского / С предисл. и доп. Е. В. Барсова // ЧОИДР. 1884. Кн. 1, отд. 2. С. I–XIX, 1–64; 1886. Кн. 1, отд. 2. С. 65–184.
15. Бобрин М.А. Толковый Апостол в Великих Четьих Минеях: Два списка – две редакции // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: 2010–2011. М., 2011. С. 52–102.
16. Бобрин М. Търновский перевод толкового Апостола в составе Великих Четьих Миней // Търновска книжовна школа. Велико Търново, 2011. Т. 9: Търново и идеята за християнския универсализъм. XII–XV век. С. 267–293.
17. Ромодановская В.А. Распространение переведенных с латыни частей Геннадиевской Библии. I. Рукописи XV – первой трети XVI в. // Источники русской истории и литературы. Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 6–28.

¹² Подробнее о Маккавейских книгах в составе Великих Миней Четиих см.: [18].

¹³ В варианте БАН, 33.10.4, см. об этом: [18].

18. Ромодановская В.А. Маккавейские книги в Великих Минеях Четиих: Опыт текстологического исследования // Источники по истории России: Проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 3–18.

19. Ромодановская В.А. Маккавейские книги в русской традиции // Четые Маккавейские книги. М.; Иерусалим, 2014. С. 527–540.

20. Черторицкая Т.В. Четые сборники в составе Великих Минеи Четых митрополита Макария // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1993. Т. 46. С. 98–108.

REFERENCES

1. Skripil' M.O. Chet'i-Minei. *Istoriya russkoy literatury*: v 10 vols. Moscow, Leningrad, 1945, vol. 2, pt. 1, pp. 434–436. (In Russ.)

2. Droblenkova N.F. Velikie Minei Chetii. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Leningrad, 1988, iss. 2, pt. 1, pp. 126–133. (In Russ.)

3. Alekseev A. A. Textology of the Slavic Bible. Saint Petersburg, 1999, 254 p. (In Russ.)

4. Romodanovskaya V.A. Gennady's Bible. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2005, vol. 10, pp. 584–588. (In Russ.)

5. Romodanovskaya V.A. Gennady's Bible: main results and prospects of study. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istoriya slavistiki: XV Mezhdunar. s'ezd slavistov (Minsk, 20–27 avg. 2013 g.): dokl. ros. delegatsii*. Moscow, 2013, pp. 266–285. (In Russ.)

6. Makariy (Bulgakov), mitropolit Moskovskiy i Kolomenskiy. History of the Russian Church. Bk. 4, pt. 1. History of the Russian Church in the period of its gradual transition to independence (1240–1589). Moscow, 1996, 591 p. (In Russ.)

7. Lebedev N. Macarius, Metropolitan of All Russia: 1482–1563. *Chteniya v Obshchestve lyubiteley dukhovnogo prosveshcheniya*. 1877, pt. 2, no. 9, pp. 392–406; no. 10, pp. 444–478; 1878, pt. 1, no. 1, pp. 391–429; 1880, pt. 2, no. 9, pp. 286–310; 1881, pt. 2, no. 7, pp. 47–69. (In Russ.)

8. Voronin F. St. Macarius, Metropolitan of Moscow and All Russia, and his literary work. *Bogoslovskie trudy*. Moscow, 1996, vol. 32, pp. 121–195. (In Russ.)

9. Lyakhovitskiy E.A., Shibaev M.A. Notes on the chronology and procedure for working on the Sofia set of Velikie Minei Chetii. *Istochnikovedenie v sovremennykh istoricheskikh issledovaniyakh*. Saint Petersburg, 2016, pp. 8–13. (In Russ.)

10. Makarii (Veretennikov), hegumen. Velikie Chetii-Minei by Makarii is the treasure of the Old Rus' spiritual literature. *Bogoslovskie trudy*. Moscow, 1989, vol. 29, pp. 106–126. (In Russ.)

11. Brachev V.S. Velikie Minei Chetii, collected by Metropolitan Makarii: on the publication history (1868–1917). *Drevnyaya Rus' vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh: al'manakh*. Saint Petersburg, 2016, vol. 5, pp. 367–376. (In Russ.)

12. Romodanovskaya V.A. The Bible books in Velikie Minei Chetii by Metropolitan Makarii: to the issue formulation. *Traditsii russkoy dukhovnoy kul'tury v pamyatnikakh pis'mennosti XVI–XX vv.* Novosibirsk, 2018, pp. 26–35. (In Russ.)

13. Romodanovskaya V.A. The books of Holy Scripture in the hagiographic context of Velikie Minei Chetii. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Materialy. Publikatsii*. Saint Petersburg, 2020, vol. 4. In print. (In Russ.)

14. Gorskiy A.V., Nevostruev K.I. Description of Velikie Chetii Minei by Macarius, Metropolitan of All-Russia. *Chteniya v Obshchestve lyubiteley dukhovnogo prosveshcheniya*, 1884, bk. 1, pt. 2, pp. 1–XIX, 1–64; 1886, bk. 1, pt. 2, pp. 65–184. (In Russ.)

15. Bobrik M.A. Explanatory Apostle in Velikie Chetii Minei: two lists – two versions. *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka: 2010–2011*. Moscow, 2011, pp. 52–102. (In Russ.)

16. Bobrik M. Tyrnov translation of the Explanatory Apostle as part of Velikie Chetii Minei. *T'rnovska knizhovna shkola. Veliko T'rnovo*, 2011, vol. 9, pp. 267–293. (In Russ.)

17. Romodanovskaya V.A. Distribution of Gennady Bible parts translated from Latin. I. Manuscripts of the XV – first third of the XVI centuries. *Istochniki russkoy istorii i literatury. Srednevekov'e i Novoe vremya*. Novosibirsk, 2000, pp. 6–28. (In Russ.)

18. Romodanovskaya V.A. The Maccabean books in Velikie Minei Chetii: the experience of textual research. *Istochniki po istorii Rossii: problemy obshchestvennoy mysli i kul'tury*. Novosibirsk, 2019, pp. 3–18. (In Russ.)

19. Romodanovskaya V.A. Maccabees in the Russian tradition. *Chetyre Makkaveiskie knigi*. Moscow, Jerusalem, 2014, pp. 527–540. (In Russ.)

20. Chertoritskaya T.V. Menology collections as a part of Velikie Minei Chetii by Metropolitan Macarius. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. 1993. Saint Petersburg, 1993, vol. 46, pp. 98–108. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.04.2020

Дата рецензирования 01.05.2020

Статья принята к публикации 15.06.2020

DOI: 10.15372/HSS20200302
УДК 821.161'01"15"

Л.И. ЖУРОВА

МАКСИМ ГРЕК И СТАРЕЦ АРТЕМИЙ (К ВОПРОСУ О ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)*

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск,
ул. Ак. Николаева, 8

Предметом исследования в настоящей статье стали два вопроса: о достоверности сведений о том, что Максим Грек по просьбе старца Артемия был переведен из Твери в Троице-Сергиев монастырь в 1551 г., и о влиянии Максима Грека на творчество старца. На основе анализа сказаний о Максиме Греке выдвинуто предположение, что автором идеи об участии Артемия в судьбе Максима Грека мог быть Исая Каменчанин (1591 г.). В «Житии Максима Грека», представляющем собой романизированное повествование XVIII в., сюжет об Артемии окрашен художественным вымыслом и в таком виде вошел в науку. В статье приведены результаты сопоставительного анализа посланий старца и сочинений Максима Грека, показана бесосновательность выводов о зависимости творчества Артемия от трудов ученого монаха, обнаружены тематические схождения посланий старца со словами митрополита Даниила.

Ключевые слова: Максим Грек, старец Артемий, Исая Каменчанин, Андрей Курбский, митрополит Даниил, послания, сказания о Максиме Греке, источник, рукописное наследие, групповая идентичность, книжная культура.

L.I. ZHUROVA

MAXIMUS THE GREEK AND STARETS ARTEMIOUS (ON THE GROUP IDENTITY PROBLEM)

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk,
630090, Russian Federation

The social, cultural and historical situation in Moscow Rus' of the XVI century created the conditions for the rapid growth of public writings. Starets Artemius' works represented by two stages (in Moscow Rus' and in Lithuania), require a monographic study, new editions of his works, and defining the role of his written legacy in the Mediaeval book history. Two issues are the study subject: the information veracity that Maximus the Greek was transferred from Tver to the Trinity-St. Sergius Monastery in 1551 by the request of Starets Artemius, and the effect of Maximus the Greek on the monk's works. Based on the analysis of legend of Maximus the Greek, it was suggested that Isaiah Kamenchanin (1591) could have authored the idea on Artemius' participation in the fate of Maximus the Greek. *The Life of Maximus the Greek*, which is a novel-like narrative of the XVIII century, the story of Artemius was fictionalized and thus became the object of scholarly research via V.S. Ikonnikov's works. The study represents the comparative analysis results of epistles by Starets and the Maximus the Greek's writings; demonstrates the conclusion's invalidity regarding dependence of the writing experience of Artemius on the learned monk's works; reveals convergence between the issues raised in Starets' epistle and Metropolitan Daniil's words. The convergent themes, motives, and locations mentioned in the social and public writings of the XVI century may testify to the relevance of Moscow Rus' social life discussed in the writers' works without indicating relations among the writings, and the influence of works by Maximus the Greek on the writings by Starets Artemius, or Nil Sorsky on Metropolitan Daniil. It is likely that researchers' statements regarding group identity of Artemius and Maximus the Greek were influenced by studying the biography and works by Andrey Kurbsky, whose writings were known to both elders. Researchers discovered cases of emulating the quotations by Maximus the Greek and borrowings from his writings in works by Isaiah Kamenchanin and Andrey Kurbsky, who, together with the learned monk, constituted a group of identical personalities, with the leading role played by the monk of the Holy Mount.

Key words: Maximus the Greek, Starets Artemius, Isaiah Kamenchanin, Andrey Kurbsky, Metropolitan Daniil, epistles, legends of Maximus the Greek, source, written heritage, group identity, book culture.

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00094.

Людмила Ивановна Журова – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: zhurovansk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6796-0896>.

Ludmila I. Zhurova – Doctor of Philology, Leading Researcher History Institute SB RAS.

К 550-летию со дня рождения Максима Грека
Commemorating the 550th anniversary of Maximus the Greek

ВВЕДЕНИЕ

В отечественной науке давно утвердилось мнение, что «по молебному словеси» старца Артемия Максим Грек был переведен из Твери, места своего многолетнего заточения (после суда 1531 г.), в Троице-Сергиев монастырь. Источником такого сведения стали сказания о Максиме Греке, опубликованные в 1898 г. С.А. Белокуровым [1, с. 12–135]. П.М. Занков в исследовании жизни и творчества Артемия (1887 г.) Максима Грека не упоминает [2]. С. Садовский (1891 г.) объясняет заботу Артемия о Максиме Греке солидарностью с ним в вопросах о монастырских владениях [3, с. 80].

Согласно убедительной аргументации Н.В. Сеницыной, пересмотревшей концепции С. Белокурова и И. Денисова, заточение Максима Грека в Тверском Отроче монастыре закончилось по воле Ивана IV, и в 1547 (1548) г. ученый инок был возвращен в Москву, а в Троицком монастыре появился позже [4, с. 194–197]. Это, должно быть, достоверная история. Еще одним доказательством нахождения Максима Грека в Москве в 1547–1548 г. может служить «Ответ вкратце Святому собору», составленный Святогорцем в связи с организацией суда над Исаком Собакой в 1548–1549 гг. [5, с. 98–100]. Максима Грека, видимо, уже находившегося в Москве, Иван IV приглашал на собор против Матфея Башкина в роли свидетеля, но ученый монах, пребывая уже в преклонных летах, вежливо и осторожно от предложения уклонился, причем ответ подготовил [6, с. 549; 7, с. 160].

О жизни Максима Грека в Троицкой обители достоверных сведений сохранилось очень мало. Известна его встреча в 1553 г. с Иваном IV и Андреем Курбским, сопровождавшим царя в поездке в Кирилло-Белозерский монастырь. О.А. Белоброва отметила: «В далеко не полном по сохранности документальном архиве Троице-Сергиева монастыря не отражены факты прижизненного пребывания в Сергиевой обители Максима Грека» [8, с. 363], и почитания ученого монаха после его смерти в обители не было. Интерес к нему и его трудам возрос в связи с учреждением патриаршества в России в 1589 г. [9]. В.С. Иконников обратил внимание на житие Дионисия Зобниновского, в котором сказано: «До сего же Дионисия в дому Сергия чудотворца мало любили Максима Грека книгъ, также и переведенных от ученика его Сильвана, ни во что полагаху те книги и на собор в торжества уставщики не давали им честь» [6, с. 553]. Это свидетельство позволяет (в какой-то мере) оценить положение ученого афонита в Троице-Сергиевом монастыре, в котором он провел последние 7–8 лет своей жизни.

СТАРЕЦ АРТЕМИЙ И СКАЗАНИЯ О МАКСИМЕ ГРЕКЕ

В составе собраний сочинений Максима Грека, составленных русскими книжниками в третьей четвер-

ти XVI в., появляется «Сказание о преподобном Максиме Греке», которое выполнило функцию предисловия к своду трудов писателя [10, с. 44]. В.В. Калугин (в принципе его поддержала Н.В. Сеницына) оспорил точку зрения И. Денисова об авторстве А. Курбского [10, с. 43; 11, с. 32]. Важно отметить, что в этом «Сказании» нет сведений о роли Артемия в судьбе Максима Грека:

«Таже последи милостивым царем, благочестивым православным государем, великим князем Иваном изведен бысть из Твери и жити ему повеле во обители всепетыя и поклоняемыя Троицы в Сергиеве монастыре». (*Пространная редакция*) (цит. по: [10, с. 84]).

«И тако повелением царя Ивана Васильевича взят бысть из Твери, и жити ему повеле во общей обители у Живоначальней Святей Троицы в Сергиеве монастыре». (*Краткая редакция*) (цит. по: [10, с. 88]).

Другой памятник – «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека и како претерпе до скончания своего» (далее: «Сказание известно»), – сохранился в составе Четых миней Иоанна Милютина (1654 г.). Н.В. Сеницына признала гипотезу И. Денисова об авторстве Исаяи Каменчанина (1591 г.), но с оговорками (о трехчастном составе текста) [10, с. 69–71]. Впервые информация о просьбе игумена Артемия появилась в первой части (составленной Исаяей) «Сказания известно», и она получила самое широкое распространение:

«И по молебному словеси и благоразсужению Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря игумена Артемия царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси повелевает премудраго старца Максима Грека с честию к себе взяти на Москву и быти ему во ослабе» (цит. по: [10, с. 96]).

Этому свидетельству трудно доверять, поскольку автор «Сказания» далее пишет о кончине Артемия, которая произошла якобы при жизни Максима:

«Прежде упомянутому же истинному братолюбцу Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря игумену Артемию, ко Господу отшедшу, бывает по нем спутшественник преподобныи он старец сыи [Максим Грек-Л.И.] во глубоцеи старости». (цит. по: [10, с. 96–97]).

Известно, что Артемий умер в Литве в 70-х гг. XVI в. (1575 г.) [12, с. 458–462]. Максим Грек, по версии Н.В. Сеницыной, скончался в декабре 1555 г. [4, с. 198]. Б.М. Клосс выдвинул гипотезу об уходе Максима Грека 12 декабря 1557 г. [13, с. 139]. О.А. Белоброва обратила внимание, что в перечне захоронений на территории Троице-Сергиевого монастыря указана дата смерти Максима Грека – 7064 [1556] [8, с. 111].

Итак, сведения о «молебном словеси» принадлежат Исаяе – автору «Сказания известно». Киевский монах, приехавший в Москву в 1561 г. с заданием получить книги в «царской книгохранильнице» для переписки и печатания их в Литве и Украине, но увлек-

шийся поисками и вышедший за рамки поставленных задач, «задержался» на Руси на 30 лет [10, с. 52–55; 14, с. 203–205]. Есть сведения, что он пользовался бумагами А. Курбского [15, с. 447].

А. Курбский в «Истории о великом князе Московском» сообщил, что Иван Грозный Максима «изъ зачочения свободиль по совету некоторых синглитовъ своихъ, исповедающихъ ему, иже отнюдь неповинне стражет таковыи блаженныи мужъ» [16, стлб. 208]. Под статус «синклита», доказывавшего невиновность Максима, Артемий не подходит, а Курбский, хорошо знавший Артемия, вероятно, отметил бы особую роль старца в этом деле, если бы сам факт имел место быть. Следовательно, в «Сказании известно» налицо мифологизация «поступка» старца Порфириевой пустыни, что вписывается в программу поведения Исаяи – утвердить авторитет Максима Грека, писательскому опыту которого он старался подражать.

С именем Исаяи Каменчанина, с западнославянской книжной культурой может быть связана история текста «Слово ответно Николаю Латынину» [17, с. 139; 18, с. 49–50]. Оно представляет собой компилятивный текст, составными частями которого были фрагменты статей антилатинской тематики: кроме «Слов на латинов» Максима Грека, здесь находим сочинения Никиты Стифата и Никиты Никейца, послание митрополита Иоанна II папе Клименту и др. В заключительной его части читаем: «Егда же разумом просвещень будещи, господина и учителя Данила, митрополита всея Руси, о том воспросиши, тои ты научить всю истину <...> Егда изящнаго разума Христова закона доктора, святаго митрополита многими сообщена художества узриши, любезне слышати имаши» [18, с. 386]. С этим пассажем связано происхождение в науке XIX в. [6, с. 434–435]) ошибочной точки зрения, сохранившейся до сих пор, о высокой оценке Даниила, данной якобы Максимом Греком. «Слово ответно», как показало исследование истории текста антилатинских посланий, Максиму Греку не принадлежит [17, с. 139; 18, с. 497–505]. Следовательно, Святогорец не называл Даниила «доктором закона Христова». Автором «похвалы» мог быть кто-то из книжников Киевской митрополии (Исаяи Каменчанин?). Когнитивная роль исторической памяти не выдерживает критики со стороны прагматического подхода.

Этот факт может служить культурным контекстом для исследования вопроса о роли Артемия в судьбе Максима Грека. Появление сообщения об Артемии как инициаторе перевода Максима Грека в Троице-Сергиев монастырь можно, видимо, объяснить некой идеализацией старца Порфириевой пустыни. Ее элементы видим в том, что Артемия чаще всего представляют исключительно как игумена Троице-Сергиева монастыря, хотя настоятелем он был всего несколько месяцев, и его пастырская деятельность ничем не отмечена. Артемий был поставлен в игумены знаменитой обители в начале 1551 г. изволением Ивана IV, а в конце того же года самовольно ее покинул и вернулся в Порфириеву пустынь (вблизи Кирилло-Белозерского мона-

стыря), ставшую ему родным местом. Пустынь была основана монахом Порфирием, нестяжателем, который в феврале 1521 г. получил назначение на игуменство в Троице-Сергиевом монастыре, но, попав в опалу из-за поддержки Василия Ивановича Шемячича, в сентябре 1525 г. оставил настоятельство и вернулся в Белозерскую пустынь. Артемия с Порфирием во второй половине 30-х гг. связывали добрые отношения. Маршрут возвращения обоих игуменов из Троицкого монастыря в пустынь служит неким смысловым контекстом в биографии старца Артемия. В феврале 1525 г. Порфирий, вероятно, присутствовал на соборе, разбиравшем дело Максима Грека [19, с. 90], и через десять лет он мог рассказывать об этом событии Артемию, перешедшему в 1535 (1536) г. из Комельского монастыря в Порфириеву пустынь. Между 1543 и 1550 г. Артемий жил в Псково-Печерском монастыре, но поставлен в игумены Троицкого монастыря из монахов пустыни [12, с. 458–462].

В «Житии Максима Грека», представляющем собой романизированное повествование XVIII в.¹, сюжет об Артемии окрашен художественным вымыслом и в таком виде вошел в науку через труды В.С. Иконникова [6, с. 528–534]. В «Житии» говорится, что царь указал Максиму Греку на место покойное у живоначальной Троицы, у «любезного ему друга Артемия», и что ученый монах жил при нем «въ великой чести и похвале» (цит. по: [1, с. LXXVII]). Достоверным источником «Житие Максима Грека» считаться не может.

ПОСЛАНИЯ СТАРЦА АРТЕМИЯ И РУССКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА XVI в.

Данных, указывающих на знакомство Артемия с трудами Максима Грека, в общем-то нет. Сам старец в своих посланиях Святогорца не упоминает. Посланий Максима Грека к Артемию тоже не обнаружено. Могли ли несколько месяцев общения Артемия с Максимом Греком в 1551 г. в Троице-Сергиевом монастыре повлиять на творчество инока-пустынника? Случаи неверных оценок в отношении Максима Грека с его современниками мы видели.

На конструирование групповой идентичности Артемия и Максима Грека, вероятно, оказало влияние изучение биографии и трудов Андрея Курбского. Князь считал Максима Грека своим учителем, называл «философом», встречался с ним в 1553 г. в Троице-Сергиевом монастыре, переводческая программа его кружка оформилась под влиянием ученого грека [15, с. 499]. С Артемием Курбский вел переписку, много общался, находясь в Литве, называл его «своим отцом и господином» и признавался, что идея создания сообщества искусных переводчиков в Миляновичах родилась в его беседах со старцем. Артемий выразил желание помогать в работе «по-словенски», но сделать этого он уже не успел [12, с. 87]. Итак, связанными можно счи-

¹ Житие сохранилось в единственном списке XVIII в. (РГБ. Ф. 310. № 338. XVIII в.), составлено С.Ф. Моховиковым, опубликовано С.А. Белокуровым [1, с. XLIII–LXXXII].

тать пары: Максим Грек и Андрей Курбский, Артемий и Андрей Курбский, но группа: Максим Грек, Артемий и Андрей Курбский, – скорее всего, сложилась в научных построениях, нежели в исторической реальности.

Как правило, Максима Грека и Артемия объединяют на основе их нестяжательских взглядов. Категория «нестяжание» стала символом групповой идентичности публицистов. Но современные подходы к изучению проблемы отношений стяжателей и нестяжателей [20, 21] позволяют пересмотреть существующие концепции. Нестяжательские взгляды Максима Грека имеют целый ряд особенностей [7, с. 103–130]. Н.В. Синицыной установлено, что главной из них нужно признать тот факт, что Святогорец не был сторонником секуляризации (как Вассиан Патрикеев и Артемий), он главным образом резко критиковал лихоимство, ростовщичество [4, с. 203–205]. Его рассказы об афонских обителях иллюстрируют отношение писателя к монастырским вотчинам, оно было достаточно нейтральным, умеренным. Признать тождественными позиции Максима Грека и Артемия относительно нестяжательства, видимо, не совсем правомерно.

В продолжение данной идеи Максима Грека и Артемия в науке предлагаются концепции о влиянии ученого афонца на труды старца. Замечания В.С. Иконникова о некоторых совпадениях позиций двух проповедников по вопросам изложения христианского вероучения, чертах сходства их сочинений [6, с. 544] в отечественной науке получили статус положений, не выносимых на защиту. Исследователи пишут о связях посланий Артемия с сочинениями Святогорца, не приводя доказательств [22]. В.В. Калугин, считавший, что «Максим Грек, Артемий и Курбский были хорошо знакомы друг с другом еще в Московской Руси» [11, с. 89], повторил заключение В.С. Иконникова о том, что «Послание кь въпросившему слова Божия» и послание неизвестному (царю) написаны Артемием под влиянием «Послания к неким инокиням» Максима Грека, а послание старца «Люторским учителям» обнаруживает сходство со «Словом о поклонении святых икон» [12, с. 86]. Следует заметить, что атрибуция «Слова о поклонении святых икон» Максиму Греку не доказана.

«Послание кь въпросившему слова Божия» [23, стлб. 1400–1420] может быть соотнесено с «Посланием к неким инокиням» Максима Грека [24, с. 308–316] только по одной позиции: это ответные послания, т.е. послания, написанные по просьбам адресатов. В книжной культуре XVI в. такая практика была чрезвычайно распространена, и эпистолярный жанр, соединивший традиции книжной культуры и делового письма, создавал благоприятные условия для выражения личностного начала, укрепления авторского самосознания и тем самым способствовал развитию отечественной публицистики. Примером могут служить, кроме эпистолий Максима Грека, послания митрополита Даниила [25, с. 208–257, 268–273]. Например, послание инокам Иосифова монастыря московский архиепиеп открывает признанием:

«Братия моя духовная и отци! Велми удивляюся о семь, яко вопрошаете мя, худаго и недостойнаго инока Данила, что есть уставъ общаго жития, и о семь повелеваете ми писаниемъ засведельствовати небрегущимъ и невнимающимъ» (цит. по: [25, с. 245]).

Максим Грек в самом начале «Послания инокиням» объяснил свой замысел:

«Просять у мене, убогаго и нищаго, елико въ добродетелех и въ разуме книжномъ, честные и премудры дщери небеснаго Царя, въспоминание жития боголепнаго <...> Откуда убо имамъ азъ, убогъ сыи въ такихъ, сицевую предложити имъ трапезу душеполезную и пищу неистошаему?» (цит. по: [24, с. 308–309]).

В «Послании кь въпросившему слова Божия» мотивация письма изложена Артемием в пространном вступлении:

«Похвално желание подвигнуть еси, возлюбленные брате, взыскал слышати слово Божие <...> Но понеже понудилъ еси насъ, недостойныхъ, выше нашей меры, еже и написано, послати Господнихъ заповедей воспоминание, тебе же и сущимъ с тобою братьямъ нашимъ <...> Азъ есмь человекъ грешень и немощень, бояхся начати таковая» (цит. по: [23, стлб. 1400–1401]).

Таким образом, общим моментом в посланиях Артемия и Максима Грека стало «воспоминание заповедей». Модель: ссылка на адресата, самоуничижительная формула автора, наставления – характерные элементы ответного послания, и в публицистике XVI в. она становится топикой жанра. По содержанию Послание Артемия не совпадает с сочинением Максима Грека об исправлении иноческого жития. Афонит обсуждал во всех тонкостях вопрос об исполнении заповедей: «Зачяло премудрости страх Господень...». Артемий обратился к ряду вопросов, якобы заданных ему неким лицом. Свою позицию публицист представил в самом начале:

«Пръвое же въпрошение твое се есть: хотелъ быхъ ведати главнейшия заповеди Господня. Ответъ же о семь вскоре подамы не от себе, но от святаго Еуангелиа» (цит. по: [23, стлб. 1402]).

Писать «от Божественныхъ Писаний» – традиция, хорошо развитая в волоколамской книжной школе, к которой относился и Нил Сорский, его учению старался следовать Артемий. Такая позиция писателей обусловлена желанием придать ответу убедительность.

Церковный публицист в сильную позицию начала своих ответов ставит вопрос о главных заповедях. Обращаясь к словам Христа о первой заповеди: «възлюбиши Господа своего...», второй заповеди: «възлюбиши ближняго своего...» (Лк 10: 27, Мрк 12: 30), – Артемий подчеркнул: «самъ Господь своимъ заповедемъ чинь възложилъ есть» (цит. по: [23, стлб. 1402]). Заповедь любви – основная тема в сочинениях публицистов XVI в. Так, проповедником любви В. Жмакин называл Даниила [26, с. 605]. Положение о духовной любви занимает ведущее место в суждениях Максима Грека о христианском долге православно-го. Этот мотив – один из значимых в богословских построениях Артемия, но нет оснований видеть влияние

трудов вагопедского монаха на старца. Сходство можно объяснить общими корнями богословских учений двух иноков, которые ведут к Афону. Артемий познакомился с ними через своего учителя – Нила Сорского, прошедшего несколько лет на Святой Горе. Максим Грек, приняв монашеский постриг в Вагопедском монастыре, в течение десяти лет (1506–1516 гг.) изучал на Афоне труды учителей Церкви.

Ряд вопросов, поднятых Артемием в «Послании къ въпросившему», знакомы всем публицистам XVI в. Адресат «испытует» старца: «како не заблудити от истиннаго пути». Ответ дан классический:

«И о сем совет даю тебе: свяж себе законы божественных писаний и последуй темъ писаниемъ же истинным и божественнымъ. “Писания бо многа суть, но не вся божествена”» (цит. по: [23, стлб. 1406]).

Артемий в качестве аргумента приводит хорошо известные слова Нила Сорского из послания своему ученику – монаху Кирилло-Белозерского монастыря Гурию Тушину. Их он повторяет во многих своих посланиях, призывая к разборчивости в чтении, поскольку неверно понятый текст порождает ересь. Этой установкой руководствовался Даниил: будучи игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря, запрещал келейное чтение. Вместе с тем, в другом сочинении, «Послании царю» (Ивану Грозному), Артемий осуждает «неких, мнящихся быти учителей», которые говорят: «Грехъ простымъ чести Апостоль и Евангелие», «не чти много книгъ, да не во ересь впадеши», «тоже прельщающе глаголють: зашелся есть в книгахъ» (цит. по: [23, стлб. 1383–1384]). Артемий – сторонник христианского просвещения. Так, он послал царю книгу «от божественных писаний и от великих отец нравоучительная наказанія» с наставлением:

«въ нихъ же отескаа предания и человеческия обычаи навькнеши, пачеже о Господнихъ заповедехъ просвещение приимеши» (цит. по: [23, стлб. 1385]).

Суть его «книжного учения» основана на словах Нила Сорского: «Писания бо многа суть, но не вся божествена». Артемий постоянно призывал отличать истинное, божественное чтение от ложного. Он высоко чтит Василия Великого, переписал «Постнические словеса» учителя Церкви, царю настоятельно советовал:

«И аще хоцещи истинною навькнути сия, прочти со прилежаниемъ всякимъ просветительную книгу Великаго Василия, не житие его, но самое священныя руки его списание» (цит. по: [23, стлб. 1388]).

Интенция посланий Ивану Грозному Максима Грека принципиально отличается от замысла Артемия. Главы Иоасафовского кодекса – 24 («Слово к начальствующему на земли») и 25 («Главы поучительны к начьялствующим правоверно») – посвящены проблемам политической этики. Наставления и поучения правителям были популярны в Средневековье. Так, хорошо известно в древнерусской книжной традиции, например, Послание Константинопольского патриарха Фотия болгарскому князю Михаилу-Борису. Максим Грек в своем авторском кодексе изложил нравствен-

ные нормы, которых должны придерживаться верховные власти в социальной и политической сферах. Оба сочинения представляют программу, моральный кодекс «начальствующего», «идейные основы» для ведения политики молодого русского царя. Еще одно послание Максима Грека Ивану IV сохранилось в Румянцевском сборнике. Первая его часть содержит рассуждения о разумном человеке, который украшается истиной, правыми делами и кротким нравом; вторая – собственно похвалу Ивану IV, который властью, врученной ему от Бога, правит «правдою и правосудием, очищая ее премудрейшими умыслени и строении от неправдования, разбоинничества же и кровопролития неправеднейших и клеветникъ бездушнейшихъ...»². Как видим, различия между посланиями старца Артемия и Максима Грека одному адресату – Московскому царю – принципиальные.

Анализ «Послания къ въпросившему слова Божьего» старца Артемия позволил установить, что содержание и последовательность поставленных в нем вопросов удивительным образом совпадают с тематикой и архитектурной «Сборника» митрополита Даниила. Кодекс московского архиепископа был составлен в начале 30-х гг. XVI в. [25, с. 174], не имел широкого распространения. Артемий мог с ним познакомиться во время своего игуменства в Троице-Сергиевом монастыре, где находился бывший митрополит Иоасаф, который владел коллекцией книг, преимущественно «написанных в митрополичьей мастерской во время правления Даниила» [27, с. 116], и список «Сборника» РГБ. Ф. 173/1. № 197, видимо, принадлежал ему, как и сборник сочинений Максима Грека (РГБ. Ф. 173/1. № 42), сохранивший владельческую запись «Митрополита Иоасафа».

Следом за вопросами о первых заповедях в «Послании къ въпросившему» заявлена тема: «О различии учителей, и како тех послушати подобаетъ?». Артемий, ссылаясь на Дионисия Ареопагита, пишет: ложный учитель тот, кто учит не от божественных писаний, «но от своего умысления, по хотению кождо» (цит. по: [23, стлб. 1411]). Предостережениям, как уберечься от лживых пророков и лживых учителей, как их распознать, посвящено пространное Слово 1 «Сборника» Даниила:

«Яко внимати подобаетъ отъ ложныхъ пророкъ и отъ ложныхъ учителей, и яко отъ сего познается ложный учитель и ложный пророкъ; от еже не учити отъ божественныхъ писаний, но отъ злобы своего сердца по лукавству диаволу на пагубу многимъ...» (цит. по: [25, с. 476]).

Мотив лжеучительства проходит через ряд сочинений Максима Грека. Так, во вступлении к «Слову против льстивого списания Николая Немчина» публицист изложил кредо определения лжепророков, «тематическим ключом» которого служили слова апостолов: «Внемлите отъ лживыхъ пророковъ, иже приходятъ къ вамъ въ кожахъ

² Текст цитируется по рукописи: РГБ. Ф. 256. № 254. XVI в. Л. 293 об.

овчиихъ, внутрь же суть вльци хъщници» (Мф 7: 15); «сицевии же суть лживии апостоли, делателие лъствиивии, преобразуеми въ апостолехъ Христовыхъ» (2 Кор 11: 13). Максим Грек переименовывает «лживых пророков» в «лживых учителей» и дает им определение, это:

«глаголющие от чрева своего, а не по еуагельскому законоположению и богословию, иже преухыщреннымъ суесловиемъ прелщаютъ сердца простыхъ» (цит. по: [18, с. 243]).

Таким лжеучителем он называет «лъстиваго Николая Немчина» (Николая Булева [15, с. 101–103]). Параллель (в том числе синтаксическая) в характеристике лжеучителей – «учить не от божественных писаний, но от своего умышления» (Артемий) // «учити не отъ божественныхъ писании, но отъ злобы своего сердца» (Даниил) // «глаголющие от чрева своего, а не по еуагельскому законоположению и богословию» (Максим Грек) – пример топоса в проповеднической речи. Его вариации позволяют видеть оригинальность каждого церковного публициста. Разнообразие стилей, подходов, наблюдаемых в трудах публицистов, свидетельствует об интенсивности литературного процесса в Московской Руси, о богатстве книжной культуры русского Средневековья.

Следующий вопрос, который обсуждается в «Послании къ въпросившему» старца Артемия: «Что есть, еже не судите и не осужени будете?» (Лк 6: 37) [23, стлб. 1413]; он поставлен от имени Василия Великого («Отъ Великаго Василия въпросъ»). На него подробно ответил Даниил в 9-й главе «Соборника», заглавие которой представляют собой собственно библейскую цитату: «Не судите, да не судими будете» [25, с. 680], но в ней нет ссылки на учителя Церкви (Василия Великого). В трудах Нила Сорского и Максима Грека не содержится специального комментария этого евангельского текста.

В «Соборнике» Даниила название Слова 13 составлено из вопроса: «Что есть мир?». В Послании Артемия он тоже поставлен, и ответ на него звучит от имени Иоанна Богослова (1 Ин 2: 15–17):

«Иоанъ же Богословець глаголетъ: не любите мира, ни яже в мире, яко все, еже в мире, похоть плотская...» (цит. по: [23, стлб. 1415]).

Эта же библейская цитата стала основным элементом архитектоники пространного сочинения Даниила [25, с. 795–811].

Артемий в «Послании къ въпросишему» высказывается на тему брака:

«А понеже слашахъ о васъ, яко неции хулять бракъ, узаконенный от Бога, и сие отъ многоневедения глаголють таковии, апостолу глаголющу: “честень бракъ и ложе нескверно”» (Евр 13: 4)» (цит. по: [23, стлб. 1417]).

В «Соборнике» Даниила три последних Слова (14–16) посвящены вопросам брака, и слова апостола Павла выполняют в них ключевую роль. Изложение одной темы в сочинениях Артемия не дублирует текст Даниила, публицист находит свои слова выразительности, вместо пространного трактата у него сформу-

лирован тезис, но проблемная зависимость Послания Артемия от «Соборника» Даниила очевидна. Так, рассуждения о «брашне и питии», которые продолжают текст Послания Артемия, у Даниила составили содержание Слова 10 [25, с. 720–733]. Концепт: «не брашно – зло и питие, но зло – объядение и пианство, ниже жена – зло, но блудъ» (цит. по: [23, стлб. 1419]) – общее место христианских проповедей, и он стал топосом сочинений публицистов. В рукописном наследии Максима Грека нет сочинения, специально посвященного осуждению «брашна и пития», но небольшое слово под названием «На несъитное чрево и безчисленных золь виновно иночествующимъ» может служить неким фоном для составления культурного контекста. Основной его пафос – наставление инокам:

«О, чрево безсудно и николи же насыщаемо, его же ради, иноци несмыслени, поруганием бываем богпротивником бесом» (цит. по: [24, с. 204]).

Нил Сорский в «Уставе» чревообъядению посвятил отдельный раздел 5-й главы, но его наставления инокам на эту тему не пересекаются с поучениями других публицистов. Таким образом, совпадения тем в сочинениях писателей свидетельствуют об актуальности нравственно-религиозных проблем в общественной жизни Московской Руси XVI в.

Примерами рецепции сочинений Максима Грека служит творчество Исаяи Каменчанина и Андрея Курбского. Западнорусскому монаху принадлежат небольшие произведения, написанные в подражание ученому греку: «Плач» и «Жалоба». В них находим слова:

«Не скорби и не тужи, возлюбленаа моя душе, и не вдавай, Господа ради, в всемерную скорбь» (цит. по: [14, с. 205]),

которые представляют собой реминисценцию небольшого сочинения Максима Грека, его начало:

«Не тужи, ни скръби, ниже тоскуи о них же, любезна ми душе, стражеши бес правды...» (цит. по: [28, с. 131]).

Обнаруженные Э. Кинаном текстуальные сходства этих сочинений Исаяи с первым посланием А. Курбского Ивану Грозному породили бурную дискуссию о подложности переписки князя с царем. Одним из вариантов ее разрешения стало предположение о существовании общего источника у сочинений монаха и опального князя [15, с. 446–447]. Таким источником, вероятнее всего, был текст Максима Грека.

Д.М. Буланиным приведены примеры заимствований А. Курбским из сочинений Максима Грека [29, с. 39]. Ничего подобного не видим в посланиях старца Артемия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Творчество старца Артемия, безусловно, нуждается в монографическом исследовании и переиздании его трудов, определении места его рукописного наследия в истории публицистики Московской Руси. Как малоправдоподобно предание о том, что Зиновий Отенский был учеником Максима Грека [15, с. 354], так не вы-

держивает критики и точка зрения, введенная в науку В.С. Иконниковым на основе сомнительных источников о роли старца Артемия в судьбе Максима Грека. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что отношения двух старцев, встретившихся в Троице-Сергиевом монастыре волею судеб, а не по инициативе Артемия, не были творчески связанными. Жизненный путь и труды каждого представляют собой уникальные явления в историко-культурном процессе русского и европейского Средневековья и требуют дальнейшего исследования, на основании которого можно будет разработать теоретические модели множественности идентичностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белокуров С.А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. 886 с.
2. Занков П.М. Старец Артемий, писатель XVI в. // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. № 11. С. 47–64.
3. Садковский С. Артемий, игумен Троицкий // Чтения Общества истории древностей российских. 1891. Кн. 4, отд. 3. С. 1–143.
4. Синецкая Н.В. Максим Грек. М., 2008. 236 с. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1162).
5. Журова Л.И. «Судный список Максима Грека» и церковная публицистика XVI в. (митрополит Даниил и Максим Грек) // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 90–100. (Археология и источниковедение Сибири; вып. 36).
6. Иконников В.С. Максим Грек и его время. М., 1915. 651 с.
7. Синецкая Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. 332 с.
8. Белоброва О.А. О почитании Максима Грека в Троице-Сергиевом монастыре // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 2007. С. 363–368.
9. Крутецкий В.Ю. Максим Грек и учреждение патриаршества в России (Разрешительная грамота патриарха Иеремии II Максиму Греку, июль 1588г.) // 400-летие учреждения патриаршества в России. Спецвыпуск. Roma, 1989. С. 115–125.
10. Синецкая Н.В. Сказания о преподобном Максиме Греке (XVI–XVII вв.). М., 2006. 136 с.
11. Калугин В.В. Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998. 417 с.
12. Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. 716 с.
13. Клосс Б.М. О дате смерти Максима Грека // Россия и Христианский Восток. М., 2015. Вып. IV–V. С. 136–139.
14. Синецкая Н.В. Исайя Каменец-Подольский и Максим Грек (Из истории культуры второй половины XVI в.) // Литература и искусство в системе культуры. Л., 1988. С. 195–208.
15. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2: вторая половина XIV–XVI в. 518 с.
16. Сочинения князя Курбского. Т. 1: Сочинения оригинальные // Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссиею. СПб., 1914. Т. 311. 622 стлб.
17. Синецкая Н.В. Из истории полемики против латинян в XVI веке (о датировке и атрибуции некоторых сочинений Максима Грека) // Отечественная история. 2002. № 6. С. 130–141.
18. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2008. Т. 1. 568 с.
19. Судные списки Максим Грека и Исаака Собака / подг. Н.Н. Покровского. М., 1971. 192 с.
20. Плигузов А.И. Полемика в русской церкви первой трети XVI в. М., 2017. 420 с.
21. Григоренко А.Ю. Религиозная мысль Московской Руси: иосифляне, нестяжатели, еретики. СПб., 2017. 154 с.

22. Климков О.С. К вопросу об исихастских корнях творчества Артемия Троицкого // Философия и культура. 2018. № 1. С. 1–12.
23. Послания старца Артемия, XVI в. // Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. 4. Стлб. 1201–1448.
24. Преподобный Максим Грек. Сочинения. М., 2014. Т. 2. 432 с.
25. Даниил, митрополит Московский. Сочинения. М., 2020. 848 с.
26. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. 762 с.+71 с.
27. Клосс Б.М. Библиотека московских митрополитов в XVI в. // Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974. С. 114–121.
28. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции: в 2 ч. Новосибирск, 2011. Ч. 2. 303 с.
29. Буланин Д.М. Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984. 278 с.

REFERENCES

1. Belokurov S.A. On the library of the Moscow sovereigns in the XVI century. Moscow, 1898, 886 p. (In Russ.)
2. Zankov P.M. Starets Artemius, a writer of the XVI century. Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya, 1887, no. 11, pp. 47–64. (In Russ.)
3. Sadkovsky S. Artemius, the hegumen of the Trinity-St. Sergius Monastery. Chteniya Obshchestva istorii drevnostey rossiyskikh, 1891, bk. 4, pt. 3, pp. 1–143. (In Russ.)
4. Sinitzyna N.V. Maximus the Greek. Moscow, 2008, 236 p. (The life of wonderful people: ser.biogr. iss. 1162). (In Russ.)
5. Zhurova L.I. "The Judicial List by Maximus the Greek and the ecclesiastical social and political writings of the XVI century (Metropolitan Daniil and Maximus the Greek). The issues of preservation of the Russian spiritual culture in the manuscripts of the XVI-XVII centuries. Novosibirsk, 2017, pp. 90–100. (Archeography and source study of Siberia; vol. 36). (In Russ.)
6. Ikonnikov V.S. Maximus the Greek and his time. Moscow, 1915, 651 p. (In Russ.)
7. Sinitzyna N.V. Maximus the Greek in Russia. Moscow, 1977, 332 p. (In Russ.)
8. Belobrova O.A. On Maximus the Greek veneration in the Trinity-St. Sergius Monastery. Vspomogatelnye istoricheskie distsipliny. Saint Petersburg, 2007, pp. 363–368. (In Russ.)
9. Krutetsky V.Yu. Maximus the Greek and establishing the institute of patriarchy in Russia (the Letter of Assent granted by Patriarch Jeremiah II to Maximus the Greek, July 1588). 400-letiyе uchrezhdeniya patriarshestva v Rosii. Roma, 1989, pp. 115–125. (In Russ.)
10. Sinitzyna N.V. Tales of Venerable Maximus the Greek (the XVI-XVII centuries). Moscow, 2006, 136 p. (In Russ.)
11. Kalugin V.V. Andrey Kurbsky and Ivan the Terrible. The theoretical views and the literary techniques of an ancient Russian writer. Moscow, 1998, 417 p. (In Russ.)
12. The Orthodox encyclopedia. Moscow, 2001, vol. 3, 716 p. (In Russ.)
13. Kloss B.M. On the date of death of Maximus the Greek. Rossiya i khristianskiy vostok. Moscow, 2015, iss. 4/5, pp. 136–139. (In Russ.)
14. Sinitzyna N.V. Isaiiah Kamenets-Podolsky and Maximus the Greek (from the culture history of the second half of the XVI century). Literatura i iskusstvo v sisteme kultury. Leningrad, 1988, pp. 195–208. (In Russ.)
15. The dictionary of books and bookmen of Ancient Rus'. Iss. 2 (the second half of the XVI–XVII centuries). Leningrad, 1988, 518 p. (In Russ.)
16. The writings by Prince Kurbsky. Vol. 1. Original works. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya arheograficheskoyu komissieyu. Saint Petersburg, 1914, vol. 311, column 622. (In Russ.)

17. *Simitsyna N.V.* From the history of controversy against Romans in the XVI century (on dating and attribution of certain writings by Maximus the Greek). *Otechestvennaya istoriya*, 2002, iss. 6, pp. 130–141. (In Russ.)
18. *Venerable Maximus the Greek*. Writings. Moscow, 2008, vol. 1, 568 p. (In Russ.)
19. *Sudnye spiski* (Judicial lists) by Maximus the Greek and Isak Sobaka, comp. N.N. Pokrovsky. Moscow, 1971, 192 p. (In Russ.)
20. *Pliguzov A.I.* Controversy in the Russian Orthodox Church in the first third of the XVI century. Moscow, 2017, 420 p. (In Russ.)
21. *Grigorenko A.I.* The religious thinking of Moscow Rus': Josephites, non-possessors, heretics. Saint Petersburg, 2017, 154 p. (In Russ.)
22. *Klimkov O.S.* On the hesychastic roots of works by Artemius Troitsky. *Filosofiya i kultura*, 2018, no. 1, pp. 1–12. (In Russ.)
23. Epistles of Starets Artemius, the XVI century. *Russkaya istoricheskaya biblioteka*. Saint Petersburg, 1878, vol. 4, columns 1201–1448. (In Russ.)
24. *Venerable Maximus the Greek*. Writings. Moscow, 2014, vol. 2, 432 p. (In Russ.)
25. *Daniil, Metropolitan of Moscow*. Writings. Moscow, 2020, 848 p. (In Russ.)
26. *Zhmakin V.* Metropolitan Daniil and his writings. Moscow, 1881. 762+71 p. (In Russ.)
27. *Kloss B.M.* The library of Moscow Metropolitans in the XVI century. *Problemy paleografii i kodikologii v SSSR*. Moscow, 1974. pp. 114–121. (In Russ.)
28. *Zhurova L.I.* The author's texts by Maximus the Greek: the manuscripts and literary tradition. Pt. 2. Novosibirsk, 2011, 303 p. (In Russ.)
29. *Bulanin D.M.* Translations and epistles by Maximus the Greek. Leningrad, 1984, 278 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.04.2020

Дата рецензирования 03.05.2020

Статья принята к публикации 15.06.2020

DOI: 10.15372/HSS20200303
УДК 821.161.1

И.А. ЛОБАКОВА

ПОВЕСТЬ XVII в. «ОБ УБИЕНИИ БОРИСА И ГЛЕБА»: РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ И ЗАПИСИ ДУХОВНЫХ СТИХОВ

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
РФ, 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

В статье рассматривается проблема соотношения духовных стихов и их книжных переработок на примере рукописной повести XVII в. «Об убиении Бориса и Глеба», текст которой был опубликован в 1860-х гг. П.А. Бессоновым в его сборнике «Калеки переходные». В основу публикации одной из приводимых версий лег список, предоставленный К.Ф. Калайдовичем. Список был сделан им с неуказанной рукописи из библиотеки графа Ф.А. Толстого. Удалось идентифицировать эту рукопись (современный шифр – РНБ, О. I. 61, 1670–1680-е гг.). Анализ текста повести позволил прийти к выводу, что невозможно доказать безусловность влияния духовного стиха о Борисе и Глебе на повесть (нельзя исключить возможность и обратного влияния). Если даже согласиться с тем, что духовный стих первичен, то его письменная фиксация изменила жанровую принадлежность произведения, поэтому книжную переработку сложно отнести к духовным стихам.

Ключевые слова: духовные стихи, книжная переработка текста, князя Борис и Глеб, повесть XVII в.

I.A. LOBAKOVA

THE XVII CENTURY STORY “ON THE MURDER OF BORIS AND GLEB”: MANUSCRIPT TRADITION AND SPIRITUAL VERSES RECORDS

Institute of Russian Literature (Pushkin’s House) RAS,
4, Makarov emb., Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation

The article objective is to find out to what extent the story “On the murder of Boris and Gleb”, the earliest copy of which is in the manuscript of 1670-80s, correlates with the records of spiritual verses about Boris and Gleb. It was first published in the miscellany of spiritual verses by P.A. Bessonov in 1861 in his collection “The Itinerant Cripples”. There is a steady tradition to consider the story as a spiritual verse, although the scientist noticed that he had received the text from K. F. Kalaydovich, who handed him a copy of literature work from Count F. A. Tolstoy’s library, emphasizing that this copy was a book remake of the verse. It is rather difficult to give convincing proof of the oral tradition’s duration of folklore works. Besides, it is not clear to what extent the written fixation made in the New time is correlated with the oral version. Spiritual verses about Boris and Gleb were the subject of a special study by L. S. Soboleva, who considered spiritual verses and their book modifications as something unified. The researcher focused on identifying folk-poetic ideas about the first Russian saints in understanding the conflict and developing the plot among Old Believers. She found and published 4 new copies of the book version in the Ural collections of the late XVIII-XX centuries. The article reveals that when the text was included into the manuscript collection, it lost the rhythmic characteristic of spiritual poems, a number of motifs changed, and separate details were added. On the author’s opinion, the text originally reworked from the late XVII-century version was several times rewritten (the manuscript of F. A. Tolstoy collection including the earliest known copy of the story “On the Murder of Boris and Gleb” has been found in Russian National Library, Department of Old-Printed Books and Manuscripts, Inv. O. I. 61). So-called book versions of the spiritual verse are textologically connected, having received a steady handwritten tradition, mainly among Old Believers. The author prepared for publication the earliest copy of the novel to which later copies ascend.

Key words: spiritual verse, book revision of the text, Princes Boris and Gleb, XVII century story.

Ирина Анатольевна Лобакова – канд. филол. наук, старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, e-mail: irinairli@mail.ru

Irina A. Lobakova – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, Department of the Middle Ages Russian Literature of Institute of Russian Literature (Pushkin’s House) RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Рассуждая о «стилистических контрастах» литературных произведений XVII в., Н.С. Демкова пришла к важному выводу: «... в эпоху бурного развития литературного творчества в посадской, крестьянской среде, в среде низшего и среднего духовенства, <...> многообразным было само использование стилистических и жанровых моделей, накопленных литературой к XVII в. “Стилистической пестротой” отмечен ряд памятников народной – демократической – беллетристики, создатели которых для “построения” собственного текста заимствовали и сюжетные коллизии, и типы персонажей, и блоки устойчивых литературных описаний из различных жанровых образцов...» [1, с. 182-183]. С этого времени рукописные сборники, отличающиеся стилистической пестротой, активно переписывались на протяжении XVIII – XIX вв. Анализируя произведения народной беллетристики, ориентированные на различные повествовательные модели, Н.С. Демкова отметила: «В литературных памятниках “переходного” семнадцатого века начинает формироваться качественно новый историзм литературы: историзм не факта, не реального события, легшего в основу текста, а общей идеи произведения, исторически (а иногда и социально) обусловленное отношение авторов к изображенным в повестях героям и обстоятельствам» [1, с. 193].

**«ПОВЕСТЬ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ»
В СБОРНИКЕ XVII в.**

В связи с этим небольшая по объему повесть «Об убиении Бориса и Глеба» предоставляет интересный материал для анализа. Князя Борис и Глеб с момента стремительного сложения их культа [2] стали фигурами знаковыми в истории и культуре Руси. В XVII в. активно переписывался широкий круг летописных и агиографических памятников, посвященных страстотерпцам, но в рукопись 1670 – 1680-х гг. из собрания РНБ (ОСРК О. 1. 61) был включен текст, связь которого с его источником – Сказанием о Борисе и Глебе – оказалась достаточно опосредованной.

Впервые памятник ввел в научный оборот еще в 1861 г. П.А. Бессонов [3, с. 657–659]. Издавая духовные стихи, в том числе подборку о Борисе и Глебе, ученый поместил среди произведений, записанных от сказителей, книжные по происхождению тексты, отметив при этом, что «в предыдущих стихах видна книжная переделка (выделено мною. – И.Л.) из народных сказаний и стихов» [3, с. 669]. Исследователь назвал источник публикации: «Найдено, списано и приготовлено вместе с другими стихами к печати К.Ф. Калайдовичем, когда рукопись принадлежала еще Н.И. Матрунину, потом перешла она к Ф.А. Толстому; разумеется, мы приняли текстом список, сделанный Калайдовичем» [3, с. 659]. Никаких других сведений о рукописи, в которой читалась, по мнению П.А. Бессонова, книжная обработка стиха, приведено издателем не было.

Однако замечания о том, что текст был передан К.Ф. Калайдовичем, а рукопись находилась в собрании графа Ф.А. Толстого, с очевидностью диктовали необходимость обратиться к Описанию рукописей его собрания [4]. В Отделе III под № 5 этого описания среди составляющих сборник произведений на с. 564 упомянуто «Убиение свв. благоверных князей Бориса и Глеба». При обращении к тексту произведения подтвердилась гипотеза о том, что К.Ф. Калайдович передал П.А. Бессонову для издания список повести именно из этого кодекса (современный шифр – РНБ, ОСРК О. 1. 61).

Собственно, после публикации списка в подборке духовных стихов и сложилась устойчивая традиция рассматривать повесть «О Борисе и Глебе» как духовный стих, получивший письменную фиксацию. В связи с этим и возникла необходимость рассмотреть проблему соотношения духовного стиха о Борисе и Глебе и его книжной обработки.

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ
ДУХОВНОГО СТИХА О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ
И «ПОВЕСТИ ОБ УБИЕНИИ БОРИСА И ГЛЕБА»**

Прежде всего отметим, что введенное исследователями понятие «духовный стих» объединяет широкий круг памятников. Так, Ю.А. Новиков в специальной работе обратил внимание, что «термин “духовный стих” объединяет разнообразный по форме и содержанию материал. К этому жанру относят и так называемые “старшие” стихи, испытавшие сильное воздействие былин, и произведения лиро-эпического и лирического характера» [5, с. 208]. Отличительной особенностью произведений в устном бытовании является, с точки зрения исследователя, тот факт, что «имена собственные чужды народной поэзии, связаны с книжными источниками и поэтому в крестьянской среде быстро выбываются или деформируются» [5, с. 218].

Проблема идентичности фольклорного текста и его письменных фиксаций в XVIII – XIX вв. является одной из наиболее сложных. Этому вопросу посвящены многие исследования: довольно затруднительно привести убедительные доказательства относительно длительности устного бытования памятников всех народов (т.е. к какому времени следует относить *создание* произведения). Данная проблема, в частности, находится в сфере интересов исследователей скандинавских саг [6]. Кроме того, остается неясным, до какой степени письменная фиксация, сделанная в Новое время, соотносима с устной версией произведения. Как справедливо отмечалось, «при спорадически декларируемом <...> различии “фольклора” и “нефольклора” это различие никогда не было достаточно последовательным» [7, с. 44]. К.А. Богданов счел необходимым подчеркнуть, что «словосочетания “городской фольклор” или, например, “письменный фольклор” должны считаться абсурдными или, во всяком случае, научно незаконными» [7, с. 45]. Заметим, что вопросы о соотношении фольклорных и книжных

текстов, а также о том, какие из них были источником влияния на другие, по-прежнему предполагают неоднозначность решений. Убедителен вывод исследователя о том, что «непредвзятый подход к фольклорному материалу показывает, что анализ этого материала вне учета книжного влияния, воздействия церковной и светской культуры, как правило, не объясняет ни его происхождения, ни его реального бытования» [7, с. 49].

В исследованиях духовных стихов, записанных собирателями в XX в., отмечалась разная степень распространенности их сюжетов (наиболее частотными признаны «Алексей, человек Божий», «Егорий Храбрый», «Два Лазаря», «Никола чудотворец», «Михаил Архангел» и «Христово Воскресение») [8, с. 318–348], среди них стих о Борисе и Глебе назван редким.

Л.С. Соболева посвятила специальное исследование письменной фиксации сюжета об убийстве Бориса и Глеба, отметив ряд несовпадений с устной версией в издании П.А. Бессонова [9, с. 309–337]. Опираясь на мнения предшественников о духовных стихах как о произведениях, в которых нашло воплощение народное сознание, в которых проявляется процесс народного творчества, исследовательница и устно-поэтическую форму бытования, и книжные «версии» рассматривает как некий единый «книжно-фольклорный текст». В качестве основных задач своей работы Л.С. Соболева назвала стремление «выявить в содержании духовного стиха народно-поэтические представления о первых русских святых, выраженные в понимании конфликта и развитии сюжета, определить поэтические средства книжно-фольклорного текста и, наконец, раскрыть старообрядческий контекст, в котором бытовали духовные стихи» [9, с. 310]. Поскольку исследовательница склонна рассматривать *книжную перделку*, как подчеркивал еще П.А. Бессонов, духовных стихов и духовные стихи как нечто единое, ей приходится в большей степени сосредоточиться на общих принципах организации текстов. Особое внимание Л.С. Соболева обратила на детали, свидетельствующие, по ее мнению, о крестьянском осмыслении в истолковании событий (приготовленный Святополком хлеб-соль требует должного уважения от Бориса и Глеба, традиции раздела имущества в крестьянских семьях между старшими братьями и младшим, возникший конфликт между старшими и младшими братьями в связи с распадом патриархальной крестьянской семьи, опасность братоненавистничества в семейном кругу).

Исследовательница отметила и некоторые отличия в записях духовных стихов и рукописных текстах. Так, в устных версиях число сыновей князя Владимира могло варьироваться: называлась цифра, известная по летописным источникам, – 12, могло быть 9, в рукописных сборниках, как правило, указано эпическое число – 3. В произведениях устной традиции, по замечанию исследовательницы, обычно содержится мотив материнского запрета сыновьям ехать на встречу со Святополком. В устных вариантах Святополк творит

зло по собственному решению, в то время как в книжных переработках его советником выступает дьявол. В рукописных текстах читается мольба Бориса и Глеба, восходящая к молению Глеба в Сказании о Борисе и Глебе. Описание Божьего гнева после убийства братьев Святополком в произведениях книжной традиции явлено «всей вселенной». В устных вариантах святые князя исцеляют болезни, в рукописных – они не только врачуют, но и защищают землю от вражеского нашествия.

Признавая, что в основе духовного стиха лежит литературное произведение – Сказание о Борисе и Глебе, Л.С. Соболева полагает, что основной конфликт, имеющий «ярко выраженный политический и религиозный характер, <...> духовный стих превращает <...> в семейно-бытовой» [9, с. 324].

Важно отметить, что исследовательница ввела в научный оборот четыре старообрядческих списка конца XVIII – начала XX в. – из собрания Уральского государственного университета [9, с. 330–337], это расширяет представление о количестве письменных памятников о гибели Бориса и Глеба. При этом, на наш взгляд, более корректным было бы называть духовными стихами варианты текста, записанные от их исполнителей собирателями. А тексты, включенные в рукописные сборники, утратившие присущую духовным стихам ритмику, изменившие ряд мотивов, а также добавившие в сюжет отдельные детали, более справедливо считать повестями. Поскольку самый ранний из известных списков повести относится к последней четверти XVII в., то он попадает в ряд тех «пестрых» повестей, в которых велико влияние фольклора. Как уже было замечено, «изменение роли и удельного веса фольклора в русской культуре XVII в. – важнейший фактор, с которым нужно связывать неожиданный, на первый взгляд, и бурный расцвет беллетристики» [10, с. 477].

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА «ПОВЕСТИ ОБ УБИЕНИИ БОРИСА И ГЛЕБА»

Представляется необходимым внести некоторые добавления к уже существующим наблюдениям. Прежде всего, вызывает сомнение целесообразность при публикации книжных переработок духовных стихов пытаться передать их как текст поэтический, разбивая его на строфы, следуя в этом за принципами издания XIX в. П.А. Бессонова (в предложенной Л.С. Соболевой разбивке на «строфы» публикуемых текстов чередование слогов произвольно: 7-8-8-8-7-9-9-9-8-10 и т.д.). Кроме того, благодаря публикации Л.С. Соболевой стало возможным обнаружить, что изданные тексты текстологически связаны между собой, а не являются записями духовных стихов, сделанными в свое время в различных районах Урала. При некоторых индивидуальных чтениях (лексических заменах, утратах текста и сокращениях) все они, на наш взгляд, восходят к тексту из собрания РНБ XVII в. Таким образом,

повесть имеет длительную (более 200 лет) рукописную традицию.

Обращает на себя внимание и то, что в устных версиях духовного стиха наблюдается широкая вариативность имени главного антагониста героев – Святополка. Его имя может интерпретироваться как «Святополк», «Святы-полки», «Опорхол», «Святой Пок», что подтверждает приводившееся выше наблюдение Ю.А. Новикова о чуждости имен собственных народной поэзии.

Соглашаясь с выводом Л.С. Соболевой о том, что в текстах «рукописной традиции сохраняется мотивировка житийного характера – мысль об убийстве пришла Святополку по наущению дьявола» [9, с. 316], добавим, что в повести и дьявол, и Святополк наделены единой характеристикой. Сначала о дьяволе сообщается в традиционных устойчивых формулах: «О, злый ненавистникъ, врагъ, властолюбецъ богомерзский (выделено мною. – И.Л.)! Не может зрѣти богодержцовъ! Вложиша в сны Святополку – помыслиша и наустиша, аки Каинъ на Авеля, побити Бориса и Глѣба» (л. 305 об.).¹ Почти теми же словами говорится в повести о Святополке при встрече им в поле братьев: «Он злый ненавистникъ, врагъ, встречается ихъ, злый...» (л. 307). Перед убийством Бориса и Глеба набор эпитетов, которым наделен Святополк, полностью совпадает с характеризующим дьявола: «Он злый ненавистникъ, врагъ, властолюбецъ богомерзский! На слезы ихъ не взирает, моления не слушает, прошения не приемлет» (л. 306 об. – 307).

Примечательно, что и в духовных стихах, и в повести Святополк не просто сам вызывает братьев на совет и пир, едет на встречу с ними, отвергает их моление о пощаде, но и сам убивает их: «Бориса же копиемъ прободоша, Глѣба же ножемъ заклаша, верзиль тѣло ихъ при пути, обнажилъ, яко разбойникъ» (л. 307). И лишь затем, словно ниоткуда, появляются приближенные Святополка: «Повелѣлъ влачити святыхъ телѣса, промежу дву кладь погрузити» (л. 307).

Отметим, что если в духовных стихах присутствует похвальба Святополка после убийства Бориса и Глеба, то в повести об этом ничего не сообщается.

При этом в повести более подробно описание гнева Бога на братоубийцу. В духовных стихах, опубликованных П.А. Бессоновым (с некоторыми лексическими разночтениями), об этом говорилось кратко: «Не потерпел Господь хвалы его: Двух ангелов посылая, Повелел подрезати под ним землю. Земля с кровию смешалася, Емчила второго потопа, Всиленная вжаснулася» [3, с. 631]. В повести сообщается, что

Святополк после убийства братьев вместе со своими воинами поехал с радостью в Вышеград, а далее читаем: «Под ним земля колебася, аки волна ветру морьскаго. Повелѣлъ Господь аггеломъ обрѣзати окрестъ землю, вознесоша же до небеси, снидоша же и до ада, аки три града Хоразины. Лице солнцу во тму закрыся и бысть мракъ четыре дни: ужасеся вся вселенная – чаяли втораго потопа» (л. 307 об.). Можно обнаружить в данном фрагменте сосуществование фольклорной и книжной стилистики. Так, упоминание о колебании земли, с одной стороны, отсылает к былинным образам, а уточняющее сравнение – как морской волны от ветра – к книжной традиции; сравнение земли, поднятой до неба и обрушенной с братоубийцей в ад, с Хоразином, является реминисценцией, отмеченной Л.С. Соболевой [9, с. 336], строк Евангелия от Матфея, где эти слова отнесены к Капернауму: «И ты, Капернауме, иже до неба вознесыйся, до ада снидеши» (Матф., 11, 23).

«ПОВЕСТЬ ОБ УБИЕНИИ БОРИСА И ГЛЕБА» И СТАРООБРЯДЧЕСКАЯ РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ

Состав сборника, тематика которого близка интересам старообрядцев, содержит агиографические произведения (Житие Зосимы Соловецкого, Чудеса Зосимы и Савватия Соловецких, Мучение Улиянии), выписки из Великого зеркала, Златой цепи, Кормчей, Катехизиса, эсхатологические произведения (Слово Ипполита папы Римского об Антихристе, Зерцало душезрительное о кончине и об Антихристе), Повесть о царице и львице, Поучение аввы Дорофея и др. В качестве факта, который может подкрепить предположение о бытовании Повести в старообрядческой среде, можно назвать завершающую формулу «во вѣки вѣкомъ». На наш взгляд, состав сборника свидетельствует о том, что текст повести «Об убийении Бориса и Глеба» воспринимался составителем-старообрядцем в 70-80-х гг. XVII в. как произведение, связанное с агиографической традицией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представляется важным опубликовать текст повести «Об убийении Бориса и Глеба» по старшему из известных к настоящему времени списков, так как в раритетном издании П.А. Бессонова текст опубликован с некоторыми ошибками и разбит на строфы, что не вполне корректно по отношению к повествовательной модели.

УБИЕНИЕ СВЯТЫХ БЛАГОВѢРНЫХЪ КНЯЗЕЙ БОРИСА И ГЛѢБА

Восточная держава славнаго Киева-града великий Владимирь-князь имѣлъ у себе три сына: старѣйшаго Святополка, меньших же – Бориса и Глѣба. Раздѣляше же Росию всю сыновомъ своим на три часьти: Святополку – Черниговь-градъ, Борису и Глѣбу – воспредѣлы. Преставися Владимирь-князь в дому своемъ святолѣпно и благочестно, после его чады его разыдошася въ свои // (л. 305 об.) грады.

О, злый ненавистникъ, врагъ, властолюбецъ богомерзский! Не может зрѣти богодержцовъ! Вложиша в сны Святополку – помыслиша и наустиша, аки Каинъ на Авеля, побити Бориса и Глѣба. Послав же к ним посланника, посланный лист

¹ Здесь и далее текст Повести цитируется по издаваемому списку, указание на листы дается в круглых скобках.

написаша, на совѣтъ к себѣ призываше – на пиршество пировати. Благовѣрныя князи Борисъ и Глѣбъ посланный листъ прочитае, поклонившася предъ матерью, // (л. 306) поехала к Святополку.

Он злый ненавистникъ, врагъ, встречает ихъ, злый, в чистом полѣ, свирѣпо на них взираша, гнѣва съ яростию смѣшаше, аки аспид плещу пуцав на благовонныя цвѣты. Видѣвъ же святыи бѣду свою, слезами лица умываше, главы к ногамъ приклоняше, умиленно к брату вѣщааша. Возопиша прекрасная два брата Борисе и Глѣбе: «О, брате нашъ старѣйший! Великий княже Святополче! Или хоцещи владѣти нами и всею великою Росиею? // (л. 306 об.) Имѣй ты насъ в дому своемъ в работѣ вѣрно слугами. Воспомяни отца нашего, иже насъ с тобою породилъ, не сотвори злыя плачи рождшей матери нашей, не учини печали всѣмъ о Христе сродникамъ нашим! Не рѣжь класы незрѣлыя, не поправь нивы неспѣлыя! Не отрыгни винограду сеи кореня от сыры земли, не подрѣжь лозы неплодныя! Еще суть мы вельми млади и не имамы злаго порока!»

Он злый ненавистникъ, врагъ, властолюбецъ бого// (л. 307) мерзкий! На слезы ихъ не взирает, моления не слушает, прошения не приемлет. Похитиша, яко волцы, с немилостию наконися, не пощадѣлъ двухъ неклосныхъ агнецъ – князей Бориса и Глѣба. Бориса же копиемъ прободоша, Глѣба же ножемъ заклаша, верзиль тѣло ихъ при пути, обнажилъ, яко разбойникъ. Повелѣлъ влачити святыхъ тѣлеса, промежду дву кладь погрузити.

Сѣдоша же со воины на свои добрыя кони, поехала радуясь во славный // (л. 307 об.) великий Вышь-градъ. Под нимъ земля колебася, аки волна вѣтру морскаго. Повелѣлъ Господь агеломъ обрѣзати окрестъ землю, вознесоша же до небеси, снидоша же и до ада, аки три града Хоразины.

Лице солнцу во тму закрыся, и бысть мракъ четыре дни: ужасеся вся вселенная – чаяли втораго потопа. Ни звѣрь, ни птица не пояде, ни мрачное повреждение – проявил Господь от святыхъ мощей огненный столпъ и до небеси. // (л. 308) Снидоша же держатели – князи русьстии, внесоша же святыхъ мощи во славный велкий во Вышь-град, построили имъ во имя священную каменную церковь.

Благодать Богъ хромымъ дает хождение от святыхъ мощей, болящимъ же исцѣление, слѣпымъ даетъ прозрѣние, сыновомъ русскимъ поможение – Росия вся спасается от варварскаго нашествия всегда. И нынѣ и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ОСРК О. I. 61 (1670-80-ые гг.). Л. 305 – 308

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Демкова Н.С. Средневековая русская литература: Поэтика. Интерпретация. Источники. СПб., 1997. 219 с.
2. Милютенко Н.И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследование и подготовка текстов. СПб., 2006. 431 с.
3. Бессонов П. [А.] Калеки переходные: Сборник стихов и исследования. М., 1861. Ч. 1, вып. 3. С. 625 – 659.
4. Калайдович К. [Ф.] и Строев П. [М.] Описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в собрании графа Ф.А. Толстого. М., 1825.
5. Новиков Ю.А. К вопросу об эволюции духовных стихов // Русский фольклор. Материалы и исследования. Л., 1971. С. 208 – 220.
6. Глазырина Г.В. Исландские викингские саги о Северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. Свод «Древнейшие источники по истории Восточной Европы». М., 2016. 240 с.
7. Богданов К.А. Фольклорная действительность: традиция, метод, перспективы изучения // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 31. С. 42 – 66.
8. Петрова Л.И. Духовные стихи на Мезени (из полевых тетрадей А.М. Астаховой 1928 г.) // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32. С. 318 – 348.
9. Соболева Л.С. Воплощение святости Бориса и Глеба в духовных стихах // Борисо-Глебский сборник. Collectanea Boriso-Glebica. Paris, 2009. Вып. 1. С. 309 – 337.
10. Демкова Н.С., Лихачев Д.С., Панченко А.М. Основные направления в беллетристике XVII в. // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970. С. 476 – 561.

REFERENCES

1. Demkova N.S. Medieval Russian Literature: Poetics. Interpretation. Sources. Saint Petersburg, 1997, 219 p.
2. Milyutenko N.I. Saint Princes-Martyrs Boris and Gleb. Research and texts. Saint Petersburg, 2006. 431 p.
3. Bessonov P. [A.] Itinerant Cripples. Collection of Verses and Research. Moscow, 1861. Ch. 1, iss. 3, pp. 625 – 659.
4. Kalaidovich K. [F.], Stroeve P. [M.] Description of the Slavico-Russian manuscripts stored in Moscow in the collection of count F.A. Tolstoy. Moscow, 1825.
5. Novikov Yu.A. To the issue of spiritual verses' evolution. *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya*. Leningrad, 1971, pp. 208–220. (In Russ.)
6. Glazyrina G.V. Icelandic Vikings sagas about the Northern Rus': texts, translation, comments. Moscow, 2016, 235 p. (In Russ.)
7. Bogdanov K.A. Folklore reality: traditions, method, prospects of studying. *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg, 2001, vol. 31, pp. 42–66. (In Russ.)
8. Petrova L.I. Spiritual verses on Mezen (A.M. Astakhova's workbooks of 1928). *Russkiy fol'klor. Materialy i issledovaniya*. Saint Petersburg, 2004, vol. 32, pp. 318–348. (In Russ.)
9. Soboleva L.S. Embodiment of Boris and Gleb holiness in spiritual verses. *Collectanea Boriso-Glebica*. Paris, 2009, iss. 1, pp. 309 – 337. (In Russ.)
10. Demkova N.S., Likhachev D.S., Panchenko A.M. Mainstream trends in the belle lettre of the XVII century. *Istoki russkoy belletristiki. Vozniknovenie zhanrov syuzhetnogo povestvovaniya v drevnerusskoy literature*. Leningrad, 1970, pp. 476–561. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.04.2020

Дата рецензирования 26.05.2020

Статья принята к публикации 15.06.2020

DOI: 10.15372/HSS20200304
УДК 94(47)“16/18”+281.93

Н.С. ГУРЬЯНОВА

ДИСКУССИЯ О «КАНОНЕ СВЯЩЕННЫХ ТЕКСТОВ» В ПРЕДИСЛОВИЯХ К СОЧИНЕНИЯМ И СБОРНИКАМ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье представлены результаты анализа Предисловий к сборникам, составленным защитниками старого обряда во второй половине XVII – начале XVIII вв. и к написанному в 1724 г. сочинению Феофана Прокоповича «Истинное оправдание правоверных христиан, крещением поливательным во Христа крещаемых». Показано, как старообрядцы и представители официальной Церкви опирались на одни и те же цитаты, но толковали их по-разному, обращая против оппонентов. Сделан вывод, что в дискуссии, которая нашла отражение в Предисловиях, более убедительными были авторы-старообрядцы, поскольку они продемонстрировали безусловную уверенность в своем праве использовать «канон священных текстов» для изложения истинного вероучения.

Ключевые слова: Церковь, старообрядцы, Предисловия, рукописные сборники, «канон священных текстов».

N.S. GURIANOVA

DISCUSSION ON THE “CANON OF SACRED TEXTS” IN PREFACES TO ESSAYS AND COLLECTIONS

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article presents the analysis results of the Prefaces to the collections compiled by the defenders of the Old Belief in the second half of the XVII – early XVIII centuries, and to the work by Feofan Prokopovich written in 1724 “Istinnoe opravdanie pravovernykh khristian, kreshcheniem polivatel’nym vo Khrista kreshchaemykh [The True Justification of Orthodox Christians with Watering Baptism Baptized in Christ]”. It shows ways of significant expanding the «canon of sacred texts» by Timofey Lysenin in the early XVIII century continuing the work that was started by the first generation of the church reform opponents. Lysenin compiled his book of quotations which served as arguments to prove the deviation of the official Church from Holy tradition. In the Preface, the Old Believer expressed confidence that this text could reveal «God truth» to a reader. The author entered into a discussion with opponents declared as heretics due to their misinterpretation of Holy Scripture. T. Lysenin had to validate his right to refer to the interpretation of the “canon of sacred texts” in order to explain to readers where the lies and truth were. In the Preface, the author said that he was able to present «a true belief» in his book. Naturally, such a conviction of the Old Believer’s ideological leaders could not remain unanswered by the official Church. Feofan Prokopovich in the Preface to the essay devoted to the refutation of the point of view of the Old Belief defenders on watering baptism, clearly disproved the opinion formulated by T. Lysenin in the Preface to the collection of preparatory materials for «Dyakon’s answers». Both authors relied on the same quotes, but interpreted them differently, turning against opponents. Each argued his invectives against opponents accusing them of ignorance of the Holy Scripture and its misunderstanding. The hierarch denied the right of Old Believers to interpret the Holy Scripture, as they do this based on the «canon of sacred texts». But in the end, he had to admit the success of the Old Believers’ teachings. The author concludes that in the discussion reflected in the Prefaces, the Old Believers were more convincing, because they demonstrated unconditional confidence in their right to use the “canon of sacred texts”.

Key words: Church, Old Believers, Prefaces, manuscripts, “canon of sacred texts”.

Наталья Сергеевна Гурьянова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: gurian@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-8957-2018>

Natalya S. Guryanova – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Предисловия выполняли важную функцию в древнерусских рукописных и печатных текстах, превратившись в необходимый элемент структуры произведения, рукописного кодекса или изданной книги (об этом см.: [1]). На процесс составления Предисловий оказала свое влияние и пришедшая из Киевской митрополии книжная культура¹. Противники церковной реформы продолжили традицию книжников Древней Руси по написанию текстов, предваряющих сочинения и сборники, в которых они ориентировали читателей, каким образом воспринимать представленное сочинение или выписки из Священного Писания и святоотеческого предания.

Для первого поколения защитников старого обряда важно было доказать незаконность и неправомерность нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви, а также описать отстаиваемую религиозную традицию и отрекомендовать ее в качестве истинной веры. Направленность разысканий необходимых текстов из рукописей и старопечатных книг во многом определили иноки Соловецкого монастыря, обеспечив при этом высочайший уровень книжной культуры и безусловную авторитетность отобранных фрагментов. Работа эта была начата с первых шагов реформатора. Об этом свидетельствует творческое наследие Сергия Шелонина (о нем см.: [2]), Герасима Фирсова (о нем см.: [3]) и Геронтия Соловецкого (о нем см.: [4]).

Представители первого поколения противников церковной реформы сумели отыскать в рукописях и старопечатных книгах большое количество цитат, в которых, как они считали, была представлена традиция Русской церкви. Каждый фрагмент обязательно сопровождался указанием на исходный текст, который должен был быть авторитетен и для оппонентов. Подобные выписки включались в сборники или составляли особые «тетради». Опираясь на эти фрагменты, авторы в челобитных и публицистических сочинениях отстаивали свое право оставаться в оппозиции к новшествам.

Официальная Церковь относилась к подобным рукописям с цитатами из текстов достаточно серьезно, считая их важным средством распространения раскола. Об этом можно судить по сочинениям иерархов. Афанасий Холмогорский, убеждая невежд, внимающих проповедникам, которые использовали соответствующие выписки из Священного Писания и святоотеческого предания, заявлял следующее: «Глаголет бо Писание, от Сиона изыде закон и Слово Господне от Иерусалима, [а не из Соловецкаго монастыря от бывших тамо прежде сего противников, иже противишася святей Церкви и не из расколничьих кустов] и во всю землю и в концы вселенныя вещанием святых апостол изыде» [5, л. 227 об.]². Иерарх отметил значимость

для распространения раскола сборников и сочинений иноков Соловецкого монастыря, подчеркнув, что в них не нашли отражение «закон и слово Господне». Иначе воспринимали результаты своих разысканий соловецкие иноки.

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ
ГЕРОНТИЯ СОЛОВЕЦКОГО

Ярким примером результатов разысканий аргументов в пользу отстаиваемой противниками церковной реформы точки зрения на новшества является введенный в научный оборот О.В. Чумичевой сборник, составленный уставщиком и книгохранителем Соловецкого монастыря черным попом Геронтием в 60-е гг. XVII в. Рукопись РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 706³ состоит из двух частей: в первой помещены фрагменты текстов, на которые защитники старого обряда ссылались, доказывая незаконность нововведений в обряд и богослужебную практику Русской церкви, а во второй – автографы сочинений Геронтия с изложением аргументов в пользу отстаиваемой точки зрения на новшества.

Первая часть сборника начинается с текста, выполняющего роль Предисловия. Он характерен для такого рода обращений составителей к читателям. Уже в названии дана аннотация содержания: «Изложение о православней истинней христианстей вере»⁴. В первой фразе сразу заявлено, что «истинным христианам» следует прежде всего обращаться к текстам Священного Писания, но читать «со испытанием»: «Первое убо подобает истинному христианину, не токмо иноком, но и сущим в мире, испытати Писания»⁵. Как далее поясняется, это необходимо для того, чтобы иметь «о вере истинное разумение», которое «ключ и дверь всему Божественному Писанию»⁶.

Геронтий использовал текст «Изложения о православней истинней христианстей вере» явно с целью убедить читателей в том, что его сборник способен помочь получить «о вере истинное разумение». Он пытается внушить читателям мысль о необходимости Бога почитать, как «предано... от святых апостол и святых отец», т.е. через святоотеческое предание постигать Божественное Писание. Для уставщика, книгохранителя и инока Соловецкого монастыря не требовалось аргументировать право рассуждать о вопросах, относящихся к религиозной жизни, богословию.

В Предисловиях, включенных в первую и во вторую части сборника, Геронтий утверждал, что Книга составлена им из текстов «от Божественных Писаний», собранных «ко утверждению своему и всем» в истинной вере. Возможно, соловецкие книжники оказали влияние на последующие поколения защитников старого обряда, и характерная для древнерусского

¹ О функции предисловий в украинских старопечатных изданиях см.: [1, с. 129 – 152; с. 153 – 187].

² Описание издания см.: [6, с. 110, № 377].

³ Российская государственная библиотека (РГБ), собр. Егорова (ф. 98), № 706. Описание сборника см.: [7, с. 61-63].

⁴ РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 706, л. 5 – 12 об.

⁵ Там же, л. 5.

⁶ Там же, л. 5 об.

книжника мысль о том, что Священное Писание следует читать «со испытанием» и при этом, чтобы уяснить смысл прочитанного, не рассуждать «от своего разума», а ориентироваться на истолкования отцами Церкви, стала для них традиционной. В Предисловии к Книге Геронтия эта мысль изложена особенно четко.

Подобным образом будут убеждать своих читателей старообрядцы в более позднее время, апеллируя к тем же цитатам, что и Геронтий. Противники церковной реформы, продолжая традиции книжников Древней Руси, умело оперировали отобранными цитатами, создавая убедительную для читателей картину отступления реформаторов от традиции Русской церкви. Опровергать эти аргументы было затруднительно, поэтому в антираскольнических сочинениях защитников старого обряда обычно объявляли невеждами, глупцами, например в «Увете духовном», изданном в 1682 г.

Афанасий Холмогорский написал это сочинение с целью опровержения челобитных Лазаря и Никиты Добрынина, но он постоянно пишет о вреде рукописей, в которых собраны фрагменты текстов, которые цитируют оппоненты. При этом автор признает, что подобные подборки способны убедить читателей, но призывает не доверять им: «И аще кто малым свидетельством, единою книгою и от невеждей писаную в чем блазнится, то пришел бы ради сумнения своего, посмотрел в царскаго величества книгохранительной палате, такожде в святейшаго патриарха книгохранительнице и на Печатном дворе в книгохранительной же палате, коликия тысящи книг старых греческих и российских, писанных и печатных, харатейных и бумажных... предлежат» [5, л. 256–256 об.].

Иерарх Русской церкви очень точно обозначил проблему «канона священных текстов». Выписки из авторитетных древних рукописей и старопечатных книг, действительно, обычно были собраны в одной рукописи, поэтому Афанасий высказал сомнение в справедливости обращаться к ним для решения спорного вопроса обряда или богослужебной практики. Он перечислил большое количество книжных собраний, в которых хранятся древние греческие, русские рукописи и старопечатные книги, и предложил с ними ознакомиться, а не доверять отобраным защитниками старого обряда выпискам.

ТИМОФЕЙ ЛЫСЕНИН И ФОРМИРОВАНИЕ «КАНОНА СВЯЩЕННЫХ ТЕКСТОВ» В НАЧАЛЕ XVIII в.

К началу XVIII в. постепенно церковная оппозиция превратилась в широкое религиозно-общественное движение, которое разделилось на два направления, а каждое еще и на самостоятельные согласия. Положив в основу отобранные первым поколением противников церковной реформы цитаты, старообрядцы значительно увеличили их количество и круг исходных текстов. В «канон священных» были включены фрагменты из рукописей и старопечатных книг, авторитетность которых была очевидной и для оппо-

нентов. Каждая цитата сопровождалась указанием, откуда она скопирована, и приводились свидетельства авторитетности этого текста.

Отобранные несколькими поколениями фрагменты из Священного Писания, святоотеческого предания, произведений церковных писателей, сочинений старообрядцев давали возможность защитникам старого обряда опровергать обвинения представителей Церкви в несправедливости отстаиваемой точки зрения на новшества. Первое поколение противников церковной реформы объявило их «священными», а в начале XVIII в. использование этих цитат стало восприниматься старообрядцами как равнозначное обращению к Божественному Писанию с целью познать истинное вероучение.

Желание увеличить «канон священных текстов» побудило защитников старого обряда обратиться к рукописям и старопечатным книгам, чтобы провести «ревизию» уже отобранных фрагментов и найти новые, способные поддержать их точку зрения на спорные вопросы. Показательной в этом плане была деятельность Тимофея Лысенина (о нем см.: [8]), принадлежащего к направлению приемлющих попов. Он сумел получить доступ к исходным текстам, которые находились в основных книгохранилищах, и которые перечислил Афанасий Холмогорский, имел возможность проверить точность воспроизведения фрагментов и дополнить цитаты вполне научным описанием рукописей и печатных книг. Е.М. Юхименко в статье «Новый Иерусалим и старообрядцы в начале XVIII в.» представила убедительный материал, свидетельствующий о высочайшем уровне книжной культуры Т.М. Лысенина, работавшего в книгохранительнице Воскресенского Новоиерусалимского монастыря и подробно изучившего 10 древних книжных памятников [9].

Сочинение Тимофея Лысенина «Собрание от святых книг и от чудотворных икон, како слагати персты и креститься, тако и благословляти, и коль велие таинство в сложении перстов крестнаго знаменья», написанное в начале XVIII в., было составлено из отобранных к этому времени защитниками старого обряда фрагментов текстов из авторитетных рукописей и старопечатных книг, подтверждающих их точку зрения на основные дискуссионные вопросы (о форме креста, крестнаго знаменья и сколько раз повторять припев церковных песнопений Аллилуия)⁷. Автор предложил определенную последовательность цитат, которые не только точно воспроизводили исходный текст, но и были дополнены вполне научным для того времени описанием рукописи или старопечатной книги с указанием места хранения.

Деление фрагментов текстов на тематические блоки позволило Тимофею Лысенину представить достаточно убедительную точку зрения на решение спорных проблем обряда, религиозной жизни или богословского вопроса. Располагая их определенным образом, он

⁷ Это сочинение – вторая (из 4-х) Книга Тимофея Лысенина. См.: РНБ, собр. Погодина, № 1256, стб. 576 – 1264.

предлагал решение обсуждаемого вопроса. При этом обязательно дополнял вводными словами и авторскими комментариями, которые ориентировали читателей, каким образом следовало воспринимать скопированный фрагмент.

Ожидая предстоящую дискуссию с епископом Питиримом, старообрядцы составили сборники подготовительных материалов к Дьяконовым ответам, которые введены в научный оборот А.Т. Шашковым и О.К. Беляевой (перечень рукописей см.: [10, с. 10]). Текст сочинения Тимофея Лысенина послужил для них основой. В этих сборниках нашел отражение процесс обоснования права называть «священными» отобранные фрагменты текстов благодаря которым старообрядцы показывали явное отступление реформаторов от традиций Русской церкви. В них прослеживается стремление составителей убедить читателей в том, что знакомство с текстом сборника сопоставимо с обращением к Божественному Писанию с целью познания Бога и истинной веры. Особенно это заметно в Предисловиях, в которых проступает и явная дискуссия с оппонентами.

**ПРЕДИСЛОВИЯ К СБОРНИКАМ,
СОСТАВЛЕННЫМ СТАРООБРЯДЦАМИ
В НАЧАЛЕ XVIII в.**

Один из списков сборника подготовительных материалов к Дьяконовым ответам начинается с Предисловия, в котором составитель убеждает читателей в необходимости каждому христианину постоянно обращаться к тексту Священного Писания для того, чтобы «разделить истинну от прелести», т.е. остаться верным учению Христа, под которым, естественно, подразумевалось отстаиваемое старообрядцами⁸. Основные фрагменты этого текста, хотя и не в форме Предисловия, обязательно присутствуют во всех сборниках. Автором Предисловия, скорее всего, был Тимофей Лысенин.

Об этом свидетельствует обращение к еще одному подобному тексту. Сборник ГПНТБ СО РАН, собр. Тихомирова, № 529, составленный в первой четверти XVIII в. из фрагментов текстов Книг Тимофея Лысенина, тоже открывает «Предисловие благочестивому брату и другу искреннему»⁹. Это, действительно, обращение к единоверцу, который благословил на сбор «свидетельств» и поддерживал Тимофея Лысенина в продолжавшемся длительное время обследовании книгохранилищ. Уже в первой фразе заявлено, что данный сборник составлен по просьбе адресата.

Далее помещены рассуждения в духе книжника Древней Руси о том, что он «не учихося никаковым наукам философским» и, ведая «ума нищету», не уверен в своем праве «творити и глаголати», поэтому хотел промолчать¹⁰. Затем автор поделился с адресатом

следующим соображением: «Но молчащу ми, аще ты прельстят нецыи суемудреники в каковую-либо ересь или в хулу, зане в настоящая сия времена последняя по грехом нерадения нашего велик пламень злохитрых и многоглавных ересей разгореся, и убояхся болшаго осуждения. Аще умолчю и презрю твое прошение, соблазнишися в чем и грех той на обоих будет»¹¹.

Так в Предисловии объяснено решение дать ответ на просьбу адресата. При этом подчеркнута, что оно принято, опираясь на тексты Священного Писания. Автор проводит мысль о необходимости делиться своими знаниями о вере с близкими людьми и делает, сославшись на авторитет сборника «Кириллова книга», следующее заключение: «Аз же, аще и всех земнородных грешнее есмь, но писано есть сице: Никто же должен есть, видя многая своя согрешения, премолчевати или таити правду Божию, но подобает каятися и исповедати своя согрешения, о правде Божией не молчати»¹².

Осознавая себя грешным человеком, автор Предисловия одновременно подчеркивает, что не имеет права «премолчевати или таити правду Божию». Следовательно, он уверен в своей способности донести ее до читателей и явно не сомневался, что в сборнике собрал фрагменты текстов из Священного Писания и святоотеческого предания, в которых представлена «правда Божия». Сославшись на авторитет Иоанна Дамаскина, Никона Черногорца, Максима Грека, которые утверждали, что «истину от прелести» или «истину от лжи» можно познать только при обращении к Божественному Писанию, старообрядец обратился к адресату с призывом «веровати токмо по писанию святых книг, а не на ино что взирати». Затем он так описал создавшуюся ситуацию, в которой надо быть каждому христианину особенно бдительным: «Мнози бо ныне прелестницы смятоша люди Божия и в недоумения вложиша, развращенная глаголюще, ты же о сем не удивляйся, но к Божественному Писанию прибегай. Вина же смятению бысть любоначальных властей мнение и лживых учителей»¹³.

Тимофей Лысенин возложил вину за уклонение от веры на «лживых учителей», поддерживаемых светской властью. В данном случае, естественно, речь идет об официальной Церкви и поддерживавшей ее светской власти. Прочитав далее фрагмент из Книги о вере с утверждением о том, что в «последние дни» христиане, «хотящие вправду во христианьстей вере утвердиться», должны устремляться к Священному Писанию, обращается к адресату со следующей просьбой: «Аз же ти глаголю, не внимай речению нынешних блазнителей»¹⁴. После этого следует разъяснение, что нужно быть осторожными и с теми, кто, вроде, защищает истинную веру, но устраивает «свары и разделения» среди христиан¹⁵. В данном случае автор

¹¹ Там же, л. 10 об.

¹² Там же, л. 11.

¹³ Там же, л. 13.

¹⁴ Там же, л. 14.

¹⁵ Там же, л. 14 об.

⁸ РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 1703, л. 3 – 12 (далее – *Е.1703*).

⁹ Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН (ГПНТБ СО РАН), собр. Тихомирова, № 529, л. 10 – 21.

¹⁰ Там же.

высказал свою озабоченность внутренними спорами в старообрядчестве.

Автор Предисловия пытается убедить адресата, что нужно опасаться лжеучителей. Для Т. Лысенина – это представители официальной Церкви и несогласные с его точкой зрения на решение спорных вопросов защитники старого обряда, поскольку он считает, что и в том, и в другом случае речь идет о ересь. Обозначив взгляды своих оппонентов в качестве еретических, он объяснил их уклонения от веры незнанием Божественного Писания, вернее, его «оставлением». По мнению автора Предисловия, они не обращаются к текстам, а «на едином слове сокровенном утверждают» и апеллируют к «новопремудростям мира». Но прежде всего сформулировано обвинение в неверном истолковании Писания – «скажут криво». Т. Лысенин, выдвигая такие обвинения, подразумевал, что он предлагает читателям изложение «правды Божией», опираясь на тексты Священного Писания и святоотеческого предания.

Обращение к анализу «Предисловия благочестивому брату и другу искреннему» позволило получить представление об отношении Тимофея Лысенина к результатам проделанной им работы по систематизации, расширению круга цитат, исходных текстов и оформлению каждого фрагмента, составившего «канон священных текстов». Он явно считал, что ему удалось представить изложение истинной веры, которое поможет читателю «познать Бога» и распознать ложное учение. В Предисловии к сборнику подготовительных материалов к Дьяконовым ответам автор использовал те же цитаты, увеличив их количество, дословно повторил многие рассуждения, но сделал это не в форме дружеского обращения, а в виде утверждающих заявлений.

Предисловие начинается с констатации факта ценности для человечества Божественного Писания, которое «свет убо есть и разум»¹⁶. Цитаты из Послания апостола Павла и их истолкования Иоанном Златоустом, в которых утверждается необходимость христианину обращаться к Божественному Писанию, завершает отсылка к евангельскому тексту, который использован и в Предисловии к Геронтиевскому сборнику: «Паче же всех сам Господь наш Иисус Христос во святем своем благовестии глаголет сице: Испытайте Писания, в нем же обрящете живот вечный»¹⁷. Сократив стих, автор уточнил для читателя смысл высказывания Христа, практически представив его истолкование.

После этого он призвал отнестись к тексту представленной рукописи с особым вниманием: «Сего ради, хотящих сие писание прочитати или послушати молю, первое, утвердити смысл вниманием глаголемых zde и подати слуха чиста и праздны от молвы и попечения житейских волн. По реченному упразднися и разумеите, кроме бо упражнения разумети Бога

или Божественная того хотения несть мощно»¹⁸. От рассуждения о ценности знакомства с текстом Божественного Писания для христианина автор Предисловия перешел к теме важности чтения написанного им. При этом подчеркнул, что не следует воспринимать этот текст в качестве авторского: «И не помышляти, ниже пытати, кто есть писавый сие, точию внимати пишемым, не своя бо писаше, но Божия и от Божественных Писаний»¹⁹.

Тимофей Лысенин уже подготовил читателя к восприятию рукописи в качестве писания, с помощью которого можно определить, где ложь, а где истина. При этом он ссылается на те же цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания, что и в «Предисловии благочестивому брату...», чтобы убедить в необходимости читать «со испытанием», не доверяя «ложным учителям». Приведя или пересказав фрагменты авторитетных текстов, автор заключает: «Нам же прилежати часто Писанию святых отец, да не погубим тмою неведения»²⁰.

Следом помещен авторский комментарий, который позволяет понять, каким образом Т. Лысенин воспринимал свою роль в процессе познания Бога, т.е. обращения к Божественному Писанию: «Ныне же мнози не испытуют Божественная Писания, якоже подобает. И не токмо не испытуют, но и испытующих Писание бесчестят и поносят»²¹. Разумеется, подобные истолкователи объявляются еретиками, «кривоверия ради». Как и в «Предисловии благочестивому брату...», приведены соответствующие цитаты из Священного Писания и святоотеческого предания о необходимости избегать соблазнов еретических учений.

Предисловие к сборнику подготовительных материалов к Дьяконовым ответам, как уже отмечалось, не имеет формы дружеского обращения к адресату, с которым автор ведет доверительный разговор. Это скорее идейный манифест Тимофея Лысенина – книжника, проделавшего огромную работу по систематизации отобранных фрагментов текстов из авторитетных рукописей и старопечатных книг. Он не только их собрал, но и дополнил комментариями, в которых представил истолкования цитат в нужном ему ключе. Тимофей Лысенин искренно считал, что в результате ему удалось создать текст, в котором читатель найдет изложение истинного вероучения, а «канон священных текстов» вполне может заменить для христианина обращение к Божественному Писанию.

В Предисловии автор продемонстрировал свою уверенность в праве решать сложные вопросы православного учения, постоянно подчеркивая уклонения от истинной веры своих оппонентов – представителей официальной Церкви и старообрядцев, не поддерживавших его точку зрения. Тимофей Лысенин, воспроизведя дословно значительный фрагмент из «Увета

¹⁶ *Е. 1703*, л. 3.

¹⁷ Там же, л. 3 об. Ср.: «Испытайте писаний, яко вы мните в них имети живот вечный: и та суть свидетельствующая о мне». – *Ин.* 5: 39.

¹⁸ *Е. 1703*, л. 3 об. – 4.

¹⁹ Там же, л. 4.

²⁰ Там же, л. 6.

²¹ Там же.

духовного», в котором Афанасий Холмогорский обвиняет раскольников в том, что они «смущение в людех и крамолу сотвори» [5, л. 9 об.], перевел упрек на официальную Церковь. Дискутируя с иерархом, он обличает своих оппонентов и предостерегает читателей, чтобы опасались «от правоверия в зловерие уклониться» и не верили им²².

Предисловие заканчивается обращением к читателю: «Ты же блюди, да не ослабиши, ни подвигниши от ума, но к Божественному Писанию прибегай. И когда видиши и несмысляща многи, то не чюдися, чреда бо есть быти сицевым»²³. Он предлагает не удивляться наличию многих «несмыслящих», т.е. неверно толкующих Писание. В Предисловии неоднократно подчеркивается, что переживаемые времена – «последние, антихристовы», когда особенно важно сохранить приверженность истинной вере. Для этого каждый должен обращаться к Божественному Писанию, чтобы не попасть под влияние «ложных учений».

Тимофей Лысенин считает, что его Книга, составленная из отобранных несколькими поколениями противников церковной реформы цитат, которые служили аргументами при доказательстве отступления официальной Церкви от традиций, вполне может открыться для читателя «правду Божию» и избежать уклонения от истинного учения. Оппоненты объявлены еретиками, неверно толкующими Божественное Писание. Старообрядец был уверен в своем праве разъяснять читателям, где ложь, а где истина. Естественно, подобная уверенность идейных лидеров старообрядчества не могла остаться без ответа со стороны официальной Церкви.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

В 1724 г. Феофан Прокопович написал сочинение, посвященное оправданию поливального крещения [11]²⁴. Это обычное антираскольническое произведение, но его предвзвешивает «Ко благочестивому читателю предисловие». В нем автор явно дискутирует с мнением, изложенным Тимофеем Лысениным в Предисловиях. Феофан попытался оспорить право защитников старого обряда обсуждать и решать сложные вопросы обряда и религиозной жизни, требующие глубоких знаний Божественного Писания. Он вступает сразу в дискуссию, приведя, как и старообрядцы, цитату из Евангелия [Мат.13:52]: «Слыши, что глаголет Спаситель наш о доволном в богословии книжнике: Всяк рече, книжник научився царствию небесному, подобен есть человеку домовиту, иже износит от сокровища своего Новая и Ветхая» [11, л. 1 – 1 об.].

Апеллируя к одному и тому же евангельскому тексту, Феофан и старообрядцы совершенно по-разному его интерпретируют. Иерарх уже в вводных словах пояснил, что в цитате речь идет «о доволном в богословии книжнике». А после воспроизведения стиха он

уточнил, что такой книжник должен глубоко знать Божественное Писание – Ветхий и Новый Завет. Подобным образом толковал этот текст и Тимофей Лысенин, утверждая, что знание Ветхого и Нового заветов является обязательным для решения богословских вопросов. Но старообрядец был уверен, что он этим знанием обладает, и далее писал о необходимости делиться этими знаниями с окружающими.

По мнению Феофана, богословствовать имеет право только человек, «истинной богословии учащийся». Ученому богослову он противопоставлял необразованного, непросвещенного книжника: «Как же книжник невежливый, который некия толко тетради от подобных ему невежь сочинены видел? Как таковой может входить в дела богословская и произносить своя о таинствах веры изречения, ни Ветхих, ни Новых не имущий? Таковым не иная похвала остается, токмо в молчании» [11, л. 1 об.]. В данном случае Феофан обвиняет старообрядца-книжника в том, что знания о Божественном Писании у него базируются только на выписках из рукописей и старопечатных книг с соответствующими комментариями.

Продолжая рассуждать по этому поводу, Феофан констатирует: «Видим, что так бы невежам подобало, когда речь есть о тайнах богословских, требовать яснаго наставления от ведущих лиц, самим не мешаться в не свое дело, молчать и всячески язык свой обуздывать. Но противное видим, и много видим. И особы ученые не так дерзновенно о церковных таинствах и о догматах веры разглагольствовать обыкли, якоже слепые невежи многии» [11, л. 1 об. – 2]. Иерарх официальной Церкви попытался оспорить право старообрядцев рассуждать по поводу «тайн богословских», т.е. обращаться к Священному Писанию с целью решить спорные вопросы обряда и богослужебной практики, опираясь только на «канон священных текстов».

Далее он еще образнее охарактеризовал невежество защитников старого обряда: «Но когда слогов книжных изучатся и честь и писать могут, но помышляют, что уже все получили и не осталось, чтобы им еще познать подобало. Не ведая, как пространное есть Ветхого и Нового завета Писание и коликаго труда требует к прочтанию своему и как бодраго, не дремлющаго еще же и учении объясненнаго ума к исследованию и проницанию всех своих главизн и силы их. Какой же к тому и помощи искать надлежит из книг многих древних и новых учителей богословских из толкований и историй и прочих пособствующих делу сему писаний» [11, л. 2].

Подобное отношение к оппонентам было высказано и Т. Лысениным, но Феофан более четко сформулировал свои претензии. Он обвинил старообрядцев в том, что они получают представление о Божественном Писании только из «тетрадок» с выписками: «Сия они писанийшка получивше, помышляют, что уже получили и обняли вся пределы мудрости и дошли до самага дна богословии» [11, л. 2 об.]. Иерарх справедливо считал, что книжник должен учиться «богословской премудрости». Старообрядцы возражали, что это будет

²² *E. 1703*, л. 11 об.

²³ Там же, л. 11 об. – 12.

²⁴ Описание издания см.: [12, с. 452].

внешняя ученость, которая только мешает в постижении «правды Божией».

Феофан Прокопович, как и старообрядцы, писал о необходимости знать не только Божественное Писание, но и правильно его понимать, т.е. истолковывать «не слепым дерзновением»: «И тако прямой книжник, аще и может Новая и Ветхая произносить, однако же не слепым дерзновением творит то: произносит ведомая, о неведомых молчит, донележе уведает и она» [11, л. 3]. Образ ученого богослова, который толкует Писание, опираясь на знания «книг многих древних и новых учителей богословских», противопоставлен невежественным проповедникам: «Невежа же сам себе высоким о мудрости своей мнением обольстивый о всех вещах и далече от ума его отстоящих говорить и судить скор и дерзок. И некую, аки сверболту, понуждающую его к бусловию, ощущает в себе» [11, л. 3].

Разумеется, идейные лидеры старообрядчества представлены Феофаном в качестве отрицательных персонажей, а их учения еретическими. Для этого иерарх задействовал все имеющиеся в его арсенале средства – образные сравнения, «диалектические хитрости», уничижительные характеристики. Вот типичный пример описания богословствующего старообрядца: «Помышляя бо безделник о себе, что мудр есть, желает, дабы и вси тож о нем думали и яко премудра славили и почитали. И тако не может терпеть молчания, опасаяся, да не помыслит кто о нем, что он не все знает. Того ради никакова в разговоре с людьми не упустит случая, в котором бы мощно ему как вороне голос испустить, Писание толковать тшится, от книг будто отеческих [которых не бывало], свидетельства произносит, но и без всякаго свидетельства своим умыслом и простым рассказом поучает, что верити, что хранити и чего блюстися подобает» [11, л. 3 – 3 об.].

Феофан при сравнении подобных учителей с древними еретиками готов даже признать за последними если не образованность, то ум: «Видим ереси некие о высоких догматах блядословящия, но высоко и тонко произнося, хотя неправо от священных Писаний свидетельства, такоже и ухищренным умствованием силлогистическия пленицы, тако рещи, и сети соплетая, яковая ересь была Ариева, Македониева, Несториева, Евтихиева и прочиих» [11, л. 6]. Все это для того, чтобы подчеркнуть необразованность учителей-старообрядцев и сделать вывод, что «домашнее зло» страшнее древних ересей.

В создании отрицательного образа раскольников Феофан не жалел красок: «Колми паче всякому благоразумному смешно видети, как то слепый невежа, которому надлежало яко ни к чему негодному свиней пасти, нарек себе веры учителем, тшится богословствовати и уставляет догматы, какие хочет и спорит в том, чего сам отнюдь не ведает. Да премудрым себе быти разумеет, понеже слоги изучил и письмо руское прочесть может и тетради подобных себе писателей чел» [11, л. 5–5 об.]. Иерарх постоянно подчеркивал, что старообрядцы свои аргументы приводят, опираясь не на Божественное Писание, а на «тетради». Разуме-

ется, речь идет о выписках из Священного Писания, святоотеческого предания, сочинений церковных писателей, старопечатных книг, которые, действительно, защитники старого обряда считали священными текстами.

С точки зрения ученого богослова обвинение раскольников в необращении к текстам Священного Писания вполне закономерно. По-видимому, Феофан считал, что это дает ему право называть «учителей раскола российского» «тупыми и грубыми сумазбродами», которые «и единой части исповедания не знающих» [11, л. 6.]. При такой совершенно уничижительной характеристике раскольничьих учителей он реально оценивал степень их влияния. В конце Предисловия он задается вопросом: «Что же сделалось? Не получили ли вероятия, о стыдения твоего России!». Отвечая на него, Феофан вынужден констатировать: «Так много число верующих и последовавших себе получили, что места не обрящем, где бы оных лестцов не были наследники и ученики. Ово тайные, ово же и явные, которые, хотя и сами отнюдь не знают, что приемлют и что отместут и на чем основаны стоят, однако же стоят на пути погибелном, аки бы обаяные» [11, л. 6 об.].

Иерарх Русской церкви был озабочен степенью распространения учения старообрядцев и успешностью пропаганды «невежественных богословствующих учителей». В тексте «Ко благовестивому читателю предисловие» он попытался убедить читателей в том, что не следует доверять подобным лжеучителям. Феофан Прокопович явно дискутирует с точкой зрения Тимофея Лысенина, изложенной в Предисловии к сборникам подготовительных материалов к Дьяконовым ответам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обращение к анализу Предисловий к старообрядческим сборникам позволило показать, что благодаря соловецким инокам с первых шагов патриарха Николая начался отбор фрагментов авторитетных текстов из рукописей и старопечатных книг, свидетельствующих о справедливости отстаиваемой противниками церковной реформы точки зрения на новшества. Они были объявлены «священными». Следующие поколения защитников старого обряда продолжили разыскания и сумели значительно увеличить количество цитат и круг исходных текстов.

Ярким примером такой работы была деятельность Тимофея Лысенина по составлению Книг, в которых нашел отражение обновленный «канон священных текстов». Они были соответствующим образом расположены и прокомментированы, что позволило представить решение спорных вопросов обряда и богослужебной практики. Старообрядец в Предисловиях к составленным им сборникам попытался обосновать возможность обращения к отобранным цитатам как к Божественному Писанию, а также аргументировать свое право их истолкования. При этом Тимофей Лы-

сенин дискутировал со своими оппонентами, прежде всего, с иерархом Афанасием Холмогорским.

Феофан Прокопович в Предисловии к сочинению, посвященному опровержению точки зрения защитников старого обряда на поливательное крещение, явно опровергал мнение Т. Лысенина по поводу «канона священных текстов» и права их истолкования. Иерарх сумел дать исключительно отрицательную характеристику раскольничьим учителям, представив их безграмотными обманщиками, уклонившимися в пустословие, «человеками глупыми» и т.п. Рассуждения этих «лжеучителей» он называет «бессловием» или «суесловием», «расколническим прекословием», которое, по его мнению, «смеха достойно». Их учение он объявил современной, «домашней», ересью.

Тимофей Лысенин подобным образом оценивал учение официальной Церкви, обозначив его «криво-сказательной ересью». Оба автора опираются на одни и те же цитаты, но толкуют их по-разному, обращая против оппонентов. Каждый аргументировал свои инвективы в адрес оппонентов, обвинив их в незнании Божественного Писания и неверном его понимании. Старообрядец уверен в том, что чтение представленных в его сборнике выписок из авторитетных древних рукописей и старопечатных книг с соответствующим истолкованием может считаться обращением к Божественному Писанию. Иерарх опровергал право раскольников толковать Писание, опираясь исключительно на «канон священных текстов». Но в конце вынужден был признать успешность распространения учения старообрядцев. Следовательно, в дискуссии, которая нашла отражение в Предисловиях, более убедительными были авторы-старообрядцы. Во всяком случае, Т. Лысенин высказал уверенность в своем праве толковать Божественное Писание, вернее, отобранные несколькими поколениями противников церковной реформы фрагменты, обращение к которым, как он считал, позволяет получить представление об истинной вере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская старопечатная литература (XVI-первая четверть XVIII в.): Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. 303 с.
2. Сапожникова О.С. Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. Редакторская деятельность. М.; СПб., 2010. 320 с.
3. Бубнов Н.Ю. Герасим Фирсов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. С. 193 – 196.
4. Коган М.Д. Геронтий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1. С. 200 – 203.
5. [Афанасий, архиепископ Холмогорский]. Увет духовный. М., 1682. 274 л.
6. Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI – XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. 152 с.
7. Чумичева О.В. «Ответ вкратце Соловецкого монастыря» и Пятая соловецкая челобитная (Взаимоотношения текстов) // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 59 – 69.
8. Лысенин Тимофей Матвеев // Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Старообрядчество. Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М.: Церковь, 1996. С. 162.
9. Юхименко Е.М. Новый Иерусалим и старообрядцы в начале XVIII в. // Пятые чтения памяти проф. Н.Ф. Каптерева. Россия и православный Восток: новые исследования по материалам из архивов и музейных собраний (Москва, 30–31 октября 2007 г.): материалы. М., 2007. 214 с. С. 207–214;
10. Беляева О.К. К вопросу об использовании памятников древнерусской письменности в старообрядческих полемических сочинениях первой четверти XVIII в. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 9–16.
11. [Феофан Прокопович] Истинное оправдание правоверных христиан, крещением поливательным во Христа крещаемых. М., 1724. 30 марта.
12. Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010. 1248 с.

REFERENCES

1. Derzhavina O.A., Demin A.S., Eleonskaya A.S. (eds.). Russian Old-Printed Literature (the XVI -first quarter of XVIII centuries): themes and stylistics of forewords and afterwords. Moscow, 1981, 303 p. (In Russ.)
2. Sapozhnikova O.S. Sergius Shelonin, a Russian scribe of the XVII century. Editorial activities. Moscow, Saint Petersburg, 2010, 320 p. (In Russ.)
3. Bubnov N.Yu. Gerasim Firsov. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Saint Petersburg, 1992, iss. 3, pt. 1, pp. 193–196. (In Russ.)
4. Kogan M.D. Gerontius. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi*. Saint Petersburg, 1992, iss. 3, pt. 1, pp. 200–203. (In Russ.)
5. Afanasius, *arkhiepiskop of Kholmogory*. Spiritual precept. Moscow, 1682. 274 sh. (In Russ.)
6. Zernova A.S. Books of the Cyril press, published in Moscow in the XVI – XVII centuries: united catalog. Moscow, 1958, 152 p. (In Russ.)
7. Chumicheva O.V. “An answer in brief of Solovetsky Monastery” and the Fifth Solovetsky petition (text relations). *Issledovaniya po istorii literatury i obshchestvennogo soznaniya feodal'noy Rossii*. Novosibirsk, 1992, pp. 59–69. (In Russ.)
8. Lysenin Timofey Matveev. *Starobryadchestvo. Litsa, sobytiya, predmety i simvolyy. Opyt entsiklopedicheskogo slovarya*. Comp.: S.G. Vurgaft, I.A. Ushakov. Moscow, 1996, p. 162. (In Russ.)
9. Yukhimenko E.M. New Jerusalem and the Old Believers in the early XVIII century. *Pyatye chteniya pamyati prof. N. F. Kapтерева. Rossiya i pravoslavnyy Vostok: novye issledovaniya po materialam iz arkhivov i muzeynykh sobraniy (Moskva, 30-31 oktyabrya 2007 g.)*. Moscow, 2007, pp. 207–214. (In Russ.)
10. Belyaeva O.K. To the problem of using the memorials of Old Russian writing in the Old Believer polemical writings of the first quarter of the XVIII century. *Obshchestvennoe soznanie, knizhnost', literatura perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1990, pp. 9–16. (In Russ.)
11. [Feofan Prokopovich]. The true justification of Orthodox Christians with watering baptism in Christ baptized. Moscow, 1724. 57 sh. (In Russ.)
12. Guseva A.A. The collection of Russian books of the Cyril printing of the XVIII century of the printing houses of Moscow and St. Petersburg and the universal methodology to identify them. Moscow, 2010, 1248 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.04.2020
Дата рецензирования 26.05.2020
Статья принята к публикации 15.06.2020

DOI: 10.15372/HSS20200305
УДК 821.161'01–311.8"14"

Т.В. ПАНИЧ

СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ ПАТРИАРШЕГО КРУГА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,

В статье исследуется специфика отображения событий прошлого в сочинениях церковных писателей второй половины XVII в., входивших в круг патриарха (Афанасия Холмогорского, Евфимия Чудовского, Игнатия Римского-Корсакова). В качестве источников исследования привлечены тексты этих авторов, написанные в разных жанрах: полемические трактаты, жития, послания и др. В ходе их анализа определяются мотивы и характер актуализации событий и образов прошлого, зафиксированных в текстах исторической тематики предшествующих эпох, а также запечатленных в исторической памяти. Устанавливаются особенности использования сюжетов, сохранивших память о прошлом, в структуре текстов церковных писателей второй половины XVII в.; формы интерпретации исторических событий и фактов во взаимосвязи с социокультурной проблематикой этого времени.

Ключевые слова: события прошлого, историческая память, церковные писатели XVII в., интерпретация исторических событий.

T.V. PANICH

EVENTS OF THE PAST IN THE WORKS OF THE PATRIARCH CIRCLE WRITERS IN THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Studying material is the literary heritage of the church writer's community in the Patriarch circle in the second half of the XVII century preserved mainly in manuscript form. The paper analyzes writings by Afanasy Kholmogorsky, Evfimy Chudovsky, and Ignatius (Rimsky-Korsakov). In these author's texts (polemical treatises, historical biographies, epistles, etc.) a description of modern realities and facts intertwines with the events of ancient history and later epochs, recorded not only in different time narratives, but in the historical memory of participants and eyewitnesses to events (including the memory of writers themselves). Some past events used by the authors are of oral origin. The specific character of the analyzed writings, that were created applying early texts with stories on historical themes and references to historical events, names of outstanding historical personalities, allows us to consider ways and purposes of their use, as well as to understand the nature of reception and evaluation of events of the past by the authors of the "transitional" era in relation to its current problems. Thus, the article objective is to study the peculiarities of describing the events of the past in the works of the Patriarchal circle's church writers in the second half of the XVII century. Based on the materials analysis, the author identifies causes and nature of actualizing the events and images of the past, reflected in the texts of previous epochs, as well as captured in historical memory. The paper considers peculiarities of displaying historical subjects in the text structure in the second half of the XVII century; reveals that the creative strategy of authors, who used in their works certain historical events and facts, was based on the desire to extract the necessary information related to a given subject, to increase the emotional impact on the readers, to expand the arguments in the polemics with ideological opponents, to draw attention to current problems of modernity emphasizing the continuity of tradition.

Key words: past events, historical memory, XVII century church writers, interpreting historical events.

Тамара Васильевна Панич – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, e-mail: tvpanich@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6223-7615>.

Tamara V. Panich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of the Institute of History SB RAS.

ОБОСНОВАНИЕ ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Задача изучения отображения событий о прошлом в творчестве писателей патриаршего круга второй половины XVII в. определяется все более возрастающим интересом исследователей к истории России, ее историческому прошлому; она относится к комплексу проблем, связанных с такими важными категориями, как «память о прошлом», «историческая память», «автобиографическая память» и т.д., рассмотрение которых имеет большое научное значение и актуальность. Память о прошлом представляет собой феномен, который во многом обеспечивает преемственность традиций, непрерывность исторического процесса и является одним из важных факторов сохранения культуры социума, его конфессиональной и национальной идентичности, осознания своего места в мире. Как отмечает Л.П. Репина, «зафиксированные коллективной памятью образы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях» [1, с. 414].

Литературное наследие, оставленное церковными писателями круга патриарха, сохранившееся преимущественно в рукописном виде, специфика их сочинений, по традиции строившихся с использованием ранних текстов, а, следовательно, неизбежно включавших сюжеты на исторические темы, упоминание различных исторических событий, имен выдающихся исторических деятелей, мифов, позволяет рассмотреть способы и цели их использования, характер рецепции и оценки событий прошлого авторами «переходной» эпохи в связи с ее актуальными проблемами, что и составляет задачу настоящей статьи.

СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО В ПОЛЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ЕВФИМИЯ ЧУДОВСКОГО: ОТ ДРЕВНОСТИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Если обратиться к сочинениям изучаемых авторов, то можно отметить факт частой актуализации ими событий прошлого, закрепленных в текстах, относящихся к разным эпохам, в том числе древнейшим. Так, один из ярких представителей рассматриваемого сообщества церковных писателей Евфимий Чудовский в известном Послании на имя патриарха Адриана обратился к эпохе египетского царя Птолемея II Филадельфа (285–246 до н.э.), при котором был осуществлен перевод Пятикнижия с древнееврейского языка на греческий. Напоминание этого исключительно важного события в истории мировой культуры понадобилось Евфимию для того, чтобы решить важную для него задачу: убедить патриарха в необходимости печатного издания ряда богословских и полемических трудов («святых книг»). Речь шла об издании новых переводов текстов Священного Писания, патристики, а также публицистических сочинений, созданных с целью противодействия уси-

лившимся процессам секуляризации и влияния западных конфессий¹. Подготовка некоторых из них была мотивирована полемикой о времени пресуществления святых даров на литургии, в частности, истории этого спора была посвящена книга «Щит веры», в работе над которой, помимо Афанасия Холмогорского² и других писателей-грекофилов, большое участие принимал и сам автор Послания³.

Призывая Адриана дать свое патриаршее согласие на издание ряда подготовленных для «печатного тиснения» книг, Евфимий Чудовский писал: «Благоволи, государь, сотвори имя твое именовито в непремеяныя роды родов и славимо, яко славится повсюду имя Птолемея Филадельфа, его же тщанием и великим иждивением преведесе на еллинский диалект книга Ветхий Завет. Вышепомяненныя убо зде святыя книги, яже ныне преведошася, нуждныя суть ветхозаконных, аще к сему и типом издадутся блаженства твоего при архиерействе, честншо и славншо будет имя твое онаго и равно почтен будеши святым, писавшим книги сия. Они бо трудишася мнози в многа времена, твое же блаженство – един и в едино время своего архиерейства появиши сия во вся концы земли, яко иное солнце водрузиши на тверди небесе, его же ни мрак, ни облак темный возможет закрыти когда, но присно всем светящо живущим на селенней. Или яко светилник, изнес из-под спуда, положиши на свещнице, да возсветит всем требующым» (цит. по: [3, с. 322]).

Евфимий таким образом проводит параллель между культурными событиями глубокой древности (создание Септуагинты) и современности (планируемое им издание корпуса богословских и полемических книг в защиту православной Церкви), так как для него они представляют сопоставимые по своей значимости события в истории христианства. Чудовский книжник озабочен судьбой православия, которое, по его словам, «колеблемое от нападающих врагов истины», требует защиты и утверждения. Поэтому он просит патриарха последовать примеру Птолемея, а также ветхозаветного первосвященника («великого священника») Симона, прославившегося благими делами по укреплению Храма⁴, и тем самым войти в историю, оставив добрую славу и память о себе. «Потчися, государь, – писал Евфимий, – сие нужнейшее дело архиерейству твоему соделати. Не даждь славы твоя иному, стяжи сам, блаженство твое, славу твою, богодарованную тебе! Буди прославлен и похвален, яко Симон Онеев, архиерей великий, его же мудрый Сирах поминает

¹ Обзор переводческой деятельности книжников второй половины XVII в. и отдельных полемико-публицистических трудов, созданных в этот период, см.: [2].

² Напомню, что Афанасий Холмогорский был главным составителем и редактором текстов, составивших «Щит веры». Об обстоятельствах создания и истории текста книги см.: [3].

³ Послание вошло в состав Дополненной редакции «Щита веры», над которой трудился Евфимий Чудовский (редакция известна в единственном списке конца XVII в.: ГИМ, Синодальное собрание, № 346. См.: [3, с. 165–176]).

⁴ См.: Сир 50: 1–23.

во главе 50, иже во днех своих утверди церковь» (цит. по: [3, с. 322]). В данном случае речь идет о событиях ветхозаветной истории, ссылки на которую являлись неотъемлемой частью средневековой литературы, поскольку ее образная система базировалась во многом на библейской поэтике.

Таким образом, опираясь на исторические события глубокой древности и проводя параллели с реалиями и злободневными запросами современной ему эпохи, Евфимий Чудовский привлекал внимание к одной из насущных проблем второй половины XVII в. – проблеме просвещения. Ее актуализировали динамичные процессы, происходившие в общественной жизни: последствия церковной реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича; расширение контактов с иностранцами, приводившее к усилению влияния западных конфессий (что особенно наглядно продемонстрировал спор по вопросу о времени пресуществления, издавна представлявшему собой предмет разногласий между православной и католической церквями). В Послании Евфимия Чудовского проводится идея духовного просвещения путем издания и распространения соответствующих этой задаче «святых книг», могущих стать духовным оружием для защиты православия от влияния католической и протестантской церквей. Писатель подкрепляет свою мысль, обратившись к опыту прошлого – эпизодам, описанным в Библии, и историческим фактам времен Птолемея, в которых он ищет сходство со злободневными событиями современности.

Евфимий нередко использует исторические эпизоды и в событийной системе комплекса полемических текстов, связанных с делами Петра Артемьева и Григория Скибинского. Например, в сочинении «Моление Церкви» [4, с. 102–119], входящем в данный комплекс, писатель, рассуждая о необходимости церковного осуждения и наказания Артемьева за отступление от православия, обращается к историческим прецедентам. Так, он проводит параллель с судьбой новгородца Ивана Козырева (о нем см. [5, с. 168–170]), увлекшегося учением лютеранства и заточенного за это в Соловецкий монастырь. Автор от лица Церкви просит патриарха Адриана применить по отношению к Петру Артемьеву те же действенные, как он полагает, меры наказания: «Не даждь мя в поругание и посмех злословцу сему, простири руку помощи... прошу иждени его, яко праха ветр, по прежде реченному, в дальняя места и заключи уста его злохульная, яко и доднесь православнии грецы архиерее анафематствуют таковыя появлшыися и заточают в непроходная места и заключают в неприступная хранила и темницы. Яко и zde прежде неколиких лет Иоанна некоего, зоваемаго Козырева, новгородца, лютерствовавшая в себе самом точию, с иными же о том мало или ничто разглагольствовавшая, обаче по указу святейшаго Иосифа патриарха он, Иоанн, заточен бысть в Соловецкий монастырь, и тамо во всеконечном безмолвии пребысть, не получая с ким что беседовати, ниже чернил и пера, и хартии приимати,

на еже что бы и кому написати. И тако зломыслие его ищезе доднесь» (цит. по: [4, с. 118]). Трудно сказать, на чем основаны знания Евфимия, касающиеся дела Ивана Козырева. По-видимому, он пользовался какими-то документами, зафиксировавшими данные события.

**СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО И ИХ РОЛЬ
В СОЧИНЕНИЯХ АФАНАСИЯ ХОЛМОГОРСКОГО,
ИГНАТИЯ (РИМСКОГО-КОРСАКОВА)
И АВТОРА «ЖИТИЯ ФЕДОРА РТИЩЕВА»**

Задачу защиты православия, и в частности учения православной Церкви о времени пресуществления святых даров, решают и составители книги «Щит веры», когда, реконструируя историю противостояния «грекофилов» и «латинствующих», делают отсылку к Ферраро-Флорентийскому собору и к сопутствующим ему событиям (путешествие в Италию византийского императора Иоанна VIII Палеолога), в том числе сверхъестественного характера (чудесное явление святого Сергия Радонежского, покровительством которого спаслись русские участники «богоненавистного собора» Симеон Суздальский и посланник из Твери Фома, преследуемые латинянами за то, что они отказались от унии) [3, с. 88–89].

События прошлого нашли отражение и в «Увете духовном» Афанасия Холмогорского. В рамках полемики со старообрядцами и рассуждений на темы грамматического знания («грамматического искусства») и книжного исправления автор отсылал читателей, например, к Великим Минеям Четвертым митрополита Макария. В конце «Увета духовного» приводится предисловие из этого памятника (с небольшими сокращениями)⁵. Афанасий Холмогорский дает высокую оценку этому грандиозному, имеющему огромное значение в истории русской культуры труду митрополита Макария, который, как замечает автор «Увета духовного», таким собранием книг «Церковь святую зело одарил»⁶. Это лишь один пример использования культурно-исторического опыта прошлого в «Увете духовном», в действительности события минувшего (а также исторические персонажи, выдающиеся иерархи Русской Православной Церкви) довольно часто упоминаются автором книги в ходе осмысления стоявших перед ним проблем: разъяснение подоплеки обрядовой реформы и книжной sprawy, увещание поборников «старой веры», критика составленной их вождями челобитной. Таким образом, обращение к традиции, интерпретация исторического опыта прошлого в приложении к событиям второй половины XVII в. способствовали более глубокому их осмыслению и оценке.

Следует отметить также частое использование церковными писателями второй половины XVII в. минувших событий, которые происходили уже на их памяти. В некоторых из них они сами принимали участие

⁵ Увет духовный. М., 1682. Л. 266–270.

⁶ Там же. Л. 265 об.

или были свидетелями происходившего. Примером может служить Житие патриарха Иоакима, автор которого воскрешает целый ряд исторических событий и фактов, связанных с жизнью описываемого им героя [6, с. 144–145]. В Житии упомянута война с Польшей (1654–1667 гг.), в которой в молодости принимал участие будущий патриарх («послан бысть сопостатов в Киевския страны»). Об этих событиях вспоминал и сам патриарх Иоаким в Духовном завещании, которое также входит в структуру его Жития: «в велием моем усердии желая за моя злая дела и многое прегрешение, яже в мирском житии и в военных случаях полковых содеях и прогневах Творца моего Владыку...» (цит. по: [6, с. 179]). По прошествии многих лет, перед смертью патриарх Иоаким осмысливает свою сопричастность к этим событиям и свои поступки («злые дела») как грех перед Богом.

В тексте Жития также нашел отражение эпизод из истории борьбы официальной Церкви со старообрядцами. Речь идет об отправке делегации духовенства с увещательной грамотой новгородского митрополита Иоакима (будущего патриарха) в Соловецкий монастырь, где укрывались противники церковной реформы, ревнители «старой веры». Автор текста привлек внимание и к такому важному событию в жизни Церкви и государства, как избрание преемника патриарха Иоакима после его кончины. Об этом повествуется в центральной части Жития, которую представляет Послание архимандрита московского Новоспасского монастыря Игнатия Римского-Корсакова (будущего митрополита Сибирского и Тобольского), адресованное Афанасию Холмогорскому⁷. Описывая сложные обстоятельства выборных событий, архимандрит Игнатий, по-видимому, основывался на собственных воспоминаниях (хотя прошло совсем немного времени). По его словам, столкновения разных властных группировок при избрании нового патриарха были обусловлены тем, что на патриарший престол притязал «иноплеменник»: «иже быше иноплеменник, притворяшеся же россиянин». Игнатием упомянуты также недавние события, связанные со спорами о Евхаристии и имевшие чрезвычайно важное значение для писателей патриаршего круга как для одной из сторон этого исторического конфликта.

Память о прошлом нашла отражение и в Житии Федора Ртищева. Здесь, как и в Житии патриарха Иоакима, упомянута война с Польшей, а также Медный бунт, во время которого чуть не погиб Ртищев, находившийся в это время в с. Коломенском, но был спасен «мановением Божественного промысла». Нападение на него, по мысли автора Жития, было инспирировано дьяволом, который не мог терпеть добродетелей «милостивого мужа»: «Завидя добродетели мужа вечный ратник противу благих, сопостат диавол, не стерпев его весма всем всегда благотворения проявления, воз-

мути мятежных и буйх человек, еже напраснствовати на сего благотворца <...> И възмятошася на сего милостиваго мужа яко неистови <...> Феодор же во оно время бе в селе Коломенском, в дому царском, в велице страсе, близ самыя смерти, его же ради исповедався, сподобися прияти пречистое Тело и Кровь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. И мановением Божественнаго промысла оные мятежники страхом объяти быша, и гоними повелением царским, разбегошася, инии же яти быша. И тако он любомудрый муж избавися от сети ловящих. Сеть сокрушися, и он избавлен бысть, ибо весть Господь благочестивыя от напасти избавляти» (цит. по: [7, с. 242]).

Приведенные примеры показывают, что отсылки в обоих житиях к минувшим (хотя и совсем недавним) реальным событиям и фактам указывают на стремление их авторов продемонстрировать лучшие качества своих героев, принимавших участие в этих событиях, связать их с современным историческим контекстом, обосновать достоверность агиографического повествования.

Помимо крупных (ключевых для разных социальных групп) исторических событий, в исследуемых текстах отмечается интерес изучаемых авторов к, казалось бы, рядовым случаям, имевшим для них особое значение. Об одном таком памятном случае пишет Игнатий (Римский-Корсаков) в том же Послании к Афанасию Холмогорскому. Он напоминает холмогорскому владыке о том, как однажды при посещении казанским митрополитом Адрианом патриаршей ризницы патриарх Иоаким подарил ему «излишний» посох и, благословив, предрек сан патриарха: «Яко во блаженной памяти святейший Иоаким патриарх, еще жив сый егда, некогда ходившу ему своима двема архиереома в патриаршей своей ризнице, и егда возже ле святейший Адриан, еще сушу митрополитом Казанским, просити излишняго ис патриархии посоха, тогда святейший Иоаким патриарх благослови его посохом и патриаршество прорече, еже и збытсся по его благословению и проречению по скончанию его...» (цит. по: [6, с. 177]). Здесь можно наблюдать, как мелкий эпизод из повседневной церковной жизни, поначалу известный небольшому кругу очевидцев, будучи письменно зафиксированным в Послании, а затем в Житии патриарха Иоакима, в контексте рассказа об избрании его преемника приобретает символическое, судьбоносное значение: извлеченный из памяти бытовой случай становится важным элементом значимого для Большой истории события. Происшествие с патриаршим посохом в интерпретации автора указывает на Божий промысел в решении судьбы Адриана, а также на провидческий дар патриарха Иоакима, о смерти которого Игнатий рассказывает как о кончине житийного героя, привлекая элементы археографической топики: дар предвидения – один из элементов атрибутики святого.

Игнатий Римский-Корсаков широко использует события прошлого (в том числе и недавнего прошлого) и в «Сибирских посланиях», составляющих ком-

⁷ Эта часть Жития имеет название: «Послание боголюбимому Афанасию, архиепископу Колмогорскому, како бысть преставление святейшаго Иоакима патриарха». См.: [6, с. 164–178].

плекс из трех текстов разного объема, относящихся к позднему («сибирскому») периоду его литературного творчества, когда он занимал кафедру митрополита Сибирского и Тобольского. Обличая учение идеологов и вождей урало-сибирского старообрядчества, митрополит Игнатий рассматривает его как ересь. В протестном движении ревнителей «старой веры» он видит новый этап еретического движения на Руси. В связи с этим он вспоминает о новгородских событиях XV в., описанных в «Просветителе» Иосифа Волоцкого (обстоятельства возникновения и распространения «ереси жидовствующих»). Митрополит Игнатий выписывает большие цитаты из «Просветителя», которые выполняют роль авторитетных аргументов в полемике с противниками патриаршей Церкви.

Наряду с извлечениями из источников, содержащих сведения о далеко по времени отстоящих событиях (в том числе ветхозаветной истории), автор «Сибирских посланий» часто обращается к историческим реалиям и фактам недавнего прошлого. Особый интерес с исторической, а также с литературной точки зрения представляют здесь повести о самосожжениях старообрядцев⁸, описывающие «гари», происходившие до приезда Игнатия в Сибирь⁹.

Повести о «гарях» были включены писателем в Третье послание комплекса с целью обличения идеи «огненной смерти», которую разделяла часть старообрядчества, полагая добровольную гибель в огне единственно верным способом спасения собственных душ от власти антихриста и его слуг. В контексте Послания каждый случай массовых старообрядческих самосожжений, имевших место в Урало-Сибирском регионе или европейской части России во второй половине XVII в., представлен в преобразованном и в определенной мере искаженном в результате позднейшего осмысления виде: место каждого подлинного события прошлого занял его литературно сконструированный образ. Композиционная структура повестей выстроена с использованием художественных сюжетов, мотивов и образов, в том числе топики жанра чудес и видений (мотив голосов из загробного мира, мотив адского пламени, явление двум старообрядцам кружащихся над загоревшимся овином «синцов» и др.). Анализ повестей дает возможность увидеть, как рассказы о реальных событиях в ходе устного бытования и разных столкновений осложнялись домыслами, легендарными сведениями и деталями сверхъестественного характера, получив впоследствии статус письменного текста. Важно понимать, что каждая из этих повестей в глазах автора

⁸ Содержащиеся в «Сибирских посланиях» материалы о старообрядческих самосожжениях, привлекались А. Т. Шашковым в качестве исторического источника. Исследователь рассматривал старообрядческие «гари» как форму социального протеста. См.: [8, с. 81–179].

⁹ О литературной специфике повестей о самосожжениях старообрядцев и их публикацию см.: [9, 124–141].

Послания и его читателей (сибирской паствы, к которой обращался митрополит Игнатий) представляла собой достоверный рассказ о реальных событиях прошлого (хотя и недавнего). Недаром в конце каждого рассказа тобольский митрополит приводит поучительный для читателей вывод из случившегося трагического события [9, с. 133–141].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая наше исследование, можно сделать следующие выводы. Церковные писатели второй половины XVII в., как показывает анализ их сочинений, часто обращались к событиям прошлого, решая свои творческие и идеологические задачи, главными из которых были защита православия и укрепление позиций Церкви, ослабленных в результате обрядовой реформы. В их текстах наряду с описанием современных реалий и фактов актуализируются события древнейшей истории и более поздних эпох, зафиксированные не только в нарративах разного времени, но и в исторической памяти участников и очевидцев событий. Отдельные из рассказов о минувших событиях имеют устное происхождение: передаваясь из уст в уста на протяжении ряда лет, воссоздаваемые в них образы прошлого часто наполнены домыслами, мифическими мотивами, элементами чудес. Можно констатировать, что основу творческой стратегии авторов, использовавших в своих текстах события прошлого, составляло стремление извлечь из них необходимую информацию, касающуюся того или иного предмета рассмотрения; усилить эмоциональное воздействие на читателей; расширить аргументацию в полемике с идейными противниками; и что особенно важно, сохранить преемственную связь с традицией и одновременно привлечь внимание к актуальным проблемам современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. 559 с.
2. *Исаченко Т. А.* Вера и противление в ответах и обличениях 80–90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015. 282 с.
3. *Панич Т. В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004. 327 с.
4. *Панич Т. В.* Сочинение «Моление Церкви» из материалов по делу Петра Артемьева: структура, источники, автор // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 102–119.
5. *Булакина Т. В.* Козырев Иван // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.), ч. 2. С. 168–170.
6. *Панич Т. В.* Житие патриарха Иоакима по списку РГБ, собрание И. Д. Беляева, № 29/1535 // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. Новосибирск, 2013. С. 140–190.
7. *Панич Т. В.* Житие Федора Ртищева – памятник поздней агиографии // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI–XX вв. Новосибирск, 2018. С. 225–250.
8. *Шашков А. Т.* Избранные труды. Екатеринбург, 2013. 733 с.
9. *Панич Т. В.* Повести о старообрядческих «гарях» из Сибирских посланий Игнатия (Римского-Корсакова) // Вест. Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 2 (26). С. 124–142.

REFERENCES

1. *Repina L.P.* History at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practices. Moscow, 2011, 559 p. (In Russ.)
2. *Isachenko T.A.* Faith and opposition in answers and denunciations of the 80-90s of the XVII century. New biblical translations in philological schools of the XVII century. Moscow, 2015. 282 p. (In Russ.)
3. *Panich T.V.* The book “The Shield of Faith” in historic and literary context of the late XVII century. Novosibirsk, 2004, 327 p. (In Russ.)
4. *Panich T.V.* Essay “Church Prayer” from materials on the case of Peter Artemiev: structure, sources, author. *Arkheograficheskie i istoriovedcheskie aspekty v izuchenii istorii Rossii*. Novosibirsk, 2016, pp. 102–119. (In Russ.)
5. *Bulanina T.V.* Kozyrev Ivan. *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* (XVII v.). Saint Petersburg, 1993, iss. 3, pt. 2, pp. 168–170. (In Russ.)
6. *Panich T.V.* Life of Patriarch Joachim according to the Register of RSL, collection of I. D. Belyaev, no. 29/1535. *Rukopisi XVI–XXI vv.: issledovaniya i publikatsii*. Novosibirsk, 2013, pp. 140–190. (In Russ.)
7. *Panich T.V.* Life of Fyodor Rtishchev – a monument of late hagiography. *Traditsii russkoy dukhovnoy kultury v pamyatnikakh pismennosti XVI–XX vv.* Novosibirsk, 2018, pp. 225–250. (In Russ.)
8. *Shashkov A.T.* Selected works. Ekaterinburg, 2013, 733 p. (In Russ.)
9. *Panich T.V.* Stories about Old Believer’s ‘burns’ in the Siberian epistles by Ignatius (Rimsky-Korsakov). *Vestnik Ekaterinburgskoy Dухovnoy seminarii*, 2019, no. 2, pp. 124–142. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 04.04.2020

Дата рецензирования 26.05.2020

Статья принята к публикации 15.06.2020

DOI: 10.15372/HSS20200306
УДК 821.161.1–343.5 "16"

Л.В. ТИТОВА

ДЬЯКОН ФЕДОР – АВТОР ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ ПУСТОЗЕРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье впервые дана комплексная характеристика программных идеологических документов, написанных дьяконом Федором от имени пустозерских узников – протопопа Аввакума, священника Лазаря и инока Епифания. Показано, что именно дьякон Федор, один из образованнейших лидеров раннего этапа старообрядчества, создал основополагающие общественно значимые сочинения, в которых была выражена от имени всех противников реформы Никонова точка зрения на происшедшие перемены в обряде, богослужебной практике и правке богослужебных книг.

Ключевые слова: старообрядческая публицистика, лидеры раннего этапа старообрядческого движения; «Ответ православных» дьякона Федора; Послание о священстве, «Книга» Спиридона Потемкина, лидеры старообрядческого движения.

L.V. TITOVA

DEACON FEDOR – AN AUTHOR OF THE MAIN IDEOLOGICAL WORKS OF PUSTOZERSKY WRITERS

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Deacon Fedor is a writer and polemicist, and one of the ideological leaders of the first generation of the church reform opponents. He had an unconditional authority among his companions on the Pustozersky exile, as evidenced by the fact of writing journalistic treatises on their behalf in defense of the true Orthodoxy. Deacon Fyodor wrote such socially significant works as “The Orthodox Response” and the Epistle to Ioann Avvakumovich on the priesthood. The Orthodox Response is considered to be the main work by Deacon Fyodor. This work has become the main ideological document for the entire Old Believer heritage for many years. It presented a set of objections of the old rite defenders against church innovations, supported by convincing arguments and arguments in favor of a formulated point of view on the changes that occurred in the ritual and liturgical practice. The author has shown the illegality of editing liturgical books, as well as given evidences strong enough for the Christian that the experienced time is “anti-Christian”, “last” one. “The Orthodox Response” is considered together with another work significant for the whole Old Believer writings, written by Deacon Fyodor in summer of 1669 as an answer to Ioann, son of Archpriest Avvakum, who asked a question about the new priests. The author did this on behalf of all Pustozersky prisoners like in the previous work. In the Epistle on the Priesthood, the problem was thoroughly discussed how to perceive the priests assigned by Nikon, after Nikon was deprived of his patriarchal dignity. The paper concludes that these two works by Deacon Fedor were important for contemporaries and contributed to formation of a broad religious and social movement. They were also actively used in the XVIII century for creating the ideology of consent.

Key words: Old Believer journalism; leaders of the early stage of the Old Believer movement; “Response of the Orthodox” by deacon Fedor; Priesthood message; “Book” of Spiridon Potemkin.

Любовь Васильевна Титова – канд. филол. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: titova_istochnik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7480-3795>

Lubov V. Titova – Candidate of Philology, Senior Researcher of the Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Федор Иванов – дьякон Московского Благовещенского собора, один из образованных¹ идейных лидеров раннего этапа старообрядческого движения, писатель и полемист, к мнению которого прислушивались его единомышленники, защитники старого обряда [2]. Его перу принадлежат главные общественно значимые полемико-догматические и публицистические сочинения, написанные им от имени своих союзников.

**«ОТВЕТ ПРАВОСЛАВНЫХ» –
ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ
ПУСТОЗЕРСКИХ УЗНИКОВ**

Среди первых основополагающих сочинений, принадлежащих перу противников реформы Никона, следует назвать «Ответ православных» – основной идеологический документ для всего старообрядческого мира. В нем достаточно полно представлен свод возражений староверов против церковных нововведений, а также выражена их точка зрения на переживаемое «последнее» время. «Ответ православных» дьякон Федор начал писать еще в Москве до начала церковного собора 1666–1667 гг.,² а заканчивает его уже в Пустозерске в 1668–1669 гг. вместе с союзниками – протопопом Аввакумом, священником Лазарем и соловецким иноком Епифанием. Перу дьякона Федора, безусловно, принадлежит основная часть текста этого полемического трактата. Об этом он свидетельствует и собственноручной заверительной подписью на листах Барсовского списка «Ответа православных»: «Дьякон юзник Феодор, **собрав сие Божественное писание и сочинив вкупе** о Христе Иисусе на пользу Церкви Христове по совету святых отец и исповедников и сызников своих, и утвержая сие пролитием крови своея от языка сея ради церковныя истинны, и руку приложил»³.

Во всех списках первоначальной редакции «Ответа православных» концовка содержит зашифрованное имя автора: «Писавый сие имени своего не поведя неправды ради гонителей и мучителей, что истинны церковных догмат ненавидят и всякую правду святых

¹ Инок Авраамий писал о нем: «...паче иных в Божественном писании потрудившемся и многое полезное о церкви ведущем» [1, с. 261].

² Особо следует отметить, что именно в это время, время подготовки к решающему судьбу противников церковной реформы Собору 1666–1667 гг., создавались произведения полемической публицистики, материалы к которым черпались из авторитетных книг, главным образом, из Священного Писания и отеческого предания в защиту отстаиваемой точки зрения на новшества. В данный период дьяконом Федором написана не только основная часть «Ответа православных», составлена Книга из Слов Спиридона Потемкина, но и переработано и дополнено новыми фактами «Прение с греками о вере» Арсения Суханова, в котором автор отстаивает чистоту русского православия и его обрядов – двуперстия, крещения посредством погружения, сугубой аллилуйи и едва ли не объявляет современных ему греков еретиками. (см.: [3, с. 114–116, 124, 131, 273–274; 4, с. 100–101].

³ Российская государственная библиотека (РГБ), собр. Барсова, (ф. 17), № 883, л. 11–33.

отец лежею закрывают, а новых исповедников и мучеников Христовых неправедно осуждают, великим могуществом и силою своею все творят. Токмо чтый да разумеет звание трудившагося в чисменстых – двести пятьдесят ко осмим, в чине же священнослужения в численных же – сто пятьдесят к пятим, в словенском диалекте, аллилуйя, аллилуйя, докса си Феос о всем! Аминь»⁴. Пустозерские узники считали «Ответ православных» их совместным манифестом в защиту истинной веры, поэтому Аввакум, высоко оценивая его, писал в своем Житии: «Еще же **от меня и от братья дьяконово снискание** послано в Москву, правоверным гостинца – Книга “Ответ православных и обличение на отступническую блудню”, писано в ней правда о догматах церковных» [5, с. 50]

В старообрядческой рукописной традиции известны две версии текста «Ответа»: Пространная (первоначальная) и Сокращенная [6, с. 60–79]. Первоначальный текст «Ответа православных» сохранился прежде всего в уникальном пустозерском сборнике РГБ, собр. Барсова, № 883 (далее – *Б-883*). Рукописный сборник третьей четверти XVII в. из собрания Е.В. Барсова № 883 стал знаменитым после того, как И.М. Кудрявцев, обнаруживший его в собрании рукописей РГБ (тогда – Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина), нашел в этом сборнике автографы лидеров старообрядческого движения, сосланных в 1667–1668 гг. в Пустозерск: на л. II об. и на полях рукописи, содержащей программное сочинение пустозерских узников «Ответ православных» (л. 1–44 об.) сохранились собственноручные подписи протопопа Аввакума, священника Лазаря, дьякона Федора Иванова и соловецкого инок Епифания. Подписи эти удостоверяли, что текст «Ответа православных» в этой рукописи является подлинным и выражает общее мнение пустозерских отцов о тех исправлениях, которые были сделаны в ходе неприемлемой для них церковной реформы патриарха Никона.

Отличительная особенность «Ответа православных» в *Б-883* – его незавершенность, текст обрывается незаконченной фразой: «И за сия вся вышереченны[я] уставы церковныя и догматы отеческия, их же прият древле и держа святая наша Российская церковь непременно, и сего ради ныне чада ея есмы – гонимы и озлобляемы и проклинаемы от раздрающих церковное единство, и мучимы и уморяемы, и в дальних странах заточаемы, и в темницах затворяемы, и языков богословных лишаемы, и многообразным томлением и гладом умерщвляемы...»⁵. Это свидетельствует о дефектности списка. Действительно, судя по тексту полной первоначальной редакции, которая сохранилась в уникальных списках, принадлежащих пустозерской рукописной традиции последней трети XVII в., прежде всего в знаменитом Пустозерском сборнике БАН, собр. Дружинина, № 746 (790),

⁴ Библиотека Академии наук (БАН), собр. Дружинина, № 746 (790), л. 84.

⁵ РГБ, собр. Барсова (ф. 17), № 883, л. 44 об.

л. 1–94⁶, он представляет собой незаконченную первую часть «Ответа» из-за утраты двух-трех листов.

Пустозерский сборник к концу 1673 г. (о датировке сборника см. [8, с. 21]) собрали сами пустозерские узники как их совместную Книгу, в которой помещены автографы сочинений Аввакума и Епифания. Догматико-полемическое значение «Ответа православных» и его органическая связь со всем корпусом статей Книги подчеркнуты местом расположения его в сборнике – он открывает его, а также «серийным» оформлением заглавия. Подобно заголовку к Житию протопопа Аввакума, оно написано иноком Епифанием внутри трех концентрических окружностей: «Книга сия, глаголемая Ответ православных»⁷

Вслед за «Ответом православных» как в Дружининском сборнике, так и во всех других, содержащих первоначальную редакцию «Ответа православных», помещено Сказание о патриархе Никоне, называемое в рукописях «О волке и хищнике и **боготметнике** Никоне достоверно свидетельство, иже бысть пастырь во овчей кожи, предотека антихристов». Сказание написано скорее всего, как и «Ответ православных», дьяконом Федором [3, с. 242–244; 9, с. 223–237] и согласовано с его пустозерскими союзниками. Сказание является логическим продолжением «Ответа», связанным с ним двуединой темой о религиозных и нравственных преступлениях патриарха Никона.

ОФОРМЛЕНИЕ ДЬЯКОНОМ ФЕДОРОМ СЛОВ СПИРИДОНА ПОТЕМКИНА В ЕДИНУЮ КНИГУ

Одним из очень важных этапов творческой деятельности дьякона Федора является оформление им сочинений признанного лидера первого этапа старообрядческого движения Спиридона Потемкина в единую Книгу. Он расположил в определенном порядке его сочинения, пронумеровав их, снабдил каждое Слово пространными названиями-аннотациями, а также биографическими сведениями об их авторе [10, с. 351]. Дьякона Федора связывали близкие отношения со Спиридonom Потемкиным – его духовным отцом и наставником, с которым он, вероятно, часто общался лично, обсуждая различные вопросы, связанные с «реформированной» Церковью. В библиотеке у дьякона Федора, видимо, были все писания старца Спиридония.⁸ В своей «Объяснительной записке по поводу изъявленного им повиновения собору» он писал: «А тово не ведах, что в дому моем все перепечатали и слова многи собираны были у меня от божественных писаний и старца Спиридония на их отступления и на лукавыя догматы

⁶ Этот уникальный сборник, содержащий автографы сочинений протопопа Аввакума и инока Епифания, неоднократно был описан (см.: [7, с. 28]).

⁷ БАН, собр. Дружинина, № 746 (790), л. 1 об.

⁸ Естественно, он должен был располагать всем корпусом сочинений Спиридона Потемкина, поскольку объединил его основные труды в Книгу.

их: и то у меня без нас взяли и ныне не вем, где их девали» [11, с. 424].

Сочинения Спиридона Потемкина, собранные в один корпус, активно переписывались и функционировали на протяжении трех столетий. Первоначальная редакция, датируемая концом 60-х–началом 70-х гг. XVII в., еще не была названа Книгой, только в первой половине XVIII в. при создании Второй Выговской редакции свод Слов получил статус Книги [10, 346–348, 353]. Слова Спиридона Потемкина были посвящены критическому анализу церковной реформы, опровержению внесенных патриархом Никоном изменений в обряд и богослужебную практику Русской церкви.

Особое внимание в этих сочинениях было уделено изложению учения об антихристе и наступлении «последнего времени» накануне «антихристового царства» (подробно об этом см.: [12, 13]). Взгляды Спиридона Потемкина оказали огромное влияние на эсхатологические воззрения дьякона Федора. Он развил идеи учителя, сформулировав вариант теории о четырех отступлениях от веры, который был зафиксирован в «Ответе православных». В дальнейшем защитники старого обряда использовали эту теорию при формировании идеологии согласий.

КНИГА СПИРИДОНА ПОТЕМКИНА И ПОСЛАНИЕ ДЬЯКОНА ФЕДОРА ИОАННУ АВВАКУМОВИЧУ О СВЯЩЕНСТВЕ

Перу дьякона Федора принадлежит и еще одно из значимых в идеологическом плане для всего старообрядческого мира сочинений, которое было написано им летом 1669 г., как и «Ответ православных», от имени всех пустозерских узников [14, с. 77–101; 15, с. 5–9] в ответ на вопрос Иоанна – сына протопопа Аввакума, о новопоставленных полах. Это Послание подробно объясняло, как теперь после того, как Никона лишили патриаршества, надо относиться к священникам, поставленным самим Никоном. В рукописях оно имеет пространное заглавие: «Список с епистолии великих отцев и страдальцев за святую соборную и апостольскую Церковь, ея же должно всякому о Христе живущему прочитати и творити, и да угоден будет Богу, занеже ничтоже несть zde лестно, но вся истинно, имущим ум от Господа истиннаго, аминь» [15, с. 6]. Это заглавие, а также помещенная в конце Федорова Послания «заверительная» приписка протопопа Аввакума, утверждающая и одобряющая содержание текста «У подлинной же епистолии, покрай ея, рука приложена преосвященнаго Аввакума протопопа: сие протопоп Аввакум чел, сие и разумев, сие истинно, к тому и руку приписал» [16, с. 79], свидетельствуют в пользу того, что Послание писалось от имени всех пустозерских узников.

Послание дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу о священстве представляет собой очень важный идеологический документ для противников реформ Никона, для истинных защитников отеческого православия

и почиталось ими наравне со Словами авторитетнейшего идеолога раннего этапа старообрядческого движения Спиридона Потемкина⁹.

Не случайно это Послание было включено в Книгу Слов Спиридона Потемкина еще в XVIII в. и активно продолжало переписываться и тиражироваться как в едином цикле со Словами Спиридона Потемкина, так и отдельно, а также использоваться при создании новых публицистических произведений единомышленниками в XVIII в. [17, с. 48–57; 18, с. 93–125]. К настоящему моменту нами выявлено около 50 списков Послания, и это не окончательное количество [14, с. 77–101].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из сказанного выше, важным направлением деятельности Федора в годы его московской жизни и первых лет пустозерского заключения (1668–1672 гг.)¹⁰ явилось создание главных идеологических трактатов в защиту традиций русского православия.

Следует отметить, что именно дьякону Федору, одному из образованнейших идеологов раннего этапа старообрядчества, выпала честь создать основополагающие общественно значимые сочинения, в которых от имени всех противников Никоновой реформы выражена точка зрения на происшедшие перемены в обряде, богослужебной практике и правке богослужебных книг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1885. Т. 7. 464 с.
2. *Ступин В.А.* Образование российского духовенства XVII века на примере дьякона Федора Иванова и архимандрита Спиридона Потемкина // URL: <https://bogoslav.ru/article/5100775> (дата обращения: 28.06.2020).
3. *Бубнов Н.Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995. 435 с.
4. Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 98–103.
5. Житие протопопы Аввакума. СПб., 2019. 456 с. (Серия «Литературные памятники»).
6. *Тимова Л.В.* «Ответ православных дьякона Федора Иванова» – две разновидности текста // Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв. Новосибирск. 2012. С. 60–79.
7. Сочинения писателей-старообрядцев XVII века. / сост. Н.Ю. Бубнов. Л., 1984. 321 с. (Описание рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. Т. 7, вып. 1).

⁹ Любопытна приписка инока Авраамия на одном из списков Послания: «Сие послание от отца священнаго диакона Феодора чернец Авраамий прочет, любезно целовав, и рукою своею подписал, яко хотящим спастися тако достоит веровати воистинну. О Спиридони же сами разумевайте, прочитая его писания» (см.: [16, с. 79]).

¹⁰ Еще раз напомним, что основные публицистические сочинения написаны дьяконом Федором до Второй казни пустозерских узников, состоявшейся в апреле 1670 г., когда «попу Лазарю и диакону Федору и старцу Епифанию указано за их речи языки резати, а за крест – руки сетчи... дьякону язык отрезали, а руку – от долони персти все отсекли...» (см.: [19, с. 94, 96]). После Второй казни неизвестно ни одного автографа дьякона Федора.

8. *Демкова Н.С.* Житие протопопы Аввакума (творческая история произведения). Л., 1974. 168 с.

9. *Тимова Л.В.* «Сказание о патриархе Никоне» – публицистический трактат пустозерских узников // История русской духовной литературы XVI – XX вв. Новосибирск, 1998. С. 223–237.

10. *Бубнов Н.Ю.* Спиридон Потемкин и его «Книга» // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 40. С. 345–363.

11. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М.: Братское слово, 1874. Т. 1. 401+I–V.

12. *Опарина Т.А.* Число 1666 в русской книжности середины – третьей четверти XVII в. // Человек между Царством и Империей. М., 2003. С. 287–317.

13. *Тимова Л.В.* Интеллектуальные связи первых идеологов и лидеров старообрядчества (Спиридон Потемкин, дьякон Федор, Никита Добрынин, игумен Феоктист) // Исторический курьер. 2019. № 2 (4). Статья 6. // URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-06.pdf>. DOI: 10.31518/2618-9100-2019-2

14. *Тимова Л.В.* Послания дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу о священстве – идеологический документ раннего этапа старообрядческого движения // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016. С. 77–101

15. *Тимова Л.В.* Две версии Послания дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. Т. 22, № 4. С. 5–9.

16. Материалы для истории раскола за первое время его существования. М.: Братство св. Петра, митрополита, 1881. Т. 6. 335 с.

17. *Тимова Л.В.* Послание дьякона Федора Иоанну Аввакумовичу и «Книга» Спиридона Потемкина. // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. С. 48–57.

18. *Гурьянова Н.С.* Сочинения лидеров раннего этапа старообрядческого движения и оформление эсхатологического учения в XVIII в. // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015. С. 93–125.

19. Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. СПб.: Азбука, 2010. 383 с.

REFERENCES

1. Materials for the history of schism over the early period of its existence. Moscow, 1885, vol. 7, 464 p. (In Russ.)
2. *Stupin V.A.* The Russian clergy formation in the XVII century, a case of Deacon Fedor Ivanov and Archimandrite Spiridon Potemkin. *Bogoslav.ru*. URL: <https://bogoslav.ru/article/5100775> (accessed 28.06.2020). (In Russ.)
3. *Bubnov N.Yu.* The Old Believer's book in Russia in the second half of the XVII century. Saint Petersburg, 1995, 435 p. (In Russ.)
4. Dictionary of scribes and literature of Ancient Russia. Iss.3, pt. 1. Saint Petersburg, 1992, 410 p. (In Russ.)
5. The life of Protopope Avvakum. Saint Petersburg, 2019, 456 p. (Series "Literature monuments"). (In Russ.)
6. *Titova L.V.* "The response of the Orthodox deacon Fedor Ivanov" – two varieties of text. *Vlast', obshchestvo i chelovek v istoricheskikh i literaturnykh istochnikakh XVI–XX vv.* Novosibirsk. 2012, pp. 60–79. (In Russ.)
7. *Bubnov N.Yu.* (comp.) Works of Old Believers-writers of the XVII century. Leningrad, 1984. 316 p. (Description of the Manuscript Department of the Library of the USSR Academy of Sciences, vol. 7, iss. 1). (In Russ.)
8. *Demkova N.S.* The life of Protopope Avvakum (the work's creative history). Leningrad, 1974, 168 p. (In Russ.)
9. *Titova L.V.* "The Legend of Patriarch Nikon" – a publicistic treatise by Pustozersky prisoners. *Istoriia russkoy dukhovnoy literatury XVI–XX vv.* Novosibirsk, 1998, pp. 223–237. (In Russ.)
10. *Bubnov N.Yu.* Spiridon Potyomkin and his "Book". *Trydy Otdela drevnerusskoy literatury*, 1985, vol. 40, pp. 345–363. (In Russ.)

11. Materials for the schism history over the early period of its existence. Moscow, Bratskoe slovo, vol. 1, 1874. 401p.+V p. (In Russ.)
12. Oparina T.A. The number 1666 in the Russian bookishness of the middle – third quarter of the XVII century. *Chelovek mezhdu Tsarstvom i Imperiey*. Moscow, 2003, pp. 287–317. (In Russ.)
13. Titova L.V. Intellectual ties of the first ideologists and leaders of the Old Believers (Spiridon Potemkin, Deacon Fedor, Nikita Dobrynin, Abbot Feoktist). *Istoricheskiy kur'er*, 2019, no. 2, art. 6. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-2-06.pdf>. (In Russ.)
14. Titova L.V. Messages by Deacon Fyodor to Ioann Avvakumovich on the priesthood is an ideological document of the Old Believer movement's early stage. *Arkheograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty v izuchenii istorii Rossii*. Novosibirsk, 2016, pp. 77–101. (In Russ.)
15. Titova L.V. Two versions of the Epistle of Deacon Fyodor to Ioann Avvakumovich. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2015, vol. 22, no. 4, pp. 5–9. (In Russ.)
16. Materials for the history of schism over the early period of its existence. Moscow, Bratstvo sv. Petra, Mitropolita, 1881, vol. 6, 335 p. (In Russ.)
17. Titova L.V. Message by Deacon Fyodor to John Avvakumovich and «The Book by Spiridon Potemkin». *Istochniki po istorii Rossii; problemy obshchestvennoy mysli i kultury*. Novosibirsk, 2019, pp. 48–57. (In Russ.)
18. Gur'yanova N.S. Works of the leaders of the Old Believer movement's early stage and formation of an eschatological teaching in the XVIII century. *Religioznye i politicheskie idei v proizvedeniyakh deyateley russkoy kultury XVI XXI vv.* Novosibirsk, 2015, pp. 93–125. (In Russ.)
19. The life of Protopope Avvakum, written by himself, and his other works. Saint Petersburg, Azbuka, 2010, 383 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.04.2020

Дата рецензирования 20.05.2020

Статья принята к публикации 15.06.2020

DOI: 10.15372/HSS20200307
УДК 002: 281.93-3(571.54)

С.В. БУРАЕВА

**МАРГИНАЛИИ НА СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГАХ И РУКОПИСЯХ
СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2018–2019 гг.)***

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
РФ, 670047, г.Улан-Удэ, ул.Сахьяновой, 6

Статья посвящена записям на книгах и рукописях старообрядцев–семейских Бурятии. Материалом для анализа послужили результаты экспедиций 2018–2019 гг. в Тарбагатайский, Мухоршибирский районы Республики Бурятия и г.Улан-Удэ. Полевые исследования проводились в рамках проекта «Сохранение уникального наследия: рукописи и книги в частных собраниях старообрядцев Забайкалья» при поддержке Программы исчезающих архивов (ЕАР). Детальный анализ пяти старообрядческих собраний, обсуждение отдельных аспектов выявленных манускриптов выполнялись позднее, в рамках продолжающегося систематического исследования историко-культурного наследия старообрядцев региона. В статье анализируются маргиналии, обнаруженные на 22 книгах и рукописях, изучаются вновь выявленные владельческие, писцовые, мемориальные и нарративные записи. Они позволяют расширить представления о персонификации книжно-рукописной традиции Бурятии, географии межличностных связей, уточнить круг и возможности чтения семейских Бурятии.

Ключевые слова: археография, книжная культура, книжно-рукописная традиция, старопечатные книги, рукописи, маргиналии, старообрядчество, семейские, Бурятия.

S.V. BURAEVA

**MARGINALIA ON BOOKS AND MANUSCRIPTS OF THE OLD BELIEVERS
OF TRANSBAIKALIA (BASED ON EXPEDITION STUDIES, 2018–2019)**

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

The article is devoted to such important historical and cultural source of the Buryatian Old Believers as marginalia on books and manuscripts. The source for the analysis are the results of expeditions in 2018-2019 to Tarbagatai, Mukhorshibir districts of the Republic of Buryatia and Ulan-Ude city. Field studies were carried out in frames of the project “The unique heritage preservation: manuscripts and books in private collections of Old Believers in Transbaikalia” supported by the Endangered Archives Program (EAP) of the British Library with ARCADIA Foundation support. However, the main work objective was to search, identify and digitalize the Old Believer’s personal archives and libraries, a detailed analysis considering certain aspects of the revealed manuscripts was possible only later, as a part of an ongoing study of the Old Believer book heritage in the region. The analysis included 73 books and manuscripts from 5 Old Believer’s collections. The author notes a significant amount of empirical data and the initial level of classification of records on books in the previous period; represents newly identified proprietary, scribal, memorial, narrative and other marginalities in 22 books. They contain information about the ways of forming family collections (inheritance, buying and selling, donating), and existing book memorialia of various groups. Marginalia allow personifying the book-written tradition of Buryatia, revealing the geography of interpersonal relationships, clarifying the circle and reading possibilities of Buryatian Semeiskie. The paper concludes on the necessity to study systematically records in the context of the diverse research topics of Russian history and culture.

Key words: archeography, book culture, book-manuscript tradition, early printed books, manuscripts, marginalia, Old Believers, Semeiskie, Buryatia.

*Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект XII.187.1.4. «Культурное наследие народов Трансбайкалья и сопредельных регионов Восточной Азии в системе духовных ценностей России», № АААА-А17-117021310267-5.

The research has been carried out on state assignment (project XII.187.1.4. “Cultural heritage of the Transbaikalian peoples and contiguous regions of East Asia in the system of spiritual values of Russia,” no. АААА-А17-117021310267-5).

Светлана Валерьевна Бураева – д-р ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. e-mail: ladys@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4184-3066>

Svetlana V. Buraeva – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

С начала XXI в. не ослабевает интерес к процессу формирования, сохранения и трансформации историко-культурного наследия народов поликонфессиональных и поликультурных регионов. Это в полной мере относится и к проблемам бытования письменного текста в разные эпохи и в различных культурных ареалах. Изучение указанной тематики возможно и через призму записей, оставленных на полях или переплетах книг. Такие маргиналии содержатся во многих книгах забайкальских старообрядцев.

Уже в конце XIX в. исследователи рукописного наследия обратили внимание на эту необычную составляющую книжных памятников. Активные теоретические и практические исследования темы проводились в течение всего XX в. Границы исследования (и территориально, и тематически) существенно расширились в постсоветский период. Археографы публиковали теоретические и описательные работы, в которых обсуждались возможности компьютерной обработки книжных записей и создания единой базы данных; издавались и сводные, и монографические работы.

В текущем десятилетии эти тенденции сохранились. Тематически и хронологически записи исследуются достаточно широко. В центре внимания и средневековые памятники кириллической традиции [1; 2], и старообрядческие библиотеки [3], и маргиналии на книгах православных священников [4]. Записи на книгах и рукописях становятся специальной темой ряда научных конференций: «Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней» (2010 г.), «Маргиналии в рукописях: Практики чтения и культура текста в Средние века» (2014 г.). С 2008 г. уже восемь раз проводилась Международная конференция «Маргиналии: границы культуры и текста».

Записи на книгах и рукописях старообрядцев Бурятии стали предметом углубленных исследований с начала текущего столетия. Накоплен существенный объем эмпирических данных, проведена классификация выявленных маргиналий [5; 6]; и работа продолжается.

ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2018 – 2019 гг. в ходе реализации проекта Бурятского государственного университета «Сохранение уникального наследия: рукописи и книги в частных собраниях старообрядцев Забайкалья» проводились совместные экспедиции в Тарбагатайский и Мухоршибирский районы Бурятии, а также обследовались старообрядческие библиотеки г. Улан-Удэ. Поиск и оцифровка книг выполнялись в рамках Программы исчезающих архивов (ЕАР), действующей в Британской библиотеке при поддержке фонда «ARCADIA» [7]. Всего было выявлено 73 книги и рукописи в пяти негосударственных старообрядческих собраниях [8]. Детальный анализ этих материалов в задачи проекта не входил, и нами было продолжено изучение аккумуля-

рованного материала в контексте освоения культурного наследия народов Трансбайкалья.

В течение полевых сезонов 2018–2019 гг. выявлено несколько десятков новых книжных маргиналий. На большинстве памятников имеются служебные пометы или пробы пера. Корпус информативных записей (обнаруженных на 22 экз.¹) укладывается в предложенную ранее классификацию: владельческие, мемориальные, нарративные, служебные пометы и др. Они содержат сведения о путях формирования семейных собраний (передача по наследству, купля-продажа, дарение) и особенностях бытования книжных памятников различных групп [5; 6].

СОДЕРЖАНИЕ МАРГИНАЛИЙ

Наиболее часто встречаются владельческие записи разной степени подробности. Это указание имени – «Семена Варфаломеевича Разуваева»², «Владимера Афонасова»³; расширенная традиционная формула – «Писал Федор Сафонов Разгрибин свою рукою приложил»⁴; указание имени, места жительства, общественного положения – «Филимон Василиевич Денисов, Ефим Тихонович Чириков Шаралдайском селении Мухоршибирской волости»⁵, «Сие книга сын церковный пренадлежит крестьянину Агапу Афонагенову Афаносьеву»⁶. В комбинированной владельческой и писцовой записи необычным выглядит позиционирование – «Сей книге *властитель* (выделено нами. – С. Б.) Савелий Елисей Мутьянкина подписал Филип Авдеев Кашин»⁷. Зафиксированы именные штампы и личные печати владельцев в XX в., иногда с указанием статуса – «Младший Кушнарев»⁸; обнаружена книжная наклейка «Ирмосы (праздники) №3 Ткачева В.А. Ирмоса»⁹. Интересно, что современные владельцы продолжают традиции владельческих записей, привнося современные технологические подробности – «Сия книга принадлежит Ефремову Лукьяну Михайловичу тел. 41-59-62»¹⁰.

¹ Здесь и далее в ссылках приведен шифр книги или рукописи в проекте, состоящий из указания номера проекта (ЕАР 1106), шифра коллекции (М1, М2 – Мухоршибирь; Т1, Т2 – Тарбагатай, УУ1 – Улан-Удэ), номера книги в коллекции; номер листа, содержащего маргиналии. Затем дано краткое описание книги с указанием способа тиражирования, названия, места и времени публикации, общего количества листов.

² ЕАР1106_М2_16, л. 684 об.: Минея праздничная. М.: Старообрядческая книгопечатня, 1913, 684 л.

³ ЕАР1106_М1_02, л. 1 об.: Триодь. Рукопись, начало XX в. 249 л.

⁴ ЕАР1106_М2_18, л. 7 об.: Часовник. Рукопись. 1811 г. 223 л.

⁵ ЕАР1106 – УУ1_13, верх. перепл. лист: Шестоднев. Старообрядческое издание конец XIX – начало XX в. 322 л.

⁶ ЕАР1106_М2_20, ниж. перепл. л.: Сын церковный [типография Почаевская после 1887 г.], 112 л.

⁷ ЕАР1106_М2_18, л. 156: Часовник. Рукопись. 1811. 223 л.

⁸ ЕАР1106 – УУ1_10, л. 1: Евангелие-тетр. Клиницы: Типография Карташевых, после 1820 г. 439 л.

⁹ ЕАР1106_УУ1-28, верх. перепл. л.: Ирмологий. Рукопись, первая четверть XIX в. 98 л.

¹⁰ ЕАР1106_УУ1-06, верх. перепл. л.: Часовник. Вильно, 1802. 182 л.

Записи фиксируют способ межпоколенной и иной коммуникации в передаче книг и рукописей. Как правило, это единичные записи: «Сия книга Треодь благословлена отцом Галактионом сыну Гарасиму»¹¹, «Сия книга дана на память Власову Иону бабушкой Татьяной Фектосовой 1945 года». Иногда переплетные листы хранят судьбу книги на протяжении нескольких десятилетий: «Сия богодухновенная книга глаголемая шестоднев.....» составлена родителем нашим по приходу 1765 году Михайло Ивановичем Чебуниным... Вручена сыну его Михайлу Михайловичу, сын его Михайло Михайлович вручил своим детям ... их внуку божественное писание.. 1772 году»; «Сия богодухновенная книга глаголемая шестоднев Павловых братьев [И]она ифомы», «Шестоднев хозяины фомы Яковливича Павлова Куплина Яковым Петровичем отцем ева от Чебунина Михайлы дана уплаты девять пудов хлеба»¹².

Выявлены записи о купле-продаже, расширяющие наши представления о динамике цен на протяжении второй половины XIX – XX вв. Записи достаточно подробные, указывают на регион происхождения книги и способ оплаты, что позволяет включить их в общий анализ цен и бартерного обмена: «Сия святая и богодухновенная книга нарицаемая Часослов куплен[а] у Сафона Сазонова уральскими казаками Солодовниковым и Иваном Мурзиным заплачена 40 рублей и приложено в часовню Покрова Пречистой Богородицы владеть ею во веки аминь»¹³; «Сия книга куплена 1 февраля ценою 25 рублей. Мартимиян Перельгин своеручно подписал», «Сия Книга Ермосы Филимону Мартинову Перельгину», «Куплена 1823 года июня 22 дня цена 40 рублей»¹⁴; «Сия святая книга устав малый продается за 3 руб.»¹⁵, «Сия святая и богодухновенная книга глаголемая Ирмосы Исака Исаковича Брылева. Цана 205 рублей»¹⁶.

Храмовые собрания во многом формировались за счет «вкладов». Наиболее ранние подобные записи (скрепы) зафиксированы нами на изданиях Московского печатного двора, они могли иметь до 76 л.¹⁷ Записи-скрепы содержат различные подробности: «месяца сентября в 5 день положил сию книгу глаголемую Пролог зимнюю половину в... боголепному Преображению Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Офонасию Александрийскому... христианын Захарко Исаков Машянов а подписал Захарко Исаков своею

рукою»¹⁸. Традиция скреп сохранялась вплоть до начала XX в. – «Сея ... Алексея Федрова и Боканова»¹⁹, «за упокой рабов божиих Тимофея и Александры Назаровых в Покровский старообрядческий храм 12 декабря 1903 г.»²⁰.

Выявлена современная «вкладная» запись. Форма ее значительно упрощена: «Сия книга подарена в Храм Рождества Христова от Чебунина Михайла Андрияновича улица Ключевская 22/25 43-41-91 25.05.2018»²¹.

Обнаружены записи бытовой тематики с упоминаниями о событиях жизненного цикла, произошедших в старообрядческих семьях – рождении, болезни или смерти кого-либо из родственников. По большей части эти упоминания присутствуют на страницах Часовников и Псалтырей: «Сия книга крестьянина Максима Дмитриева Тарбагатайской волости сила Куйтумов приставилси»²²; «21 числа субботу 1843 года помер любимый родитель Елисей в 8 часов утра день был суббота»²³; «1902 года февраля 16 дня прставился раба божия афалия ерофееича Потемкина мать; Егор мартимиянович Потемкина села Куйтун»²⁴.

Весьма интересны записи на отдельных листах, вложенных в книги. Они, как правило, связаны с событиями обыденной, «земной» жизни: «Подай Онкудину канон за болящего пропой сам дедушка за мене болею сильно»²⁵. В рукописном сборнике выявлено 15 подобных записей на бумаге XX в. Они содержат «жизненно необходимые» «заговоры крови» (для остановки кровотечения из раны), «людям зубом» (от зубной боли), «от ногтя лошадям», «для лошадей в поле», «скотины от червей», «заговор огородному овощу». Другая группа такого рода записей регламентирует уже конфессиональное поведение. Это выписки из Библии – «по два дня злых в кии не подобаит в путь ходить и никакого дела делати (с марта по февраль)», краткие выписки-изложение «Сказания о 12 пятницах» – «в пятницу 1-й недели Великого поста кто постится тот человек незапною смертию не умрет.... 12 пятницу пред крещением Христовым тот человек узрит Иисуса Христа»²⁶.

К этим записям относится «условно-следственная» записка на тетрадном листке в клетку: «14 апреля в городе Иерусалими во время богослужения был слы-

¹⁸ ЕАР1106_T2-02, лл.4-17: Пролог, Московский Печатный двор, [16??], 437 л.

¹⁹ ЕАР1106_M2-05, лл.2-6: Устав. Старообрядческое издание, первая половина XIX в. 554 л.

²⁰ ЕАР1106_UU1-12, перепл. л.: Минея на июль. Москва: Типография единоверцев, 1865. 401 л.

²¹ ЕАР1106_UU1-08, нижн. перепл. л.: Минея праздничная, Клинцы, после 1815 г. 554 л.

²² ЕАР1106_UU1-06, нижн. перепл. л.: Часовник. Вильно, 1802. 182 л.

²³ ЕАР1106_M2-18, л.156 об.: Часовник. Рукопись, 1811 г. 223 л.

²⁴ ЕАР1106_M2-17, перепл.л.: Часовник. Рукопись. Конец XIX в. Фрагмент [л.38–133].

²⁵ ЕАР1106_UU1-04, верхн. перепл. л.: Псалтырь. Москва: Единоверческая типография, кон.XIX в. 429 л.

²⁶ ЕАР1106_UU1-28. Сборник старообрядческий богослужебный. Рукопись, вторая половина XIX в. 98 л.

¹¹ ЕАР1106_M1-03, л. 1-4: Треодь цветная. Рукопись, нач. XX в. 365 л.

¹² ЕАР1106_UU1-02, верх. перепл. л. об.: Шестоднев. Рукопись, 1765 г.

¹³ ЕАР1106_UU1-27, л.27–99: Часослов. Супрасль: Типография Благовещенского монастыря, 1772. 358 л.

¹⁴ ЕАР1106_UU1-8, нижн. перепл. л.: Ирмологий. Рукопись. Первая четверть XIX в. 98 л.

¹⁵ ЕАР1106_M2-21, нижн. перепл. л. Устав со святыми (малый устав) [Типография Почаевская, 1893], 232 л.

¹⁶ ЕАР1106_T2-05, верх. перепл. л.: Ирмологий крюковой, типография. Л.408–673.

¹⁷ ЕАР1106_UU1-16, л.1–76: Потребник. Московский Печатный двор, 1625. 348 л.

шин глас спасителя. Он говорил: читайте молитву отче наш и будьте спасены. Как получишь эту записку и напиши девять записок и роздай верующим и ты будишь спасен господем и получишь через девять дней радость. Один человек получил эту записку и не раздал получил он большую скорьб через девять дней»²⁷. Заметим, что традиция таких посланий сохранилась и до настоящего времени, переместившись уже в пространства сети Интернет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, вновь выявленные маргиналии на страницах рукописных и старопечатных книг соответствуют ранее предложенной классификационной схеме. Это интересный источник, позволяющий оценить развитие книжной традиции забайкальского старообрядчества. Книжные маргиналии отражают роль книги в старообрядческом сообществе, ее материальную и духовную ценность. Новые материалы репрезентативны, они могут быть включены в дальнейший компаративный анализ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полеаев А.В., Полеаева Е.А. Записи на старопечатных книгах кирилловской традиции XVI–XVII вв. из собрания Лаборатории археографических исследований ИГНИ УрФУ // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2017. Вып. 1(17). С.38–112.
2. Скуро П.Д. Владельческие записи на книгах как источник по истории чтения и пользования книгой в России XVI–XVII вв. // Время науки. 2014. №1. С.31–36.
3. Прокуратова Е.В. Читательские записи в рукописных и старопечатных книгах коми крестьян-старообрядцев XVIII–XX веков // Труды Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры. 2010.
4. Богданов В.П. Священники Белозерова и несколько сюжетов из истории книжности Пермского края: о чем говорят записи на кириллических изданиях XVII–XVIII вв. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гум. ун-та. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 83. С. 131–146.
5. Буряева С.В. Богодухновенные книги старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ, 2003. 102 с.
6. Буряева С.В. Книжные маргиналии забайкальских старообрядцев: происхождение, форма, размещение // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бур. гос. ун-та, 2015. С.272–277. DOI 10.18101/978-5-9793-0771-8-272-277

7. Remote Capture: Digitising Documentary Heritage in Challenging Locations Edited by Jody Butterworth, Andrew Pearson, Patrick Sutherland and Adam Farquhar Cambridge: Open Book Publishers, 2018. 194 pp. (Open Field Guides Series, vol. 1). DOI: 10.11647/OBP.0138

8. Vasilieva S., Buraeva S. Digitisation of the unique Heritage: preservation of Transbaikal Old Believer's private collections // Digital Humanitaristics: Problems and Perspectives. The collection includes reports provided by the I International Scientific and Methodical Internet Conference on February 10, 2019. Astana, 2019. P. 9 – 13.

REFERENCES

1. Poletaev A.V., Poletaeva E.A. Marginals on old-printed books of the Cyril tradition of the XVI–XVII century from the collection of the Laboratory of archeographic studies of IGNI UrFU. *Vestnik Ekaterinburgskoy dukhovnoy seminarii*, 2017, no. 1, pp. 38–112. (In Russ.)
2. Skuro P.D. Ownership marginals on books as a source on the history of reading and using books in Russia in the XVI–XVII centuries. *Vremya nauki*, 2014, no. 1, pp. 31–36. (In Russ.)
3. Prokuratova E.V. Reader's notes in manuscripts and early printed books of the Komi Old Believer peasants of the XVIII–XX centuries. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, 2010, iss. 5, pp. 43–55. (In Russ.)
4. Bogdanov V.P. Belozerov priests and several stories from the history of book publishing in PermRegion: as reflected in the marginalies on the Cyrillic books of the XVII–XVIII centuries. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 2. Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 2018, iss. 83, pp. 131–146. (In Russ.)
5. Buraeva S.V. «Bogodukhnovennye» books of Old Believers (Semeiskie) in Transbaikalia. Ulan-Ude, 2003, 102 p. (In Russ.)
6. Buraeva S.V. Book marginalia of Transbaikalian Old Believers: origin, form, placement. *Starobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: materialy VI Mezhdun. nauch.-prakt. konf.* Ulan-Ude, 2015, pp.272–277. DOI 10.18101/978-5-9793-0771-8-272-277. (In Russ.)
7. Butterworth J., Pearson A., Sutherland P., Farquhar A. (eds.) Remote capture: digitising documentary heritage in challenging locations. Cambridge, Open Book Publ., 2018. 194 p. (Open Field Guides Series; vol. 1). DOI: 10.11647/OBP.0138.
8. Vasilieva S., Buraeva S. Digitization of the unique heritage: preservation of Transbaikal Old Believer's private collections. *Digital humanitaristics: problems and perspectives: rep. of I Intern. sci. a. method. Internet conf., Febr. 10, 2019.* Astana, 2019, pp. 9–13.

Статья поступила в редакцию 25.06.2020

Дата рецензирования 29.06.2020

Статья принята к публикации 06.07.2020

²⁷ ЕАР1106_M2-11, л.43/44: Пролог, декабрь-февраль. М.: Христианская типография при Преображенском богдельном доме, 1914. Л.438–905.

DOI: 10.15372/HSS20200308
УДК 279.99 – 285.2

Н.А. СТАРУХИН

**«КРАТКИЙ РАЗБОР НА ПИСЬМО ДОЛГОВА» –
ПОЛЕМИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ СИБИРСКИХ «АВСТРИЙЦЕВ»**

Институт истории СО РАН,
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье вводится в научный оборот сочинение, написанное в начале 1900-х гг. неизвестным сибирским старообрядцем, принадлежащим к белокриницкому, «австрийскому» согласию. Автор отстаивает основные положения так называемого Окружного послания. Как известно, обнаружение Послания подтолкнуло оформление сильной неокружнической группировки, идеи которой нашли поддержку не только в столичных и региональных российских белокриницких общинах, но и за границей. Показано, что за спорами о форме написания имени Спасителя, о том, как «молить» за российских самодержцев в контексте рассуждений о переживаемых «последних временах» и при роде Антихриста, лежали глубинные противоречия между столичными купеческими верхами, епископатом и низовыми организациями белокриницкого согласия.

Ключевые слова: старообрядчество, белокриницкое согласие, староверы-«австрийцы», Окружное послание, окружники, неокружники, полемика.

N.A. STARUKHIN

**BRIEF ANALYSIS OF DOLGOV'S LETTER –
A POLEMICAL ESSAY BY SIBERIAN “AUSTRIANS”**

Institute of History of SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article introduces into scientific circulation an unknown Belokrinitsky (“Austrian”) polemical essay “Brief analysis of Dolgov’s letter” directed against a radical group of Belokrinitsky consent, whose leaders did not agree with the ideas of the famous “District Message”, 1862. This conflict brought a new round of a long-term internal controversy among the “Austrians” Old Believers which caused a new Neokruzchnik consent’s formation. All this changed the situation in the Beglopopovtsy community as a whole. Discussions touched upon both Belokrinitsky societies, and Siberian communities. “Brief analysis of Dolgov’s letter” is an original Siberian essay written in support of the ideas of the “District Message”. It was compiled by an experienced polemicist and dated by the early 1900s. The article presents the result of analysis of documentary and narrative sources, which reflected the discussion about the “District Message”; it concludes that the conflict’s basis in Belokrinitsky consent in the early XX century were contradictions in the episcopate, as well as between ordinary community members and its leadership. They covered both dogmatic and ritual disputes, and discussions on such key and politically sensitive issues as the Antichrist origin, time of his coming, permissibility of prayer for reigning persons.

Key words: Old Believers, Belokrinitsky consent, “Austrians”, District Message, polemics, hectograph, Neokruzhniks.

ВВЕДЕНИЕ

История конфликта в Белокриницкой иерархии, связанная с выходом так называемого Окружного послания [1], изначально определялась в качестве клю-

чeveго факта в жизни этого согласия. Она находилась в поле зрения синодальных историков и старообрядцев. Но интерпретация с прикладными миссионерскими целями событий, вызванных обнаружением

Николай Алексеевич Старухин – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: prognostika@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2135-0424>.

Nikolay A. Starukhin – Candidate of Historical Sciences, Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

Окружного послания и его уничтожением в дальнейшем «яко не бывшего»¹, вряд ли способствовала объяснению природы раскола внутри «австрийцев». Ряд ценных наблюдений был сделан профессором Московской духовной академии Н.И. Субботиным, а также видными представителями белокриницкой историографии епископом Антонием (Швецовым) [2, с. 161–253, 313–369; 3; с. 69–76.] и московским «цеховым» М.И. Бриллиантовым [4]. Они осуществили публикацию ряда документальных и повествовательных источников, в которых нашла отражение полемика по поводу Окружного послания. Разумеется, эти источники предоставляют возможность разобраться в сути многолетней полемики между противниками и сторонниками Послания. Необходимость научного анализа всего комплекса документов, многие из которых только начинают вводиться в научный оборот, очевидна.

Причины конфликта, вызванного выходом Окружного послания. Ситуация в обществах белокриницкого согласия накануне раскола. Дискуссии между представителями разных группировок, примирительные тенденции. Нам уже приходилось писать, что из-за отсутствия должной критики источников как в дореволюционной, так и в современной историографии основная причина конфликта сводится исключительно к существованию некоторых беспоповских постулатов в среде российской беглопоповщины [5]. Но важно отметить, что споры будут вестись не только о формах креста и написания имени Спасителя. Ключевыми в полемике станут такие вопросы, как время пришествия Антихриста, понимание его сущности. Камнем преткновения для староверов на рубеже XIX–XX вв. в очередной раз послужит возможность и форма моления за российских императоров.

В связи с этим уместно вспомнить дискуссии между основными составителями Окружного послания калужским крестьянином Илларионом Кабановым (Ксеносом) и белокриницким новозыбковским епископом из донских казаков Кононом (Дураковым). Начатая задолго до обнародования Послания полемика во многом касалась тех положений, которые и будут яростно обсуждаться противоборствующими группировками белокриницких позднее на протяжении не одного десятилетия. Обратим внимание, что именно ставленником Конона являлся, по выражению представителя синодальной историографии П.С. Смирнова, «переполненный беспоповскими зломудованиями», «родоначальник» «раздорнической» партии стародубский священник Григорий (Козин), имевший своих адептов на Рогожском кладбище [6, с. 161–162].

Несмотря на жесткое размежевание, подтвержденное со стороны «раздорнической» группировки соборным постановлением от 17 ноября 1864 г. о «необщении в молении, питии и дружбе» с признающими Окружное послание, и установление собственной иерархии в июле того же года, по сути закрепившие оформление нового согласия, в обоих направлениях всегда находились

сторонники компромиссов. Н.И. Субботин достаточно верно указывал на наличие у белокриницких такой категории, как «полуокружники» и «полураздорники» [7, с. 133–138]. На это же, правда с другими акцентами, обращалось внимание и в старообрядческих сочинениях [3, с. 76]. В связи с этим нередкими были случаи перехода от «окружников» к «неокружникам» и наоборот. С одной стороны, это являлось следствием напряженных дискуссий в белокриницких обществах (включая неокружнические) по догматико-обрядовым вопросам. С другой, нужно учитывать борьбу за лидерство в белокриницких обществах, в которых часто складывались непростые отношения между мирскими и иноческими организациями, белым духовенством и епископатом.

Увеличение численного состава белого духовенства и архиереев становится одним из новых факторов после восстановления собственной иерархии в 1846–1847 гг. в бывшей беглопоповщине, где изначально были сильны позиции мирян и рядового монашества. Нельзя не учитывать и столкновение интересов среди рогожских попечителей с епископатом. К примеру, в окружнических сочинениях неоднократно подчеркивается негативная роль в развитии раздора «огородника» Виноградова, питавшего личную неприязнь к архиепископу Антонию (Шутову). (Антоний, как считается, приложил значительные усилия по выводу Виноградова из состава совета рогожских попечителей.)

В ожесточенной полемике между сторонниками и противниками Окружного послания просматривается и давление гражданской администрации на староверов. С момента появления в Москве поставленного в белокриницкой митрополии духовенства власти не оставляют попыток взять под свой контроль верхушку Рогожского кладбища, перевести в единовере часовни. На этом фоне явной провокацией явился неожиданный приезд по настоятельной просьбе противников Послания белокриницкого митрополита Кирилла (Тимофеева) в феврале 1863 г. в Москву, в самый разгар польского восстания [4, с. 26–27].

Руководство Рогожского кладбища, напугавшись последствий визита владыки со стороны властей, приложило значительные усилия, чтобы выпроводить своего «вседобрейшего» и «всепростейшего» митрополита за пределы страны. Автор Окружного послания Ксенос, чтобы сгладить перед гражданской администрацией впечатление от визита, составил в том же году верноподданнический адрес, поданный императору от имени старообрядческого духовенства².

Оппоненты же окружнической партии получили еще один весомый аргумент, в очередном, категорически непозволительном, с их точки зрения, сближении «окруженцев» с властями. Неожиданно появляется и тема западно русских культурных влияний. Обе стороны будут вынуждены оценивать труды и киевского

² Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 164. К. 32. Ед. 9. Л. 1–2; Архив Государственного музея истории религий (Архив ГМИР). К. 1. Оп. 11. Ед. 18.

¹ Собрание Института истории СО РАН, № 10/09-г, л. 80 об.

митрополита Петра Могилы, и архимандрита Захария Копыстенского, активно привлекать разные издания Служебников. Вновь актуальными становятся уже несколько подзабытые к тому времени прения по изданиям труда Кирилла Транквилиона-Ставровецкого [8, с. 367–429]. Как и в ранней старообрядческой полемике, у оппонентов появляются взаимные упреки в «латинстве», использовании непозволительных для истинных ревнителей старины книг.

Попытки примирения между сторонниками и противниками выхода Окружного послания. Новый виток полемики между ними. На рубеже 1890–1900-х гг. в очередной раз лидеры противоборствующих группировок возобновляют попытки найти точки соприкосновения. Одновременно со стороны последователей противников окружнических идей появляются новые полемические трактаты. Именно на этом фоне и создавалось сочинение «Краткий разбор на письмо Долгова», которое хранится в научной библиотеке Томского университета³.

Археографическое описание полемического сборника из НБ ТГУ. Причины создания сибирского сочинения «Краткий разбор на письмо Долгова», его датировка и атрибуция. Общий анализ основной части. Судя по владельческому штампу до того как попасть на полки государственного хранилища, сборник принадлежал Томской белокриницкой епископии⁴. Сочинение находится в составе сборника-конволюта наряду с другими трудами белокриницких полемистов: «Разборы Шустова и Голубева». Но в отличие от последних, «краткий», «всего» на сорока листах «Разбор», отражает сибирские реалии. Сочинение представляет несомненный научный интерес, поскольку оригинальных сибирских белокриницких сочинений, особенно посвященных неокружническому конфликту, практически не сохранилось.

Вероятнее всего, «Разбор...» был написан кем-то из местных староверов в декабре 1910 г. Эта дата указана в начале сочинения, и она не вызывает сомнения: на л. 13 в рукописи есть упоминание, что от принятия митрополита Амвросия (1846 г.) «минуло» 63 года, а от издания Окружного послания (1862 г.) 48 лет. Авторство сочинителя скрыто немногосложной, но не совсем ясной криптограммой: «А. От первого до сотого. Р. И от сотого до первого. А.» (л. 38 об.). Учитывая некоторые особенности авторского стиля, можно осторожно приписать составление «Разбора...» белокриницкому иеродиакону Августину (Арсению). Он был известен в Сибири, зарекомендовал себя опытным полемистом в беседах со староверами разных согласий в ряде сибирских общин [9].

Достоверно можно говорить о бурных дискуссиях, проведенных Августином в Томской и Енисейской

губерниях еще в 1890-е гг. Причем в Енисейской губернии ему пришлось неоднократно, по его выражению, «сражаться» именно с «раздорниками» и «полуокружниками», получив необходимую литературу из архиепископии, включая одно из первых типографских изданий Окружного послания⁵. Странствующий белокриницкий монах хорошо знаком с ситуацией в сибирских староверческих общинах, включая иноческие, что он неоднократно демонстрирует в своем сочинении. Например, его осведомленность проявляется при ответе на один из выпадов Ф. Долгова о якобы совпадающих позициях неокружников и «суздальских страдальцев» в отношении «противного закону Божию» Окружного послания⁶. Среди прочих аргументов автор приводит факты, связанные с жизнью известного далеко за пределами Сибири Казанского скита под Томском, которые носили конфиденциальный характер⁷. Он называет себя «сотрудником» и упоминает о присылке денег епископом Кононом после выхода из заключения осенью 1881 г. в скит о. Феофилакт. Затем пишет о совместно проведенной церковной службе о. Феофилакта с архиепископом Аркадием во Владимире и Москве.

Автор пересказал и лично слышанные томским игуменом обвинения «суздальцев» в адрес неокружников, а потом передал мнение архиепископа Аркадия, который его «уверял» в следующем: «...прежняя попы до митрополита Амвросия... приносили пятую просфору за царя, и никто не называл двухчастный крест кумиром...» (л. 9). На одной из страниц «Разбора...» приведен довольно обширный список духовенства «австрийцев», которые были арестованы в разные годы. При этом особое внимание уделено сибирским епископам, монахам и клирикам, а последним в списке фигурирует сам иеродиакон Августин (л. 10 об.). Дополнительным аргументом в пользу авторства Августина может служить и наличие у него собственного гектографа, на котором он тиражировал свои труды. После дарования «свобод» 1905–1906 гг. необходимость прибегать к услугам тайных старообрядческих типографий отпала, но сибирский отшельник мог пользоваться этим уже по привычке, не обращаясь к чьей-либо помощи.

Непосредственным толчком к созданию «Краткого разбора...» послужили участившиеся диспуты в сибирских общинах между противниками и сторонниками Окружного послания. В частности, несколько бесед в конце 1899 и в 1900-х гг. состоялись в Иркутске. Их инициатором стал бывший иркутский окружник Ф. Долгов. Человек, по характеристике состави-

⁵ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1475. Оп. 1. Д. 203. Л. 50–51 об.

⁶ Имеются в виду отбывшие длительные (от 19 до 27 лет) сроки заключения в известном Спасо-Евфимиевском суздальском монастыре славский архиепископ Аркадий (Шапошников), уже упоминавшийся выше епископ Конон (Дураков) и пермский епископ Геннадий (Беляев).

⁷ Скит был основан бывшим часовенным черноризцем о. Феофилактом (Федором-Филимоном Савкиным) в 1875 г., и, несмотря на достаточно непростые отношения с московской архиепископией, в целом поддерживал основные положения Окружного послания.

³ Отдел рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (ОР и КП НБ ТГУ). В-1241. Сборник старообрядческий полемический. ⁴ Гектограф. Конволют. Начало XX в. Бумага со штемпелями «Дитятковского товарищества № 5» и бумажной фабрики Способина. Клепиков № 60, № 191.

⁴ ОР и КП НБ ТГУ. В-1241. Л. 1. Далее ссылки на сочинение приводятся в основном тексте в круглых скобках.

теля сочинения, «большой энергии», он, безусловно, претендовал на лидерство в местном обществе. Об этом в «Разборе...» сообщается следующим образом: «... Долгов... восхотел быть главным вождем... своих единоверцев... а равно он желал чтобы и все местная духовная власть... следовали его указаниям... Но... он своей цели достигнуть не мог, нашлись люди знающие закон... они не могли во многом следовать ему и стали соблюдать нужную осторожность в некоторых отношениях соответственную духу времени...» (л. 4).

В результате Долгов выступил организатором нескольких диспутов. Кроме того, он пытался отстаивать свою позицию, создавая собственные сочинения – «тетрадки». Именно разбору одной из них и посвятил свой труд сибирский писатель. Обращает на себя внимание, что «Разбор...» составлялся спустя несколько лет после указанных событий. Вероятно, это было связано с продолжающейся в обществах полемикой, обострению которой способствовали попытки примирения сибирских окружников и неокружников, активно предпринимаемые, в частности с июня 1909 г. минусинскими «австрийцами», а также достаточно сильные позиции сибирских «раздорников» в целом⁸. Во всяком случае, в сочинении не случайно делается оговорка, что если бы не конфликты в самой неокружнической среде, то их влияние было бы гораздо большим. И вполне закономерно, что начальная («предисловие») и завершающая части «Разбора...» построены в форме проповеди, ставящей своей целью обличить «коварство разных рационалистов» и обратить на путь истинный бывших единоверцев или сочувствующих им. Нельзя не отметить и явные художественные достоинства труда, эта характерная черта старообрядческой литературы уже отмечалась для ее более ранних этапов [10; 11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сочинение «Краткий разбор на письмо Долгова» написано образованным книжником, опытным полемистом, который хорошо знал историю старообрядчества, ориентировался в догматике того направления, которое он старательно и целенаправленно отстаивает. Аргументация, к которой прибегает белокрыницкий автор, не лишена своей внутренней логики, хотя она порой выходит за рамки той традиции, которую столь яростно отстаивали в беглопоповщине.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Окружное послание*, составленное И.Г. Ксеносом и изданное старообрядческими епископами 24 февраля 1862 года с приложением Устава и Омышления составленных тех же автором / изд. Н. Субботина. М.: Типография Э. Лиснера и Ю. Романа, 1886. 225 с.
2. *Арсений (Швецов)*, епископ Уральский и Оренбургский: собр. соч.: Т. 3: Полемиические сочинения 1871–1888: Цикл работ об Окружном послании: 1877–1899 гг. М.; Ржев, 2013. 496 с.
3. *Арсений Уральский, епископ*. Истинность старообрядствующей иерархии противу возводимых на нее обвинений. М., 1996. 77 с.
4. *Бриллиантов М.И.* Шувойская беседа и материалы для истории раздора именуемых окружников. М., 1903. 629 с.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 164. К. 25. Ед. 52. Л. 1.

5. *Старухин Н.А.* «Образец чисто средневекового мракобесия» (к истории одного неокружнического образовательного проекта белокрыницких староверов) [Электронный ресурс] // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 145–157 // URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-11.pdf> (дата обращения: 28.05.2020). DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-11

6. *Смирнов П.С.* История русского раскола старообрядства. СПб.: Тип. Гл. управления уделов, 1895. 275 с.

7. *Субботин Н.И.* Летопись происходящих в расколе событий за 1871 г. М.: В университетской типографии Катков и К⁰ на Страстном бульваре, 1871. 237 с.

8. *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 431 с.

9. *Старухин Н.А.* Сочинение неизвестного белокрыницкого полемиста инока Августина (конец 1890-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 3. С. 76–80.

10. *Титова Л.В.* Послания Андрея Плещеева и протопопа Аввакума в «Книге» Спиридона Потемкина (текст и контекст) // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 113–123. // URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-08.pdf> (дата обращения: 28.05.2020). DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-8

11. *Журавель О.Д.* Андрей Борисов – старообрядческий писатель эпохи Просвещения // Исторический курьер. 2020. № 2 (10). С. 131–144 // URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-10.pdf> (дата обращения: 28.05.2020). DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-10

REFERENCES

1. *Subbotin N.S.* (ed.) District message compiled by I. G. Xenos and published by the Old Believer bishops on February 24, 1862, with the appendix of the Charter and Meditation compiled by the same author. 2nd ed. Moscow: Typ. E. Lissner i Yu. Roman, 1893, 225 p. (In Russ.)
2. *Arseniy (Shevtsov), bishop of Urals and Orenburg*. Collected works. Vol. 3. Polemical essays 1871–1888. Essays about District message: 1877–1899. Moscow, Rzhnev, 2013, 496 p. (In Russ.)
3. *Arseniy (Shevtsov) bishop*. The legitimacy of the Old Believers hierarchy against the charges levelled at it. Moscow, 1996, 77 p. (In Russ.)
4. *Brilliantov M.I.* Shuvoi' conversation and materials for a history of the Neokruzchnik dissension. Moscow, 1903, 629 p. (In Russ.)
5. *Starukhin N.A.* A case of the merely Medieval obscurantism (for a history of a Neokruzchnik educational project of Belokrinitsky Old Believers community). *Istoricheskiy kur'er*, 2020, no. 2, pp. 145–157. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-11.pdf> (accessed 28.05.2020). DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-11. (In Russ.)
6. *Smirnov P.S.* The history of the Russian Old Believers schism. Saint Petersburg, Tip. Gl. upr. udelov, 1895, 275 p. (In Russ.)
7. *Subbotin N.I.* A chronicle of the Schism current events during 1871. Moscow, Univ. tip. Katkov i K⁰ na Strastnom bulvare, 1871, 237 p. (In Russ.)
8. *Oparina T.A.* Ivan Nasedka and polemical theology of Kiev Metropolis. Novosibirsk, Nauka. Sib. predp. RAN, 1998, 431 p. (In Russ.)
9. *Starukhin N.A.* An essay of the unknown polemicist of Belokrinitsky polemicist 'monk Augustin' (the late 1890). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, no. 3, pp. 76–80. (In Russ.)
10. *Titova L.V.* Messages by Andrey Pleshcheev and Protopope Avvakum in "Book" by Spiridon Potemkin (text and context). *Istoricheskiy kur'er*, 2020, no. 2, pp. 113–123. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-08.pdf> (accessed 28.05.2020). DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-8. (In Russ.)
11. *Zhuravel O.D.* Andrei Borisov – an Old Believers writer of the Enlightenment epoch. *Istoricheskiy kur'er*, 2020, no. 2, pp. 131–144. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-2-10.pdf> (accessed 28.05.2020). DOI: 10.31518/2618-9100-2020-2-10. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.06.2020

Дата рецензирования 29.06.2020

Статья принята к публикации 06.07.2020

DOI: 10.15372/HSS20200309
УДК 028.4(571)

Ю.В. ТИМОФЕЕВА

**РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ
КАК ОДНА ИЗ ВЕДУЩИХ ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИК
СИБИРЯКОВ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.**

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье анализируются теоретические аспекты развлекательного чтения. Представлены взгляды читателеведов на досуговое чтение, дан краткий историографический обзор изучения чтения сибиряков и дальневосточников местными исследователями. Приводятся авторские определения терминов «досуговое чтение» и «развлекательное чтение». Подробно очерчены корпус текстов и читательская аудитория развлекательного чтения, значительно расширены границы его функционального поля.

Впервые представлена целостная картина развлекательного чтения жителей Сибири и Дальнего Востока в конце XX – начале XXI в. Определено его место в общем чтении. Выявлены наиболее популярные в то время развлекательные журналы и жанры художественной литературы, любимые писатели, работающие в этих жанрах. Представлены результаты анализа читательских предпочтений сибиряков конца XX – начала XXI в., которые подтверждают значительное присутствие в чтении развлекательной литературы.

Ключевые слова: читателеведение, досуговое чтение, развлекательное чтение, художественная литература, «глянцевые» журналы, читательская аудитория, модификации чтения, функции развлекательного чтения, рейтинг авторов.

YU.V. TIMOFEEVA

**ENTERTAINING READING AS ONE OF THE LEADING READING PRACTICES
OF SIBERIAN AND FAR EASTERN CITIZENS
IN THE LATE XX – EARLY OF XXI CENTURIES**

State Public Scientific Technical Library of the SB RAS,
15, Voshod Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

To study reading is an urgent task of modern research by virtue of its great social significance. Due to the small number of comprehensive studies on the reading of Siberian and Far Eastern residents, the article considers for the first time the entertainment reading as its independent modification among the remote province inhabitants. The work objective is a specific-historical characteristic of entertainment reading of Siberian and Far Eastern citizens in the late XX – early XXI centuries. Data were collected in reports of local libraries, questionnaires, a wide range of research literature on the topic, which allows characterizing the source base as sufficiently complete and representative. The study's methodological basis is the theory of reading modification. The study was carried out in accordance with principles of historicism, objectivity, systematicity, using the following approaches: terminological, inductive, deductive ones, structural and statistical analysis, comparative analysis, questionnaire, localization of historical facts. The identified data make it possible to clarify and supplement the picture of reading in the post-Soviet period. The results show that the entertainment reading's share was significant and depended, first, on the reader's age and occupation: the least share was among the students, decreasing with each class and lagging behind the educational reading, falling to the minimum among high school students, the highest – in persons with higher education, pensioners and unemployed. The obtained results give an idea of the most popular fiction genres and writers in the region, who were the authors of detectives, love and historical novels, adventures. This study developed the position of the theory of reading modification. It clarifies the definitions of the terms «entertainment reading» and «leisure reading» shows a portrait of the reading audience of entertainment reading; reconstructs the text corpus, expands significantly its functional field.

Key words: reading, leisure reading, entertaining reading, fiction, “glossy” magazines, reading audience, reading modifications, functions of entertainment reading, authors' rating.

Юлия Викторовна Тимофеева – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: prankevich@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6943-6011>.

Yulia V. Timofeeva – Candidate of Historical Sciences, Senior researcher, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Чтение, будучи одним из важнейших средств интеллектуального, эмоционального, духовно-нравственного формирования и развития личности и благодаря распространению и популяризации знаний, научных открытий и технических изобретений одним из факторов общественного прогресса, является актуальным предметом современных исследований. Но не только познавательное чтение играет важную роль в жизни личности и общества, развлекательное чтение также представляет собой необходимую форму жизнедеятельности людей, поскольку помогает отдохнуть и восстановить силы для решения жизненно важных задач.

Отдельные аспекты чтения развлекательной литературы жителями Сибири и Дальнего Востока ранее уже рассматривались местными исследователями. Однако анализировалось чтение либо жителей отдельных субъектов федерации, как, например, Иркутской и Новосибирской областей – М.П. Поповой [1] и Т.И. Тактайкиной [2] соответственно, Республики Бурятия – З.Д. Дамбиновой, Р.Б. Ажеевой, Г.К. Олзоевой [3], Республики Саха (Якутия) – О.И. Афанасьевой [4], Республики Хакасия – С.И. Губановой [5], либо определенных жанров развлекательной литературы – детективов, любовных и исторических романов, как, например, А.М. Панченко и Ю.В. Тимофеевой [6; 7; 8; 9; 10]. Однако воссоздание целостной картины развлекательного чтения населения огромного края предпринимается впервые в отечественном читателеведении. Это определило следующие задачи статьи: 1) дать определения терминов «досуговое чтение» и «развлекательное чтение»; 2) охарактеризовать читательскую аудиторию и составить корпус текстов развлекательного чтения; 3) определить его место в чтении сибиряков и дальневосточников; 4) выявить наиболее популярные у местного населения развлекательные журналы и жанры художественной литературы и наиболее любимых авторов, работающих в этих жанрах.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ МОДИФИКАЦИИ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

Методологическим основанием изучения чтения является теория модификаций чтения, разработанная Ю.П. Мелентьевой. Согласно этой теории, одной из модификаций является досуговое (развлекательное) чтение [11, с. 63]. Однако современным исследователям пока не удалось не только сформулировать общепризнанное определение термина «досуговое чтение», но и выработать единый подход к дефиниции данного понятия. Предлагаемые к настоящему времени подходы к его трактовке проанализированы Т.Б. Ловковой, выделившей четыре из них, которые досуговое чтение отождествляют: 1) со «свободным чтением» (И.А. Бутенко, И.И. Тихомирова, В.П. Чудинова); 2) с «гедонистическим» или развлекательным (А.В. Соколов); 3) с «чтением художественной литературы» (П.И. Гуров, Л.Р. Коган); 4) с «чтением для души» [12, с. 127]. Самой Т.Б. Ловковой под досуговым чтением

понимается разновидность чтения, связанная с удовлетворением жизненно-насыщенных потребностей личности (в отдыхе, в развлечениях, в игре, в творчестве, красоте, саморазвитии и др.) посредством различных текстов (как на бумажных, так и небумажных носителях) и включающая чтение литературы, отражающей увлечения (хобби) человека [13, с. 116].

Базовым критерием определения модификации чтения, на наш взгляд, является мотив обращения к тексту, а не его содержание, поэтому следует в определенной степени различать досуговое и развлекательное чтение. Под досуговым чтением предлагаем понимать чтение в свободное от учебы и/или работы время литературы, напрямую не связанной с учебной и/или работой, решением учебных и профессиональных задач; свободное чтение по личному выбору субъекта, исходя из его интересов, увлечений (хобби), желаний, настроения, стоящих перед ним хозяйственных забот, практических задач и т.д. Это означает, что существует довольно широкий спектр мотивов обращения к текстам досугового чтения.

Развлекательное же чтение, по нашему мнению, имеет более узкое предназначение, нежели досуговое, выступая одним из его проявлений. Поэтому нами развлекательное чтение трактуется как модификация досугового чтения, направленная на удовлетворение потребностей личности в отдыхе и развлечениях посредством чтения различных текстов (рукописных, печатных, электронных) и выполняющая прежде всего рекреационную, рекреативную, компенсаторную, гедонистическую функции.

Предложение различать досуговое и развлекательное чтение, как и данные им автором статьи определения, безусловно, является дискуссионным и вынесено на обсуждение научной общественности, что будет полезно, так как позволит конкретизировать место и роль чтения в жизни человека.

У развлекательного чтения, как и у любой другой модификации чтения, есть свои функции, корпус текстов, читательская аудитория. Российские исследователи в качестве основной называют различные функции развлекательного чтения. Так, по мнению Ю.П. Мелентьевой, в основе развлекательного чтения лежит рекреационная функция [11, с. 84]. Т.Б. Ловкова считает, что досуговое чтение носит в основном компенсаторно-развлекательный характер. Компенсаторное чтение, на ее взгляд, помогает отдохнуть, отвлечься, абстрагироваться от житейских проблем, получить психологическую разрядку, окунуться в другую, иллюзорно-красивую реальность [12, с. 127]. М.М. Козлова и А.В. Хохлов особо выделяют компенсаторную функцию, обладающую, по их мнению, терапевтическим эффектом и, с их точки зрения, наиболее характерную для такого развлекательного жанра художественной литературы, как любовный роман [14, с. 95].

По нашему мнению, функциональное поле досугового чтения в целом и развлекательного как одного из его проявлений, в частности, значительно шире, чем это представлено к настоящему времени в иссле-

довательской литературе. На наш взгляд, основными функциями развлекательного чтения являются компенсаторная, досуговая, рекреационная, рекреативная, гедонистическая, терапевтическая, эмоциональная, а второстепенными – развивающая, воспитательная, образовательная функции, социализация личности, присущие чтению художественной литературы в целом. Несомненно, частота, полнота и глубина их проявления различны и зависят от многих факторов, в том числе от возраста, образования, сиюминутного настроения читателя, обстоятельства чтения, художественной силы самого произведения.

Читательская аудитория развлекательного чтения характеризуется многочисленностью и неоднородностью: ее составляют представители всех категорий читающей публики – независимо от возраста, уровня образования, места жительства, рода занятий, гендерной, конфессиональной, этнической, профессиональной принадлежности читателя.

Корпус текстов развлекательного чтения составляют художественная литература и периодические издания. Первая представлена произведениями развлекательных жанров, прежде всего такими, как любовные (сентиментальные), исторические и приключенческие романы, детективы, фантастика, фэнтези, боевики. Среди вторых преобладают «глянцевые» и юмористические издания.

МЕСТО РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ В ЧТЕНИИ СИБИРЯКОВ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

По мнению Ю.П. Мелентьевой, самой распространенной сегодня модификацией чтения является учебное [11, с. 70]. На значительную долю учебного чтения сибиряков и дальневосточников, прежде всего, тех из них, кто посещал государственные и муниципальные библиотеки в поисках необходимой литературы, указывала Ю.В. Тимофеева [10]. Однако развлекательное чтение, как показывают многочисленные опросы различных групп населения, анализ книговыдач в библиотеках региона и репертуара издаваемой литературы, составляет ему серьезную конкуренцию, как правило, образуя с ним лидирующую пару в рейтинге модификаций чтения. Так, отдых был основным мотивом чтения горожан Западно-Сибирского региона с высшим образованием [15, с. 255–256], работающих жителей Новосибирской области [2, с. 261], взрослых пользователей библиотек г. Анжеро-Судженск Кемеровской области [16, с. 64]. Для 37 % читателей Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского (ИОГУНБ) мотивом чтения художественной литературы являлся отдых, 30 % – познание жизни, 31 – эстетическое удовольствие, 23 – учеба, 6 % – работа [1, с. 73].

У сельских и городских пенсионеров Новосибирской области приоритетными мотивами чтения в равной степени были «отдых» и «расширение кругозора» [2, с. 261].

Чтение для отдыха стояло на втором, после учебы, месте у юных (до 20 лет) посетителей централизованной библиотечной системы им. М.Е. Салтыкова-Щедрина г. Новосибирска и на третьем, после учебы и получения эстетического удовольствия, – у читательской аудитории старше 21 года. Для отдыха читали больше женщины (56 %), чем мужчины (43 %) [17, с. 106]. В целях проведения досуга обращалась к чтению половина респондентов из числа жителей Республики Бурятия [3, с. 17].

Для получения информации, связанной с познанием нового, читали 23,8 % опрошенных жителей Республики Саха (Якутия), для отдыха и развлечения – 22,6, для работы – 12,6, для учебы – 7,3, для ухода от повседневных проблем – 2,5 % [4, с. 342]. Последний мотив также соответствует функциональному полю развлекательного чтения, прежде всего его терапевтической и компенсаторной функциям.

ЧТЕНИЕ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Распределение предпочтений сибиряков и дальневосточников по жанрам художественной литературы показывает явное преобладание среди них развлекательных.

Самыми популярными жанрами художественной литературы посетителей библиотек Новосибирской области были детектив и исторический роман. При этом учащиеся и работающие из области в большей степени предпочитали детективы, из города – исторические романы. Пенсионеры же, наоборот: сельские охотнее выбирали исторические романы, городские – детективы. Примерно 50 % пенсионеров-горожан, помимо исторических романов и детективов, любили читать любовные романы [2, с. 261–262].

Детектив своим любимым жанром литературы назвал 51 % опрошенных сибиряков с высшим образованием [15, с. 255–256].

В читательских предпочтениях посетителей ЦБС им. М.Е. Салтыкова-Щедрина г. Новосибирска в возрасте до 20 лет на первом месте стояла русская классика (43 % опрошенных), на втором – детектив (42 %), на третьем – зарубежная классика (33 %), на четвертом – приключения (27 %). Пятое место разделили фантастика и исторический роман (по 24 %), шестое – мистика и психологический роман (22 %), седьмое заняла поэзия (21 %), восьмое – сентиментальный роман (19 %), девятое место разделили новейшая российская литература и фэнтези (18 %), на десятом месте оказалась новейшая зарубежная литература (14 %), на одиннадцатом – интеллектуальный роман (11 %), на двенадцатом – автобиографический роман (7 %) [17, с. 109]. Этот топ читательских предпочтений еще раз подтверждает популярность развлекательных жанров. А если учесть тот факт, что чтение классической литературы, прежде всего отечественной, далеко не всегда можно отнести к досуговому чтению и тем более развлекательному (и не только потому, что само содер-

жание этих ее произведений требует глубокой вдумчивости, но и потому, что, как вполне обоснованно полагают современные исследователи, спрос на нее довольно часто обусловлен учебными заданиями, получаемыми потенциальными читателями [10, с. 60–61]), то уровень популярности детективов, приключенческих и исторических романов, фантастики можно считать еще более высоким, чем в данном рейтинге.

Фантастику читает 21 % респондентов – студентов Новосибирского государственного технического университета, фэнтези – 19, детективы и романы современных авторов – по 15, классическую литературу и поэзию – 7 % [18, с. 226]. Жанровые предпочтения студентов Сибирского государственного технологического университета в Красноярске аналогичны: наиболее популярны у них были детектив, фантастика, фэнтези, исторический роман [19, с. 217].

У жителей сельских районов Алтайского края большим спросом пользовались детективы, исторические романы, любовные романы, приключения, фантастика¹.

Читательский интерес кузбассовцев в конце XX в. склонялся к детективно-приключенческому жанру и зарубежному любовному роману², а в начале XXI в. – к тем же жанрам, но уже в авторстве современных российских писателей [16, с. 65]. В целом жанровые предпочтения жителей Кемеровской области распределялись следующим образом: роман (любовный, семейный) выбирали 62 % (124 респондента), исторический роман – 47 % (94), детектив – 40 % (80), фантастику и фэнтези – 35 % (70), классику – 27 % (54) [16, с. 64].

В читательских предпочтениях пользователей ИОГУНБ им. И.И. Молчанова-Сибирского, выявленных методом анкетирования, первое место поделили исторический и интеллектуальный роман, третье заняла поэзия, четвертое – детективы, пятое – фантастика, sentimentalный роман разместился лишь на десятом месте, пропустив вперед и русскую, и зарубежную классику, новую русскую и зарубежную литературу. Вместе с тем, согласно данным сплошного учета выдачи за месяц, более всего книговыдач читателям пришлось на произведения русской классики, второе место по этому показателю заняла зарубежная классика, третье – детективы, четвертое – новая российская литература, пятое – поэзия, шестое – sentimentalный роман, седьмое – фантастика (подсчитано по: [1, с. 73]). Сравнение рейтингов жанров, составленных по результатам анкетирования и учета книговыдач, позволяет предположить, что в первом случае мы имеем дело со свободным (досуговым) чтением, соответствующим личным желаниям и интересам читателей, а во втором – со смешанным, когда книги брали и для

выполнения учебных заданий и решения профессиональных задач (учебное и деловое чтение), и в развлекательных целях (развлекательное чтение).

Посетители Магаданской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина в 2017 г. из фонда художественной литературы спрашивали в основном классическую литературу (ее указали 47 % респондентов), детективы (39 %), историческую прозу (36 %), фантастику (30 %). Шестое и седьмое места, пропустив вперед поэзию (20 %), разделили между собой философские романы и приключения (по 19 %), восьмое, девятое и десятое – фэнтези, «женские» романы, триллеры (по 17 %) [20, с. 82].

Аналогичная картина любимых жанров развлекательного чтения наблюдалась и в национальных республиках региона. Так, детективы читали 41,2 % опрошенных жителей Республики Хакасия, фантастику и историческую литературу – по 31,3 %, классику – 25,4, женские романы – 23,8 % [5, с. 32].

Самыми популярными жанрами населения Республика Бурятия были детективы и приключения (их в качестве любимых назвали 49 % респондентов), исторический (42 %), любовный и семейно-бытовой романы (39 %) [3, с. 20].

Среди жителей Республики Саха (Якутия) также много было любителей детективов (44,9 %), исторического романа (38,6 %) и приключенческой литературы (29,5 %). Относительно меньше поклонников фантастики и фэнтези – 17,3 %, психологического и интеллектуального романа – 15,7 и 13,4 % соответственно, поэзии – 12,6 %, триллеров и мистики – 10,7 % и 10,1 % соответственно. Комиксы читали 3,9 % взрослого населения [4, с. 343].

О широком обращении к художественной литературе в целях отдыха и развлечения свидетельствует и перечень любимых жителями региона произведений и писателей. Так, при удалении из списка книг, читаемых студентами Новосибирского областного колледжа культуры и искусств на момент проведения автором статьи опроса (2014 г.), тех книг, что изучались ими в это же время на уроках литературы и задавались им для чтения в качестве домашнего задания, в нем останутся произведения преимущественно развлекательных жанров: «Черный корсар» Э. Сальгари, «Бойцовский клуб» Ч. Паланика, «Вино из одуванчиков», «451 градус по Фаренгейту» и «Летнее утро, летняя ночь» Р. Брэдли, «Метро 2033. Путевые знаки» В. Березина, «Жизнь и смерть пирата Шарки» и «Записки Шерлока Холмса» А.К. Дойла, «Большая девочка» Д. Стил, «Его звали Бог, или История моей жизни» и «Хочу все сразу, или Без тормозов!» Ю.В. Шиловой, «50 оттенков серого» Э.Л. Джеймс, «Гордость и предубеждение» Дж. Остин, «Дом странных детей» Р. Риггза, «Хоббит, или Туда и обратно» Дж.Р.Р. Толкина, «Волкодав» М. Семенов, «Зеленый подъезд» Т.Е. Веденской и др.

На рубеже XX–XXI вв. от пользователей городских и сельских библиотек Кемеровской области более всего требований поступало на детективы А. Марининой, П. Дашковой, Т. Поляковой, Д. Донцовой,

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 3353. Л. 127; Д. 3350. Л. 165; Д. 3430. Л. 119; Ф. Р-1198. Оп. 3. Д. 1829. Л. 136–137.

² Ежегодный доклад о деятельности муниципальных библиотек Кемеровской области: год 1998 // URL: http://www.kemrsl.ru/documents/Otchet_1998.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

Ю. Шиловой, Ф. Незнанского, А. Константинова, А. Воронина, любовные романы Д. Стил, Ж. Бенцони, С. Шелдона, боевики В. Доценко, исторические романы Б. Акунина³.

В двадцатку наиболее любимых жителями Республики Хакасия писателей наряду с отечественными классиками, вошли авторы развлекательной литературы: Д. Донцова (2-е место в рейтинге), Д. Роулинг (8-е), А. Бушков (9-е), А. Дюма (10-е), А. Маринина (11-е), Д. Стил (12-е), Т. Устинова (13-е), Б. Акунин (15-е), Н. Перумов (19-е). На момент проведения опроса респонденты этой республики читали в числе прочих произведения Д. Роулинг, Т. Устиновой, Д. Донцовой, М. Семенович, Д.Х. Чейза, Д. Браун, А. Бушкова, Д. Емца, С. Кинга, Р. Киплинга, С. Лукьяненко, В. Колычева [5, с. 32–33].

Среди наиболее любимых современных российских писателей жителями Республики Бурятия были названы в основном авторы детективов, любовных, семейно-бытовых романов: Б. Акунин, А. Маринина, Д. Донцова, Т. Полякова, Э. Тополь, П. Дашкова, Т. Устинова. Из зарубежных указали писателей, работающих также в различных жанрах развлекательной литературы: С. Шелдона, Д. Чейза, С. Кинга, Д. Лондона, А. Дюма, А. Кристи, А.К. Дойля, Р. Брэбери [3, с. 24].

В рейтинге любимых писателей жителей Республики Саха (Якутия) первое место заняла Д. Донцова (10,6 %), опередив занявших второе место народного писателя Якутии Н. Золотарева-Якутского (9,1 %), и третье – А.С. Пушкина (8,6 %). В первую десятку вошли также А. Маринина, Д. Стил и А. Кристи, во вторую – Т. Устинова, Ю. Шилова, А. Дюма, Дж. Чейз [4, с. 343–344]. Таким образом, почти половину мест в этой рейтинговой двадцатке заняли авторы детективов, а также любовных и приключенческих романов.

ЧТЕНИЕ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

Среди периодических изданий сибиряки и дальневосточники также предпочитали те, которые предназначались для отдыха и развлечения. Так, около тысячи респондентов, проживающих в городах Западной Сибири, назвали 112 наиболее интересных для них журналов, большинство из которых создаются для «легкого» времяпрепровождения читателей. Из них в первую десятку вошли «Cool» (81 чел. плюс «Cool girl» – еще 14 чел.), «Cosmopolitan» (73), «Вокруг света» (60), «Лиза» (49), «Крестьянка» (48), «Oops» (45), «Yes!» (21). Во второй группе изданий (по убывающей, от 20 до 5 респондентов) оказались «Маруся», «Все звезды», «Отдохни», «Смена», «Домовой», «Elle», «Штучка»

ка», «Playboy», «Миша», «Burda», «НЕОН», «Огонек», «Работница», «Страна игр», «Что хочет женщина» [21, с. 257–258].

В Новосибирской областной юношеской библиотеке были востребованы журналы «Oops», «Yes!», «Мир фантастики», «Караван историй» и т. п. [22, с. 16].

В библиотеках Шипуновского района Алтайского края особым спросом пользовались журналы «Маруся», «Штучка», «Крестьянка», «Крокодил», «Бурда моден»⁴, г. Славгорода – «Крестьянка», «Работница», «Лиза», «Бурда», «Чудеса и приключения», «Футбол», «Маруся», «Cool girl» и др.⁵

О преобладании развлекательных периодических изданий в чтении подрастающего поколения свидетельствуют данные о книговыдаче журналов в Кемеровской областной библиотеке для детей и юношества. Так, в 2009 г. журнал «Если» был выдан 161 раз, «Все звезды» – 127, «Джюльетта» – 112, «Лиза. Girl» – 107, «Elle Girl» – 105, в то время как «Наша школа» – 35, «Нарконет» – 25, «Репетитор» – 4 раза [23, с. 12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на мощное развитие индустрии развлечений, особенно в крупных городах, увлеченность компьютерными играми и социальными сетями, которые в определенной степени потеснили чтение в структуре досуга и заменили его другими способами свободного времяпрепровождения, развлекательное чтение сохранилось и занимает заметное место в общем объеме чтения сибиряков. Отдых и развлечения являются широко распространенными мотивами обращения к тексту.

У разных возрастных групп доля развлекательного чтения была различной: наименьшей – у всех категорий учащихся (от учащихся начальной школы до студентов), наибольшей – у лиц с высшим образованием, пенсионеров и безработных. Среди учащихся в развлекательных целях чаще читали школьники младших классов. С каждым классом доля развлекательного чтения уменьшалась, уступая учебному, и опускалась до минимума у старшеклассников.

Среди развлекательных жанров художественной литературы наиболее востребованными у сибиряков и дальневосточников были детективы, любовные и исторические романы, фантастика, приключения. Их популярность подтверждается также преобладанием в рейтингах писателей тех, кто работает именно в этих жанрах, и их произведений, любимых у жителей края.

Автор полагает, что эмпирический материал и теоретические положения, изложенные в настоящей статье, будут способствовать решению вопроса о соотношении досугового и развлекательного чтения, уточнению дефиниции этих понятий, продвижению в изучении досугового чтения, выяснении его места в общей картине чтения россиян как в целом, так и отдельных социальных групп, выделенных по возраст-

³ Ежегодный доклад о деятельности библиотек Кемеровской области: год 2000 // URL: http://www.kemrsl.ru/documents/Otchet_2000.pdf (дата обращения: 10.11.2019); Ежегодный доклад о деятельности библиотек Кемеровской области: год 2001 // URL: http://www.kemrsl.ru/documents/Otchet_2001.pdf (дата обращения: 10.11.2019).

⁴ ГААК. Ф. Р-484. Оп. 4. Д. 3353. Л. 127.

⁵ Там же. Д. 3430. Л. 127.

ному, гендерному, образовательному, профессиональному и другим критериям.

Полученные результаты исследования могут быть полезны книгоиздателям и книгопродавцам при формировании репертуара издаваемой и продаваемой ими литературы, библиотекарям – при формировании библиотечных фондов, кинорежиссерам – при выборе произведений для экранизации, представителям федеральных и местных органов власти – при определении направлений и содержания культурной политики и мероприятий в сфере досуга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Попова М.П.* К вопросу о чтении художественной литературы в ИОГУНБ // Библиотечный вестник Прибайкалья. 2006. № 1. С. 72–74.
2. *Тактайкина Т.И.* Структура читательской аудитории и приоритеты интересов (по материалам анкетирования в библиотеках Новосибирска и Новосибирской области) // Седьмые Макушинские чтения : мат-лы науч. конф. (Красноярск, 16–17 мая 2006 г.). Новосибирск, 2006. С. 259–263.
3. *Дамбинова З.Д., Ажеева Р.Б., Олзоева Г.К. и др.* Книга и чтение в пространстве культуры Республики Бурятия (по материалам социологического исследования). Улан-Удэ, 2009. 182 с.
4. *Афанасьева О.И.* Чтение в Республике Саха (Якутия): современные тенденции // Книга: Сибирь – Евразия: тр. I Междунар. науч. конгр.: в 3 т. Новосибирск, 2016. Т. 3. С. 340–346.
5. *Губанова С.И.* Книга, чтение, библиотека в нашей жизни (по итогам исследования) // Библиосфера. 2009. № 3. С. 29–34.
6. *Панченко А.М., Тимофеева Ю.В.* Детективная литература в российском книгоиздании и читательской практике сибиряков и дальневосточников // Труды ГПНТБ СО РАН. 2019. № 3. С. 5–13. DOI: 10.20913/2618-7515-2019-3-5-13.
7. *Тимофеева Ю.В.* Историческая беллетристика в библиотечном чтении жителей Сибири и Дальнего Востока в конце XX – начале XXI в. // Труды ГПНТБ СО РАН. Новосибирск, 2018. Вып. 13: Библиотеки в контексте социально-экономических и культурных трансформаций : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Кемерово, 25–29 сент. 2017 г.), т. 2. С. 413–423. DOI: 10.20913/2618-7575-2018-2-413-423.
8. *Тимофеева Ю.В.* Любовные романы в чтении сибиряков и дальневосточников в конце XX – начале XXI в. // Одиннадцатые Макушинские чтения: мат-лы науч. конф. (Томск, 29–30 мая 2018 г.). Новосибирск, 2018. С. 399–405. DOI: 10.20913/2618-6691-2018-46-399-405.
9. *Тимофеева Ю.В.* Место детективной литературы в досуговом чтении сибиряков и дальневосточников в конце XX – начале XXI в. // Берковские чтения – 2017. Книжная культура в контексте международных контактов: мат-лы IV Междунар. науч. конф. (Полоцк, 24–25 мая 2017 г.). Минск; Москва, 2017. С. 398–403.
10. *Тимофеева Ю.В.* Учебное чтение жителей Сибири и Дальнего Востока в конце XX – начале XXI в. // Библиосфера. 2017. № 3. С. 56–62. DOI: 10.20913/1815-3186-2017-3-56-62.
11. *Мелентьева Ю.П.* Общая теория чтения. М., 2015. 230 с.
12. *Ловкова Т.Б.* Досуговое чтение молодежи в ста зеркалах (XIX–XXI вв.) // Социолог и психолог в библиотеке : сб. статей и материалов. М., 2010. Вып. VII. С. 125–134.
13. *Ловкова Т.Б.* Основные тенденции развития досугового чтения в России: история и современность // Чтение как стратегия жизни : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 14 дек. 2006 г.). М., 2006. С. 116–117.
14. *Козлова М.М., Хохлов А.В.* Изменение социальной функции и содержания чтения в России в конце XX – начале XXI в. // Чтение как стратегия жизни : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (М., 14 дек. 2006 г.). М., 2006. С. 94–95.
15. *Волкова В.Н.* «Что мы читаем? Какие мы?» (по материалам современных сибирских исследований) // Седьмые Макушинские чтения : мат-лы науч. конф. (Красноярск, 16–17 мая 2006 г.). Новосибирск, 2006. С. 253–256.
16. *Алексеева О.Н.* Исследовательская деятельность библиотек Кемеровской области // Библиотечная жизнь Кузбасса. 2009. Вып. 1. С. 63–73.
17. *Зырянова И.К.* Интересы и потребности читателей ЦБС им. М.Е. Салтыкова-Щедрина Заельцовского района г. Новосибирска // Книга, общество, читатель: современные аспекты : сб. науч. тр. Новосибирск, 2004. С. 105–115.
18. *Федоскина Д.В.* Что читают сегодня студенты НГТУ? // Девятые Макушинские чтения : мат-лы науч. конф. (Барнаул, 15–16 мая 2012 г.). Новосибирск, 2012. С. 225–226.
19. *Хлебова В.В., Алкарева Т.П.* Повышение читательской активности студентов в Научной библиотеке Сибирского государственного технологического университета (НБ СибГТУ) // V Юдинские чтения : мат-лы науч.-практ. конф. (Красноярск, 9–12 окт. 2007 г.). Красноярск, 2008. С. 213–218.
20. *Дворянская З.В., Тарасова Т.В.* Соответствие информационных ресурсов Магаданской ОУНБ им. А.С. Пушкина читательским интересам пользователей // Современный читатель в зеркале исследовательских проектов общедоступных библиотек : сб. материалов исследований. СПб, 2018. С. 81–100.
21. *Волкова В.Н.* Журналы в массовом чтении сибиряков (начало XXI в.). По материалам социологического исследования лаборатории книговедения ГПНТБ СО РАН // Восьмые Макушинские чтения: мат-лы науч. конф. (Красноярск, 13–15 мая 2009 г.). Новосибирск, 2009. С. 257–261.
22. *Ковалева О.В.* Юношеская библиотека: год 2009-й // Библиотеки Новосибирской области в 2009 году: обзор деятельности. Новосибирск, 2010. С. 15–25.
23. *Мартьянова Е.В., Сбитнева Г.И., Куликова А.А.* Молодежные журналы как ресурс библиотечного обслуживания // Библиотечная жизнь Кузбасса. 2013. Вып. 3. С. 4–28.

REFERENCES

1. *Popova M.P.* On the issue of reading fiction in IRSUSLGUNB. *Bibliotchnyy vestnik Pribaikal'ya*, 2006, no. 1, pp. 72–74. (In Russ.)
2. *Taktaikina T.I.* Readership structure and priority of interests (based on questionnaires in libraries of Novosibirsk and Novosibirsk region). *Sed'mye Makushinskie chteniya: materialy nauch. konf. (Krasnoyarsk, 16–17 maya 2006 g.)*. Novosibirsk, 2006, pp. 259–263. (In Russ.)
3. *Dambinova Z.D., Azheeva R.B., Olzoeva G.K.* Book and reading in the space of culture of the Republic of Buryatia (according to the materials of sociological researches). Ulan-Ude, 2009, 182 p. (In Russ.)
4. *Afanasyeva O.I.* Reading in the Republic of Sakha (Yakutia): modern trends. *Kniga: Sibir' – Evraziya: tr. I Mezhdunar. nauch. kongr.: in 3 vols.* Novosibirsk, 2016, vol. 3, pp. 340–346. (In Russ.)
5. *Gubanova S.I.* Book, reading, library in our lives (on the study results). *Bibliosfera*. 2009, no. 3, pp. 29–34. (In Russ.)
6. *Panchenko A.M., Timofeeva Yu.V.* Detective literature in the Russian book publishing and reading practice of Siberian and Far Eastern citizens. *Trudy GPNTB SO RAN*, 2019, no. 3, pp. 5–13. DOI: 10.20913/2618-7515-2019-3-5-13. (In Russ.)
7. *Timofeeva Yu.V.* Historical fiction in library reading of residents of Siberia and the Far East in the late XX – early XXI centuries. *Trudy GPNTB SO RAN*, 2018, iss. 13, pt. 2, pp. 413–423. DOI: 10.20913/2618-7575-2018-2-413-423. (In Russ.)
8. *Timofeeva Yu.V.* Love novels in reading of Siberian and Far Eastern citizens in the late XX – early XXI centuries. *Odnadtsatye Makushinskie chteniya: materialy nauch. konf. (Tomsk, 29–30 maya 2018 g.)*. Novosibirsk, 2018, pp. 399–405. DOI: 10.20913/2618-6691-2018-46-399-405. (In Russ.)
9. *Timofeeva Yu.V.* The detective literature's place in leisure reading of Siberian and Far Eastern inhabitants in the late XX – early XXI

centuries. *Berkovskie chteniya – 2017. Knizhnaya kul'tura v kontekste mezhdunarodnykh kontaktov: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (Polotsk, 24–25 maya 2017 g.)*. Minsk, Moskva, 2017, pp. 398–403. (In Russ.)

10. *Timofeeva Yu.V.* Educational reading of residents of Siberia and the Far East in the late XX – early XXI centuries. *Bibliosfera*. 2017, no. 3, pp. 56–62. DOI 10.20913/1815-3186-2017-3-56-62. (In Russ.)

11. *Melent'eva Yu.P.* General theory of reading. Moscow, 2015. 230 p. (In Russ.)

12. *Lovkova T.B.* Leisure reading of young people in 100 mirrors (the XIX–XXI centuries). *Sotsiolog i psikholog v biblioteke*. Moscow, 2010, iss. 7, pp. 125–134. (In Russ.)

13. *Lovkova T.B.* Main trends of leisure reading development in Russia: history and modernity. *Chtenie kak strategiya zhizni: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14 dek. 2006 g.)*. Moscow, 2006, pp. 116–117. (In Russ.)

14. *Kozlova M.M., Khokhlov A.V.* Changing the social function and content of reading in Russia in the late XX – early XXI centuries. *Chtenie kak strategiya zhizni: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 14 dek. 2006 g.)*. Moscow, 2006, pp. 94–95. (In Russ.)

15. *Volkova V.N.* «What do we read? What are we?» (based on materials from modern Siberian studies). *Sed'mye Makushinskie chteniya: materialy nauch. konf. (Krasnoyarsk, 16–17 maya 2006 g.)*. Novosibirsk, 2006, pp. 253–256. (In Russ.)

16. *Alekseeva O.N.* Research activities of libraries in Kemerovo region. *Bibliotechnaya zhizn' Kuzbassa*, 2009, iss. 1, pp. 63–73. (In Russ.)

17. *Zyryanova I.K.* Interests and needs of readers of M.E. Saltykov-Shchedrin Centralized Library System in Zael'tsovsky district of Novosibirsk. *Kniga, obshchestvo, chitatel': sovremennyye aspekty*. Novosibirsk, 2004, pp. 105–115. (In Russ.)

18. *Fedoskina D.V.* What do students of NSTU read today? *Devyatyte Makushinskie chteniya: materialy nauch. konf. (Barnaul, 15–16 maya 2012 g.)*. Novosibirsk, 2012, pp. 225–226. (In Russ.)

19. *Khlebova V.V., Alkareva T.P.* Increasing the reading activity of students at the Scientific Library of the Siberian State Technological University (SL SibSTU). *V Yudinskie chteniya: materialy nauch.-prakt. konf. (Krasnoyarsk, 9–12 okt. 2007 g.)*. Krasnoyarsk, 2008, pp. 213–218. (In Russ.)

20. *Dvoryanskaya Z.V., Tarasova T.V.* Compliance of information resources of A.S. Pushkin Magadan Regional Universal Scientific Library with the user reading interests. *Sovremennyy chitatel' v zerkale issledovatel'skikh proektov obshchedostupnykh bibliotek*. Saint Petersburg, 2018, pp. 81–100. (In Russ.)

21. *Volkova V.N.* Magazines in mass reading of Siberian inhabitants (the early XXI century). On materials of a sociological research of the Laboratory of Bibliology of the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science. *Vos'mye Makushinskie chteniya: materialy nauch. konf. (Krasnoyarsk, 13–15 maya 2009 g.)*. Novosibirsk, 2009, pp. 257–261. (In Russ.)

22. *Kovaleva O.V.* The Youth Library: year 2009. *Biblioteki Novosibirskoy oblasti v 2009 godu: obzor deyatel'nosti*. Novosibirsk, 2010, pp. 15–25. (In Russ.)

23. *Martynova E.V., Sbitneva G.I., Kulikova A.A.* Youth journals as the library service resource. *Bibliotechnaya zhizn' Kuzbassa*. 2013, iss. 3, pp. 4–28. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.02.2020

Дата рецензирования 12.05.2020

Статья принята к публикации 15.06.2020

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20200310
УДК 94(470)17/18"

В.В. АЛЕКСЕЕВ

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ФРОНТИРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ УРАЛО-СИБИРСКОГО РЕГИОНА В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ*

Институт истории и археологии УрО РАН,
РФ, 620108, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

В статье анализируется роль энергетического фактора в условиях фронтальной модернизации Урало-Сибирского региона. Внимание сосредоточено на переходе от водяного колеса традиционного общества к паровому двигателю раннеиндустриальной эпохи. Процесс прослеживается на материалах горнозаводской промышленности, поскольку с нее начиналось индустриальное развитие края. Рассматривается исторический опыт раннего внедрения вододействующих сооружений на Алтае и Урале, что способствовало созданию крупных и эффективных предприятий горнодобывающей промышленности, обеспечению империи передовых позиций в мире по получению продукции черной и цветной металлургии. С появлением парового двигателя ситуация изменилась, так как вододействующие сооружения не могли конкурировать с паровыми машинами Западной Европы. Переход с водяного двигателя на паровой затянулся в России минимум на полвека, она начала катастрофически отставать от западного мира и до конца империи не смогла завершить свою модернизацию, тем более в районах нового освоения.

Ключевые слова: империя, колонизация, горнозаводская промышленность, водяное колесо, паровой двигатель, металлургия, промышленная революция, энергетический фактор, энерговооруженность, фронтальная модернизация.

V.V. ALEKSEEV

THE ENERGY FACTOR IN THE FRONTIER MODERNIZATION OF THE URAL-SIBERIAN REGION IN IMPERIAL RUSSIA

Institute of History and Archaeology UB RAS,
16, S. Kovalevskoy Str., Ekaterinburg, 620108, Russian Federation

The article objective is to determine the role of the energy factor under the frontier modernization conditions in the Ural-Siberian region of imperial Russia where imperial and frontier modernizations were combined. While Russian colonization has long been actively studied, investigation of the frontier modernization is just beginning, without mentioning its energy factor, which was not paid attention in historical sciences. The author explains concept of "frontier modernization" and reveals its energy component. The paper focuses on the transition from a water wheel of a traditional society to a steam engine of the early industrial era. This process was traced on the mining industry materials, as it ushered the region's industrial development. The Altai and the Urals historical experience showed that water-producing facilities appeared rather early and outperformed similar devices in central Russia, they contributed to forming large and time-efficient mining enterprises and provided the empire with the world leading

*Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00427 «Фронтальная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации».

Вениамин Васильевич Алексеев – академик РАН, Институт истории и археологии УрО РАН, e-mail: veniaminalekseev7@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4427-0312>.

Veniamin V. Alekseev – Academician of the RAS, Institute of History and Archaeology UB RAS.

positions in obtaining ferrous and nonferrous products metallurgy. Growing the power supply ratio led to raising production efficiency and solved the unattainable task, as demonstrated by the Kolyvano-Voskresensk plants in the Altai and the Urals metallurgical enterprises. However, the steam engine advent has dramatically changed the situation. Waterworks could not compete with steam engines, which came into use in our country much later than in West Europe. The transition from a water to steam engine lasted for almost half a century and even longer in eastern regions. Russia began to lag catastrophically behind the Western world, and until the empire's end was unable to complete its modernization, especially in new development territories, for which there were many reasons, and energy shortage is one of them.

Key words: Empire, colonization, mining industry, water wheel, steam engine, metallurgy, industrial revolution, energy factor, power supply, frontier modernization.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Модернизация – движение общества от традиционности к современности – начинается с перехода ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике. Она развивается на базе инноваций. Среди них важнейшую роль играет энергетический фактор, поскольку увеличение масштабов производства и его интенсификация требуют прироста энергопотребления. Это глобальная проблема Российской империи XVIII–XX вв., но в связи с тем, что ее промышленное производство систематически сдвигалось ближе к источникам сырья и энергии, в частности в восточные районы, с повестки дня не сходил вопрос об их поэтапном (фронтирном) освоении. Так сочетались имперская колонизация и фронтирная модернизация. Наиболее ярко данная тенденция проявлялась в Урало-Сибирском регионе с его богатыми природными ресурсами.

Если русская колонизация давно и активно изучалась, то исследование фронтирной модернизации только начинается, не говоря уже об ее энергетическом факторе, который в исторической науке пока обделен вниманием, тогда как он приобретает все большее значение. На первый взгляд может показаться странным – о каком энергетическом факторе отсталых районов идет речь? На самом деле он играл важную роль, поскольку имперская экономика без него не могла обходиться, а его недостаточное развитие тормозило ее прогресс и препятствовало модернизации. Его анализ требует специального внимания, но его изучение практически не велось, за исключением энергетического хозяйства уральских металлургических заводов. Правда, в отдельных исторических сочинениях упоминались некоторые прецеденты по применению гидравлических и паровых установок. Между тем энергетическая составляющая в модернизационном процессе чрезвычайно важна.

В задачу данной статьи входит анализ энергетического фактора Урало-Сибирского региона на этапе перехода от водяного колеса традиционного общества к паровому двигателю индустриальной эпохи в XVIII–XIX вв., т.е. от традиционализма к индустриализму. При этом под энергетическим фактором понимаются: энергетические ресурсы (водные артерии, лес, уголь), энергетическое оборудование (плотины, водяные колеса, паровые двигатели), персонал, занятый на выработке энергии, влияние роста энергооборуженности на социально-экономическое развитие. В таком же контексте реки рассматриваются как энер-

гетический ресурс движения транспортных потоков, а железные дороги – в качестве путей сообщения, использующих паровую тягу. Все это имело принципиальное значение при переходе от традиционного к индустриально-урбанистическому обществу на далекой окраине империи. Разумеется, весь спектр названных вопросов осветить в одной статье невозможно. Поэтому главное внимание будет сосредоточено не столько на представлении новых фактов, сколько на выявлении основных тенденций процесса, исходя из достижений наиболее развитых в то время индустриальных центров.

Имперская колонизация и фронтирная модернизация России, как правило, начинались с развития горнозаводской промышленности, что убедительно демонстрирует Урало-Сибирский регион, где в XVIII–XIX вв. сформировались крупные предприятия, добывающие золото, серебро, железную руду и другие полезные ископаемые, их развитию способствовало наличие водных артерий, удобных для устройства вододействующих сооружений и путей сообщения, а также крупных лесных массивов, служащих топливным ресурсом. Все это имело важное общегосударственное значение.

ГИДРОЭНЕРГЕТИКА

Основным источником энергии в традиционном обществе долгое время были физические усилия человека и животных. Затем начала использоваться водная энергия в виде примитивных гидротехнических сооружений, начиная с водяного колеса, которое приводило в действие крестьянские мельницы, а затем оно стало применяться в горном промысле – в добыче и переработке руды. На небольших реках строили плотины и использовали энергию падающей воды для вращения простых механизмов, но основные работы, по описанию известного сибирского историка первой половины XIX в. П.А. Словцова в его двухтомном сочинении «Историческое обозрение Сибири» (1838, 1841 гг.), выполнялись вручную. Он констатировал: «Все, начиная с добычи руд, делалось руками человеческими... Самою дешевою машиною тогда был человек» [1, с. 453].

По мере расширения горных промыслов обходиться ручным трудом в шахтах и на переработке руды становилось все труднее и труднее. Постепенно, очень медленно ручные и конные приводы стали заменять водяным колесом. Оно, как правило, обслуживало единичный агрегат там, где без него производ-

ство не могло обходиться (а не систему машин, как это стало возможным в эпоху парового двигателя). Колесо требовало успевать за его оборотами, что чрезвычайно изматывало работников, не имевших даже кратких передышек, пока оно функционировало. Такие агрегаты не облегчали труд человека, а делали его еще более напряженным. Со временем их усовершенствовали, но тем не менее они представляли большую трудность для управления.

В Сибири в XVIII в., особенно на Алтае, широкое развитие получила горнозаводская промышленность. Большинство рудников и заводов обслуживалось водяными двигателями. Заводские плотины имели очень крупные по тому времени размеры и обеспечивали большое количество водяных колес. Например, напор плотины Барнаульского завода в 50-е гг. XVIII в. приводил в действие 214 таких колес [2, с. 190]. Лидерами в этой сфере выступали Кольвано-Вознесенские заводы, особенно Зеленогорский рудник. Там в 1748 г. соорудили первую гидросиловую установку [2, с. 85].

Алтайские гидротехнические сооружения, особенно созданные под руководством выдающегося водяных дел мастера К.Д. Фролова, получили широкую известность. В 80-х гг. он спроектировал и построил знаменитый гидротехнический каскад, не уступавший по своему совершенству и оригинальности зарубежным образцам. Его огромная плотина имела высоту 23,5 м и длину 128 м. Для доставки воды из уникального водохранилища к действующим агрегатам завода в Змеиной горе была пробита штольня длиной 630 м. От нее отходили несколько деривационных каналов. На Преображенской шахте вода приводила в действие верхнебойное колесо рудоподъемной машины, которая доставляла руду с глубины от 45 до 102 м [3, с. 64–68]. В течение часа поднималось до 360 пуд. руды.

От водяного колеса Преображенской шахты вода подступала в галерею длиной 128 м, ведущую к Екатерининской шахте. Здесь работало самое большое колесо не только в России, но и в мире того времени диаметром 17 м. Оно приводило в действие ряд насосов, откачивающих воду с глубины 213 м. Затем вода по подземному каналу протяженностью более 400 м поступала на Воскресенскую шахту. В общей сложности вода, пройдя 2 км и выполнив огромную работу, сбрасывалась в р. Змеевку ниже плотины [3, с. 71].

Змеиногорская гидросиловая установка достигла высокой эффективности. Если за предшествующее десятилетие до ее создания добыча серебра на руднике упала с 1035 до 378 пуд., то за первое десятилетие ее функционирования она увеличилась до 1091 пуда [3, с. 60, 78]. То есть новая техника сполна компенсировала потери прежних лет, связанные с истощением запасов и стала высшим достижением сибирской энергетики мануфактурного периода. Грандиозное сооружение выдающегося сибирского гидротехника работало многие годы и занимало первое место в мире по своим масштабам и сложности. По призна-

нию современников, оно превосходило самые знаменитые королевские фонтаны в Марли (близ Парижа).

В эпоху водяного колеса основным транспортным средством были реки, по которым шли караваны примитивных судов-дощаников с парусами и гребницами, а иногда их тянули бурлаки. В составе парусно-гребного флота, по сведениям 1851 г., по Оби и Иртышу и их притокам прошло 495 дощаников и барок, а также 3088 плотов. При этом надо иметь в виду, что отдельные суда принимали на борт до 10 тыс. пуд. груза [4, с. 73, 88]. Следовательно, на начальном этапе индустриального освоения Сибири в помощь мускульным усилиям человека и животных пришли силы природы, в частности рек, ставших новым энергетическим фактором развития промышленности и транспорта.

Особенно широкое развитие гидроэнергетика получила на Урале. По свидетельству В.С. Данилевского, к концу 60-х г. XVIII в. здесь существовало 156 казенных и частных заводов. Все они имели гидросиловые установки [2, с. 28]. Этому предшествовали многочисленные опыты, начиная с первой трети XVII в. В 1635 г. был пущен первый в России Пыскорский (в Прикамье) казенный медеплавильный завод. При нем на р. Пыскорке стояла плотина длиной около 70 м, обеспечивавшая водой «мельничное немецкое колесо», которое приводило в действие меха плавильных горнов [5, с. 277].

На рубеже XVII–XVIII вв. в связи с петровскими преобразованиями резко возрос интерес к уральской металлургии. Начали строиться крупные по тому времени металлургические заводы с более мощными вододействующими сооружениями. В 1701 г. уже действовали Каменский и Невьянский заводы с соответствующими вододействующими сооружениями. На каждом из них были сооружены плотины. В 1716 г. заводчики Демидовы первыми в России приступили к экспорту железа в Западную Европу, где оно быстро завоевало мировую славу. Вскоре вступили в строй Алапаевский и Уктусский чугуноплавильные и железоделательные заводы, и затем Кунгурский, Егошихинский, Полевской и другие заводы. В 1723 г. был пущен казенный, самый крупный в то время Екатеринбургский металлургический завод, который имел 50 верхнебойных водяных колес, приводивших в действие 22 молота, 107 воздуходувных мехов, 10 проволочных станов и другие механизмы. При нем состояло 611 мастеров и 5174 приписных государственных крестьян, занятых на заготовке леса и других вспомогательных работах [5, с. 297–298, 303]. К середине XVIII в. завод стал одним из крупнейших металлургических заводов Европы.

Вслед за первенцами металлургии активно развернулось строительство заводов с вододействующими сооружениями по всему Уралу. Гидротехнические сооружения позволили резко увеличить энергооборуженность заводов и их производительность. Огромные плотины с крупными водохранилищами обеспечивали мощные запасы гидроэнергии. Плотина Полевского завода протяженностью 960,1 м образовала пруд дли-

ной 15 верст, а Верхнейвенского завода при такой же длине имела высоту 8,5 м. Ее пруд разливался на 12 верст и соединялся с оз. Таватуй, образуя вместе с ним огромное водохранилище протяженностью 20 верст, шириной от 1,5 до 3 верст. В качестве двигателей использовали водяные колеса диаметром от 2,8 до 4,3 м, мощностью до 10–15 л.с. В конце XVIII в. на Невьянском заводе действовало 41 водяное колесо, Златоустовском – 59, Воткинском – 64 водяных колеса [5, с. 343–344].

Подсчитать общую мощность водяных колес в горнозаводской промышленности Урала трудно из-за отсутствия полной статистики по XVIII в., а в XIX в. в связи с появлением паровых двигателей их количество начало сокращаться. Сам же водный ресурс региона оставался неизменным и позволял решать не только промышленные, но и транспортные задачи. По р. Чусовой и дальше, по Каме и Волге, отправлялись караваны груженых металлом барок в Европейскую Россию и далее на Запад, вплоть до США. Эти аспекты в изучении энергетического фактора на Урале также необходимо учитывать.

Еще сложнее обстоит дело с учетом сожженного леса для древесно-угольной металлургии. Площади лесных угодий, закрепленных за заводами, можно определить, но установить, какая часть леса использовалась для строительства, а какая – была сожжена, невозможно, как нельзя измерить и объемы воды, пропущенные через водяные колеса заводов. Очевидно, что эти цифры чрезвычайно велики. Такая цена была «заплачена» природой за создание на Урале уникального металлургического комплекса мировой значимости и вступление России в сообщество индустриальных стран той эпохи. Собственные природные ресурсы и обеспечили ее успех, что имело историческое значение.

В самом деле, за вторую половину XVIII в. выплавка чугуна и выделка железа на Урале возросли в 5,5 раза. В 1800 г. он произвел 80,3 % чугуна, 88,3 % железа и 100 % меди от общероссийских показателей и обеспечил стране первое место в мире [5, с. 340]. В данной связи академик Е.В. Тарле сделал вывод: «Экстенсивная мощь русской империи является одним из важнейших и грандиознейших феноменов всемирной истории» [6, с. 122]. Между тем наступающая промышленная революция постепенно девальвировала этот феномен.

ПАРОВАЯ ЭНЕРГЕТИКА

На смену гидротехническим сооружениям Средневековья пришла паровая машина и демонстрировала совершенно иное устройство, принципиально отличающееся от естественных сил природы – мускульных усилий человека и животных, ветра и воды. Она стала энергетической базой промышленной революции, которая медленно разворачивалась в России, что повлияло на ее отставание от передовых стран Западной Европы.

На Урале одно из первых упоминаний об установке паровых двигателей относится к 1799 г., когда англичанин О. Гиллем на Гумешевском руднике установил паровую машину, а с 1804 г. на Юговском медеплавильном заводе работала паровая машина, изготовленная его соотечественником О. Меджером. С 1820-х гг. паровые двигатели стали играть более значимую роль. Ими были оборудованы рудники Богословских и Нижнетагильских заводов, а также предприятий Пермского горного округа.

Паровые двигатели стали применяться на водном транспорте, обеспечивающим основные перевозки грузов и пассажиров. В 1817 г. на Каме вышел в рейс первый пароход. С 1848 г. здесь началось постоянное пароходное сообщение. В 1834 г. братья Черепановы изобрели первый паровоз и проложили первую железную дорогу длиной 853 м, предназначенную для доставки руды с Высокогорского рудника на Выйский завод. Построенная в 1876–1878 гг. горнозаводская железная дорога соединила Пермь с Екатеринбургом, а Транссибирская железнодорожная магистраль соединила все уральские железные дороги общероссийской железнодорожной сетью. Пароходы и паровозы принципиально изменили транспортную ситуацию на Урале. Однако основным двигателем на металлургических заводах на протяжении всей первой половины XIX в. оставались водяные колеса.

В это время в связи со значительным истреблением лесных ресурсов начались затруднения с получением угля для выплавки металлов, поскольку на Урале в середине XIX в. ежегодно выжигалось 60 млн пуд. древесного угля [7, с. 180]. Трудно даже представить, сколько потребовалось для этого вырубить леса, а коксующийся уголь не был известен. Проблема леса остро дискутировалась. После перехода Англии на минеральное топливо металлургия не только Урала, но и США, Швеции продолжала работать на древесном угле. Д.И. Менделеев после поездки на Урал считал, что, если привлечь лесные ресурсы Тобольского Севера, то можно будет ежегодно получать, не истощая лесов, по 300 млн пуд. чугуна на древесном угле [8, с. 1018–1019].

Отставание технического прогресса, прежде всего в области внедрения паровых двигателей, затруднения с выжигом древесного угля и крепостнические трудовые отношения привели к кризису уральскую экономику. В результате к середине XIX в. Россия оказалась почти полностью вытеснена с мирового рынка металлов.

После отмены крепостного права, особенно с 70–80-х гг. XIX в., в связи с активизацией индустриально развитых стран началась систематическая реконструкция энергетического хозяйства уральских заводов. Водяные двигатели заменялись паровыми и электрическими. С 1860 по 1900 г. общая мощность двигателей на уральских металлургических заводах увеличилась вдвое, а удельный вес водяных двигателей сократился с 92,4 до 50,2 %, паровых – поднялся с 7,6 до 49,8 % [5, с. 430].

С начала XX в. темпы перехода на паровую энергетику резко возросли. С 1900 по 1910 г. мощность паровых двигателей поднялась со 30,1 тыс. до 42,4 тыс. л.с. – увеличилась почти в 1,5 раза, а водяных сократилась с 30,4 тыс. до 22,2 тыс. л.с., т.е. уменьшилась в той же пропорции. В 1910 г. удельный вес паровых двигателей достиг 61,9 %, а водяных сократился до 32,4 %. В 1914–1916 гг. средняя энерговооруженность одного уральского рабочего равнялась 1,55 л.с., а без учета вспомогательных рабочих – 2,4 л.с. (на юге России – 4,3 и 4,82 л.с.) [5, с. 491].

В целом развитие уральской металлургии имело широкие последствия: геоэкономические, социально-политические, культурно-исторические и другие, что требует специального изучения, но среди них есть одно, относящееся непосредственно к модернизационным аспектам: это возникновение городов-заводов – предшественников урбанизации: Нижнего Тагила, Невьянска, Каменск-Уральского, Ижевска, Златоуста и др. Некоторые из них по численности населения превышали губернские города.

В Сибири в 1764 г. алтайское горное начальство поставило вопрос о необходимости нового подхода к решению энергетической проблемы, так как гидроэнергетика перестала удовлетворять потребности производства Колывано-Вознесенских заводов. Механик Иван Ползунов предложил революционное решение – переход к паровой энергетике. В мае 1766 г. началось испытание его паровой машины [2, с. 84]. Она проработала 41 сутки и остановилась навсегда в связи со смертью ее изобретателя, а также косностью заводской администрации и дешевизной труда крепостных работников. Почти через 20 лет, в 1784 г. англичанин Джонсон Уатт получил патент на изобретение универсального парового двигателя, начавшего победное шествие по миру. О причинах такого поворота событий можно спорить, но отрицать хронологический факт первенства И.И. Ползунова не приходится.

Первые упоминания о практическом использовании паровых двигателей в Сибири относятся к началу XIX в., почти полвека спустя после изобретения И.И. Ползунова. В 1803 г. на Петровском металлургическом заводе в Забайкалье была установлена паровая машина, а на Гурьевском заводе паровой двигатель мощностью 5 л.с. появился лишь в 1859 г. С 1860-х гг. этот процесс ускорился, но до 1880-х гг. он сильно отставал от европейской части страны. Если здесь в обрабатывающей промышленности около 76 % предприятий использовали паровые машины, то в Сибири – только 25 % [9, с. 84].

Более активно промышленный переворот происходил в металлургической промышленности. В 1886 г. на Николаевском заводе дутье воздуха в домны производилось 50-сильной паровой машиной. На переделке чугуна в железо в качестве двигателей использовались водяное колесо в 80 л.с. и две паровые машины в 90 л.с. [10, с. 86–93]. В целом энерговооруженность оставалась слабой. В начале 1890-х гг. на всех заводах функционировало 18 паровых машин и локомотивов

мощностью 476 л.с., вододействующих колес было 25, турбин – 5 мощностью 585 л.с.¹

Еще медленнее осуществлялась перестройка в золотодобывающей промышленности. Накануне отмены крепостного права лишь на двух приисках применялись паровые машины. В 1870–1890-х гг. их количество заметно увеличилось. В 1896 г. в крае насчитывалось 17 приисков с паровыми машинами и водяными турбинами, но они давали 1/5 часть сибирского золота [9, с. 94]. Механизация золотодобычи в определенной степени была связана с трудностями доставки тяжелого парового оборудования на отдаленные прииски. Например, в условиях сибирской «золотой лихорадки» XIX в. на енисейские прииски из Англии сначала морем, а затем гужевой тягой по зимнику была доставлена пятитонная паровая машина для откачки грунтовых вод, подъема с большой глубины и измельчения золотосодержащей породы.

К середине 90-х гг. XIX в. в горной и горнозаводской промышленности Сибири насчитывалось 154 механических двигателя общей мощностью 2570 л.с., в том числе 75 паровых двигателей и турбин мощностью 1 594 л.с. [9, с.95]. Большую часть механической энергии поставляли водяные двигатели. К концу века водяная и паровая энергетика сравнивали свой вклад в механизацию производства.

В первые годы XX в. энерговооруженность сибирской промышленности выросла и в ряде случаев приблизилась к общероссийской. В 1908 г. на предприятиях обрабатывающей промышленности Сибири насчитывалось 358 паровых машин общей мощностью 10 564 л.с., на одного рабочего приходилось 0,82 л.с., тогда как в целом по стране – 0,95 л.с. [9, с. 176] Однако Сибирь в целом очень сильно отставала в области развития паровой энергетике от общероссийского уровня.

Завершая характеристику паровой энергетике в Сибири, нельзя не учитывать мощностей паровых машин на железнодорожном транспорте и речном пароходстве. Прежде всего необходимо воздать должное Транссибу, который стал уникальным творением модернизации и сыграл выдающуюся роль в геополитическом, социально-экономическом, демографическом и культурном развитии восточной макрзоны Российской империи. На нем функционировало свыше 1200 паровозов. Их общая мощность в пересчете на лошадиные силы составляла около 2 млн л.с., что не сопоставимо с общей мощностью механических двигателей всей сибирской промышленности. Железнодорожный транспорт дополнялся речным. В 1908 г. на реках и озерах Сибири насчитывалось 235 паровых судов [9, с. 174, 179].

Развитие паровой энергетике требовало все возрастающего количества энергоресурсов. Дровяное топливо переставало удовлетворять потребности промышленности и транспорта. Началось развитие

¹ Сборник статистических сведений о горнозаводской промышленности России в 1891 г. СПб, 1893. С. 178–181.

угледобычи. В 1908 г. выдали уголь шахты Анжеро-Судженского района в Западной Сибири и Черемховского в Восточной. В дальнейшем угледобыча стремительно развивалась.

Предпринимались попытки найти нефть в Сибири. Особым трагизмом и даже сенсационностью отличалась «Байкальская эпопея». В 1900 г. в дельте р. Селенги была пробурена скважина, которая дала признаки нефти. В дело включился местный горно-промышленник Э.А. Березовский, под эгидой которого развернулась нефтяная эпопея. С переменным успехом она продолжалась до 1918 г. В нее включились деловые люди и авантюристы всех мастей. Уже к весне 1902 г. было «застолблено» около 180 нефтеносных площадей. Они покупались и продавались по баснословным ценам. Крупный подряд получила французская фирма, которая настойчиво бурила берега Байкала вплоть до разгрома Колчака и установления советской власти, но не дождалась возжеланных фонтанов. И только в романе Жюль Верна «Михаил Строгов» осталась память об источниках нефти, которые «бьют ключом на поверхности земли». Реально сибирская нефть была обнаружена позднее и в другом месте [11, с. 34–41].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поэтапное рассмотрение энергетического потенциала Урало-Сибирского региона имперской России свидетельствует о его сопоставимости с российскими трендами. Вместе с тем они существенно различались из-за особенностей социально-экономического развития России и изучаемого периферийного региона, модернизационный процесс начался здесь параллельно с центром страны, а по ряду показателей, прежде всего энергетических, опережал его.

На первом (мануфактурном) этапе XVIII в. происходила замена физических усилий человека и животных энергией водяного колеса, которое облегчало наиболее трудоемкие процессы в первую очередь в горнозаводской промышленности и создавало предпосылки для индустриальной модернизации. Вододействующие сооружения более широкого распространения получили на Алтае и Урале, превышая масштабы и эффективность некоторых западных аналогов, что вместе с дешевизной труда крепостных крестьян обеспечивало конкурентоспособность сибирской и особенно уральской горнозаводской продукции на мировом рынке. В результате на рубеже XVIII–XIX вв. Россия за счет Урала вышла на первое место в мире по выплавке черного металла, который пользовался большим спросом на Западе, вплоть до США. Важную роль при этом сыграли бескрайние лесные ресурсы региона, гарантирующие бесперебойный выжиг угля для древесно-угольной металлургии, которая испытывала предельное истощение запасов леса в Западной Европе. Эти обстоятельства обеспечили относительный паритет России в мировом сообществе той эпохи.

На втором (фабрично-заводском, раннеиндустриальном) этапе в XIX в. в результате промышленной революции в Англии и изобретения парового двигателя ситуация кардинально изменилась. Переход от водяного колеса к паровой машине и минеральному топливу в России осуществлялся медленно, что тормозило технический прогресс и темпы модернизации. Страна начала заметно отставать от западного мира.

Такая динамика энергетического потенциала в совокупности с другими социально-экономическими факторами мало способствовала прогрессу модернизации. Она была далека от завершения вплоть до конца существования империи, особенно в такой далекой провинции, как Урало-Сибирский регион. Хотя на Урале с 1860 по 1900 г. в «силовом хозяйстве» доля паровых машин и усовершенствованных турбин поднялась с 13,6 до 81,5 %, он оставался традиционным обществом с явным преобладанием сельского населения. В 1897 г. в сельском хозяйстве было занято 81,5 % всего населения, а в промышленности – лишь 9,5, на транспорте и в прочих отраслях – 9 % [12, с. 17, 19].

Несмотря на относительно ранние и интересные опыты применения водяных и паровых двигателей, энергетическая база Урало-Сибирского региона вплоть до конца империи оставалась слабой, что тормозило его модернизацию и наоборот – медленные темпы модернизации не требовали более интенсивного развития энергетики. Вместе с тем, можно утверждать, что энергетический фактор модернизации сыграл важную роль в ее развертывании на далекой окраине государства и стал одной из существенных новаций в данном процессе. Без него промышленное освоение региона не могло бы осуществляться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Словцов П.А.* История Сибири. От Ермака до Екатерины II. М.: Вече. 2006. 512 с.
2. *Данилевский В.С.* История гидросиловых установок в России до XIX в. М.; Л.: Госэнергоиздат, 1940. 263 с.
3. *Виргинский В.С.* Замечательные русские изобретатели Фроловы. М.: Машгиз, 1950. 152 с.
4. *Копылов Д.И.* Судостроение Западной Сибири в XVIII – первой половине XIX вв. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск: ИФ СО АН СССР, 1978. С. 73–88.
5. *Алексеев В.В., Гаврилов Д.М.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 886 с.
6. *Тарле Е.В.* Запад и Восток: статьи и документы из истории XVIII–XIX вв. Пг., 1918. 218 с.
7. *Фелькнер Ф.И.* Новый способ углежжения, введенный на Суксунских горных заводах // Горный журнал. 1845. Ч. 2, кн. 5. С. 180.
8. *Менделеев Д.И.* Сочинения. М.; Л.: АН СССР, 1949. Т. 12. 1094 с.
9. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука, 1982. 459 с.
10. *Вагин В.И.* Николаевский железодельный завод // Известия ВСОРГО. 1889. Т. 18. С. 86–93.
11. *Алексеев В.В., Ламин В.А.* Прометеи сибирской нефти. Свердловск: Средне-Уральск. кн. изд-во, 1989. 288 с.
12. История народного хозяйства Урала (1917–1945). Свердловск: УрГУ, 1988. Ч. 1. 250 с.

REFERENCES

1. *Slovstov P.A.* History of Siberia. From Ermak to Catherine II. Moscow, Veche, 2006, 512 p. (In Russ.)
2. *Danilevskiy V.S.* The history of hydraulic power plants in Russia until the XIX century. Moscow; Leningrad, Gosenergoizdat, 1940, 263 p. (In Russ.)
3. *Virginskiy V.S.* Frolovs, remarkable Russian inventors. Moscow, Mashgiz, 1950, 152 p. (In Russ.)
4. *Kopylov D.I.* Shipbuilding in West Siberia in the XVIII - first half of XIX centuries. *Promyshlennost' i rabochie kadry dosovetskoj Sibiri.* Novosibirsk, 1978, pp. 73–88. (In Russ.)
5. *Alekseev V.V., Gavrilov D.M.* The Urals metallurgy from ancient times to the present day. Moscow, Nauka, 2008, 886 p. (In Russ.)
6. *Tarle E.V.* West and East: articles and documents from the history of the XVIII–XIX centuries. Petrograd, Byloe, 1918, 218 p. (In Russ.)
7. *Felkner F.I.* A new way of charcoal introduced at the Suksun mining plants. *Gornyy zhurnal*, 1845, pt. 2, bk. 5, p. 180. (In Russ.)
8. *Mendeleev D.I.* Works. Moscow; Leningrad, AN SSSR, 1949. vol. 12, 1094 p. (In Russ.)
9. *Goryuskin L.M. (ed.)* The working class of Siberia in the pre-October period. Novosibirsk, Nauka SO, 1982, 459 p. (In Russ.)
10. *Vagin V.I.* Nikolaev ironworks. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo Otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*, 1889, vol. 18, pp. 86–93. (In Russ.)
11. *Alekseev V.V., Lamin V.A.* Prometheus of Siberian oil. Sverdlovsk, Sredne-Ural. kn. izd-vo, 1989, 288 p. (In Russ.)
12. *Sergeev M.A. (ed.)* The economy history of the Urals. Pt. 1. 1917–1945. Sverdlovsk, UrGU, 1988, 250 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.03.2020

Дата рецензирования 06.04.2020

Статья принята к публикации 28.05.2020

DOI: 10.15372/HSS20200311
УДК 94(571.5)“1885/1893”

Н.П. МАТХАНОВА

**ХАБАРОВСКИЕ СЪЕЗДЫ «СВЕДУЩИХ ЛЮДЕЙ»
И ПРИАМУРСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР А.Н. КОРФ:
ПОИСКИ КАНАЛОВ КОММУНИКАЦИИ
МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ И ОБЩЕСТВОМ В ИМПЕРСКОЙ РОССИИ***

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье рассматривается история хабаровских съездов «сведущих людей», созывавшихся в 1885, 1886 и 1893 гг. первым приамурским генерал-губернатором А.Н. Корфом. Сам Корф и ряд его приближенных квалифицируются как чиновники-интеллектуалы. Характеризуется роль совместной деятельности генерал-губернатора и интеллектуалов региона в создании Программы развития Приамурского края. Показано отношение к съездам представителей местной интеллигенции, отразившееся в публикациях в дальневосточных и сибирских газетах, зафиксированное в дневнике одного из выдающихся местных интеллектуалов А.В. Кириллова. Сделан вывод о том, что съезды «сведущих людей» стали коммуникационной площадкой – местом для обмена мнениями и знаниями между представителями административной, деловой и интеллектуальной элит региона.

Ключевые слова: власть и общество, коммуникации, съезды «сведущих людей», чиновники-интеллектуалы, интеллектуальный лидер, Дальний Восток России, А.Н. Корф.

N.P. MATKHANOVA

**MEETINGS OF “WELL-INFORMED PEOPLE” IN KHABAROVSK
AND THE PRIAMUR GOVERNOR-GENERAL A.N. KORF:
SEARCHING OF COMMUNICATION CHANNELS BETWEEN THE AUTHORITY
AND SOCIETY IN IMPERIAL RUSSIA**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The most important problems in the history of Russia, including its imperial period, is a problem of implementing dialogue between the authority and society providing communication channels between administration and intelligentsia. The article considers an original form of such communication – meetings of the «well-informed people» initiated by Priamur Governor-General A.N. Korf. The analysis is carried out within several problematic areas: administrating, intellectual and personal histories. The main sources are records management documents (reports, «Program of Priamur General Governorship Development»), press materials, ego-documents. A.N. Korf and his entourage are defined as intellectual officials. The author argues in favor of such characteristics based on the governor-general's deep understanding of economic, geopolitical and sociocultural situation in the region, ways of its development, his awareness of the need to study the region and his various actions to this direction. The paper focuses on A.N. Korf's initiative to organize meetings of «well-informed» people as a communication channel between the power and society. The paper lists key issues studied during these meetings, characterizes the ways they were organized, the debate proceedings and their participants. The article shows the local intelligentsia's perception of these meetings reflected in the materials published in the Far Eastern and Siberian newspapers, as well as in the diary by A.V. Kirillov, an outstanding local intellectual. The author concludes that the meetings of «well-informed people» have become a communication platform, or a place where members of regional administration, business and intellectual elites could exchange their ideas and knowledge; emphasizes the role of joint activities of the governor-general and local intellectuals aimed to create the Program of Priamur Region Development.

Key words: authority and society, communications, “well-informed people” meetings, officials-intellectuals, intellectual leader, Russian Far East, A. N. Korf.

*Статья подготовлена при финансовом содействии РФФИ, проект «Интеллектуальный лидер и его окружение: формирование социокультурной идентичности», № 18-00094а.

Наталья Петровна Матханова – д-р ист. наук, главный научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: isto-chnik_history@msil.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2155-2982>.

Natalya P. Matkhanova – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

Тема статьи находится на стыке нескольких проблемных полей: история управления, интеллектуальная история, персональная история.

Возможности и формы диалога власти и общества, в частности взаимоотношения власти и интеллигенции, неизменно присутствуют в поле исследовательских интересов гуманитариев. Обычно рассматривались ситуации конфликта, но в последние годы эта традиция размывается (см. [1, 2, 3]). При всем внимании историков к данной теме такая ее составляющая, как деятельность и судьбы *чиновников-интеллектуалов*, все еще мало изучена. Используется термин «интеллектуалы», так как он менее нагружен добавочными смыслами. К этой категории принадлежали и некоторые деятели администрации. Они занимались высокоинтеллектуальным трудом по изучению, анализу, обобщению информации, подготовке серьезных управленческих решений и проектов, определявших направление развития региона или отдельных сфер его жизни (общую характеристику проблемы и обзор литературы см. [3]). Многие генерал-губернаторы Сибири и Дальнего Востока отличались высоким уровнем интеллекта, способствовали изучению региона, участвовали в этом процессе: Н.Н. Муравьев-Амурский, Н.Г. Казнаков, Д.Г. Анучин, А.Н. Корф, С.М. Духовской, Н.Л. Гондати, Н.И. Гродеков, П.Ф. Унтербергер и др.

Первый приамурский генерал-губернатор барон А.Н. Корф был одним из выдающихся государственных деятелей, сыграл заметную роль в процессе инкорпорации российского Дальнего Востока в состав империи. О нем неоднократно писали многие отечественные и зарубежные историки [4, с. 55–80; 5, с. 71, 76, 80; 6, с. 282–316; 7; 8, с. 134–136; 9, с. 55–58; 10, с. 318–322; 11, с. 27, 37, 94, 96; 12]. В настоящей статье рассматривается вопрос о попытке А.Н. Корфа найти новый канал коммуникации с обществом, использовать опыт и знания его представителей для лучшего осуществления управленческих задач, защиты государственных и национальных интересов России.

А.Н. КОРФ КАК ЧИНОВНИК-ИНТЕЛЛЕКТУАЛ

Корф проявлял глубину понимания экономического, геополитического, социокультурного положения региона и путей его развития. Он осознавал, что «этот новый, мало еще изведанный край» принадлежит «ныне нашему отечеству более географически, нежели фактически», что пока «главное и существенное значение края для империи исключительно политическое». При этом прочные позиции России в Азии, особенно на Дальнем Востоке, не менее важны, чем укрепление ее европейских границ, и могут серьезно повлиять на вес империи в международных делах¹. Немало усилий было предпринято им для изучения обширного региона. «Он не только посылал... своих личных по-

рученцев в самые отдаленные уголки генерал-губернаторства, но и сам каждое лето совершал длительные поездки, выслушивая донесения всех тех, кого считал людьми сведущими» [13, с. 254]. Корф поддержал создание Общества изучения Амурского края [8, с. 136]. В его кадровой политике заметно стремление привлечь и использовать знающих, образованных и ценящих эти качества людей. Такими были и И.П. Надаров, и Ф.Ф. Буссе, и П.Ф. Унтербергер, они занимались исследованиями региона, писали о нем и публиковали свои труды [8, с. 201–202; 14, с. 103–11; 15; 16], Н.А. Крюков (впоследствии секретарь-делопроизводитель Третьего съезда и автор отчета о нем). Но действия Корфа не ограничивались выявлением и продвижением выдающихся чиновников и офицеров. Он считал важной задачей «образовать» путем создания и развития на Дальнем Востоке учебных заведений «местных интеллигентных деятелей, которые и по рождению, и по воспитанию будут всецело принадлежать краю»².

СЪЕЗДЫ «СВЕДУЩИХ ЛЮДЕЙ» – КАНАЛ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

В первом отчете А.Н. Корф писал, что не только изучить огромный край, «но действительно хоть несколько с ним ознакомиться на основании единоличных наблюдений значило бы повторить ошибку, в которую так часто впадают разные туристы» [17, с. 1]. Именно так он обосновывал инициативу *созыва «съездов сведущих людей»*. Довольно подробно деятельность первого приамурского генерал-губернатора, программы, организация и результаты «съездов сведущих людей» были проанализированы в работах таких известных специалистов, как Н.И. Дубинина, А.В. Ремнев, Н.А. Троицкая, в диссертациях и статьях А.М. Игнатова, Ю.Н. Поповичевой, А.Ю. Мальцева, М.Х. Яргаева и др. [4, с. 58–60; 5; 6, с. 290–299; 7; 18; 19; 20; 21; 22]. Наиболее обстоятельно осветил вопрос А.В. Ремнев, который отметил, что Корф был не только инициатором созыва съездов, он руководил составлением их программ, председательствовал на пленарных заседаниях, участвовал в работе многих комиссий [6, с. 282–293; 18].

Историки задавались и вопросом об истоках идеи съездов. Выдвигались различные гипотезы – от влияния друга А.Н. Корфа, генерала О.Б. Рихтера [6, с. 282] до сравнения их с военными советами³. Между тем и сам термин «сведущие люди», и практика привлечения их для консультаций не были чем-то совершенно новым. «Из среды дворянства “сведущие люди” приглашались в состав Редакционных комиссий, от земств и городов – при обсуждении Устава о воинской повинности 1874 года» [23, с. 212]; М.Т. Лорис-Меликов в знаменитом докладе 28 января 1881 г. предлагал привлекать, приглашать в задуманные им временные подготовитель-

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 55. Л. 17.

³ *Кутузов М.* Андрей Николаевич Корф. Первый из восьми... // URL: http://www.Cossack.dom.comp/personal/kutuzov_korf.htm (дата обращения: 17.09.2019)

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 60. Д. 55. Л. 4–4об.

ные комиссии «сведущих и благонадежных служащих и неслужащих лиц, известных своими специальными трудами в науке или опытностью»⁴ [24, с. 545]; министр внутренних дел Н.П. Игнатьев в 1881 г. созывал «сведущих» людей для обсуждения важных вопросов [23, с. 431, 432], чтобы «привлечь общество к содействию правительству», преодолеть «расхождение власти и общества», обсуждать при их участии «широкий круг местных реформ» [25, с. 25, 26, 39, 51].

Ссылки Корфа на местные нужды и условия не были прикрытием и отговоркой. Как справедливо утверждал А.В. Ремнев, а затем Н.И. Дубинина и М.Х. Яргаев, съезды созывались с вполне конкретной задачей – «выработка программы освоения Дальнего Востока» [5, с. 80; 6, с. 282; 22, с. 20].

До сих пор не ставился вопрос о роли этих съездов как коммуникационных площадок. Они стали местом встречи и совместной работы представителей власти и интеллигенции. А. Кейзерлинг вспоминал, что генерал-губернатор приглашал «представителей всех сословий и профессий», чтобы «доложить о своих планах и проектах, обсудить их и услышать новые предложения и идеи» [13, с. 254].

Участников съездов никто не выбирал, их приглашал сам Корф. Как и в созывавшихся в Петербурге совещаниях, в Первом хабаровском съезде участвовали губернаторы Приамурского края и «несколько частных лиц, занимающихся в разных частях края сельским хозяйством, промыслами и торговлею» [17, с. 1]. В речи на Первом съезде Корф подчеркивал: «Вы – не представители какого-нибудь сословия, не земские выборные, не члены представительного собрания. Между ними и вами – огромная разница: те – выборные, вы избранные. Постановления тех обязательны, мы даже не будем делать каких-либо постановлений»⁵. Мысль о советском характере собраний генерал-губернатор повторил, обращаясь к участникам Второго съезда [17, с. 1–2]. Та же линия проводилась и Н.П. Игнатьевым при организации совещаний «сведущих людей» [23, с. 431; 25, с. 51].

А.В. Ремнев заметил, что в телеграмме О.Б. Рихтеру «Корф высказал и некоторые опасения по поводу своей инициативы – созыва Первого съезда, зная негативное отношение царя к всякого рода представительным учреждениям: “Боюсь, газеты перетолкуют, предупреждаю во избежание недоразумений. Телеграфирую впечатление”» [6, с. 283]. Духом оправдания и опасения веет и от телеграммы генерал-губернатора министру внутренних дел после Второго съезда: «Съезд, проработав 23 дня, окончился. Результатами я чрезвычайно доволен. Ясно понимаю теперь многое в крае. Съезд был крайне сдержан. Все просимое весьма благоразумно»⁶. Эти опасения Корфа становятся понятнее, если вспомнить, что не прошло и трех лет

после снятия Игнатьева с министерского поста именно за попытки (реальные или мнимые) введения неких форм представительства и только что случившегося закрытия привлекавшей экспертов Кахановской комиссии [26, с. 219].

На съезды приглашались не только губернаторы и главы местных военных и гражданских управлений, но и представители деловой и интеллектуальной элиты. Необычным было присутствие именно интеллектуалов – людей знающих, опытных, нередко образованных. В числе 80 участников Третьего, самого многочисленного, съезда было 25 преподавателей и 10 преподавателей, агрономов, лесничих, инженеров (подсчитано по: [27, с. 1–2]). Говоря об интеллектуалах рассматриваемого периода, во-первых, следует учитывать, что большая часть врачей, преподавателей, агрономов, инженеров, землемеров, лесничих и представителей иных интеллигентных профессий состояла на государственной службе. Во-вторых, с полным основанием к интеллектуалам можно отнести и людей, не имевших специального высшего образования, но хорошо информированных, занимавшихся творческим интеллектуальным трудом, в том числе исследованиями. Не случайно в названии съездов фигурирует слово «сведущие».

Были среди участников съезда люди, далекие от административной деятельности, например, А.В. Кириллов – педагог, журналист, общественный деятель, автор ряда научных и публицистических работ. В одной из подготовленных им к печати заметок передано впечатление от объявления о Первом съезде: «На этот раз администрация отказывается от своих излюбленных канцелярских приемов и виц-мундирских проектов и желает слышать голос людей, заинтересованных краем и знакомых с его нуждами и потребностями. Доброе желание и в добрый час! Но... наше общество – та часть его, которая именуется интеллигенцией, – состоит из чиновников и коммерсантов», от которых нельзя ждать помощи⁷.

Третьему съезду, участником которого был Кириллов, посвящено особое его сочинение⁸. В нем имеются детали и наблюдения, отсутствующие в официальном отчете. Во-первых, показано значение не только заседаний, но и неизменных балов, спектаклей, приемов и т.п. Запись о парадном обеде в день открытия включает рассказ правителя канцелярии о баронессе С.А. Корф как сотруднице генерал-губернатора, «особенно в деле постройки железной дороги»: «Когда сам барон бежал с утра до ночи по разным канцеляриям, хлопоча о проведении реформ, она ... хлопотала и проводила мысль о необходимости реформ в петербургских гостиных – салонах»⁹. Во-вторых, излагая ход дискуссии в комиссии по земледелию, Кириллов подчеркивает, что почти все выступали за частное землевладение и только он отстаивал общину. Затем он до-

⁴ Понятно, что идеи и планы М.Т. Лорис-Меликова были гораздо серьезнее и значительнее.

⁵ Съезд губернаторов и др[угих] представителей в Хабаровке // Владивосток. 1885. № 8, 24 февр.

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 45, 1884 г. Д. 38. Л. 24.

⁷ Кириллов А.В. Журнал-дневник № 2, с 1878 по 1889 гг. // РГИА. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 229. Л. 896 об.

⁸ Кириллов А.В. 1893 год. Хабаровские заметки и впечатления // РГИА. Ф. 1638. Оп. 1. Д. 213.

⁹ Там же. Л. 4 об.

бавляет: на общем собрании 28 января генерал-губернатор специально просил высказываться откровенно ввиду важности вопроса, и полемика возобновилась. А позже Корф сказал Кириллову: «Поддерживайте, поддерживайте; это хорошо; у нас так образовалось – правая (разум[еется] сторона) говорит, а левая молчит»¹⁰. С этим высказыванием коррелирует дважды встречающееся в тексте неожиданное слово «парламент» применительно к общим собраниям съезда («Вечером, с 6-ти часов, открылся парламент»; «Парламент разошелся в половине 11-го часа»¹¹). Слова «парламентское красноречие» появились и в печати при освещении работы Первого съезда. Понятно, что преувеличивать значение употребления этого слова не следует, и все же оно неожиданно. В-третьих, подводя итоги съезда, Кириллов подчеркивал, что результатов работы нет, есть только надежда на них, и что сам Корф высказался именно в таком духе и указал, что много узнал и изучит все предложения¹².

И сам Кириллов, и автор отчета Н.А. Крюков подчеркивали склонность большинства представителей управления и самого Корфа к поддержке частной собственности – это противоречит тезису А.М. Игнатова о том, что «высшая администрация выступала как сторонник общины» [19, с. 12]. На Третьем съезде Корф заявил: «Только собственность может крепко привязать человека к земле», но склонился к отсрочке принятия окончательного решения по этому вопросу, заняв примирительную позицию [27, с. 24, 28]. Представляется ошибочным (хотя и объяснимым условиями советской эпохи) и другой вывод А.М. Игнатова – о том, что «представители высшей администрации выступали с позиций консерватизма», а «местная прогрессивная общественность» стремилась к развитию края «при помощи железных дорог, улучшения дела переселения, торговли» [19, с. 11].

Необычным и важным явлением стали *публикация и обсуждение материалов съезда*. Первоначально материалы Первого и Второго съездов печатались в единственной тогда местной газете «Владивосток»¹³, а затем – отдельными изданиями [15; 28]. В газетах, в том числе в «Восточном обозрении», появлялись отклики на происходившее во время заседаний, продолжалась начатая там полемика. Представители образованного общества вели дискуссии между собой и с деятелями администрации.

Сразу после появления информации о созыве Первого съезда на нее откликается газета «Владивосток». В редакционной статье первого номера одобрялась сама идея: «...администрация... показала свое разрешение и желание гласного обсуждения поднимаемых ею вопросов»¹⁴. В то же время подчеркивалось, что, предлагая готовые вопросы, власть «не интересуется

знать, своевременно или нет возбужден ею тот или другой народившийся вопрос»¹⁵. Критика была адресована не только власти. Автор корреспонденции в другом номере писал о «неподготовленности торгующего и промышленного класса к гласности, обсуждению общественных дел». Он указывал и на «недостаточное знакомство» с обсуждавшимися вопросами, и на «непривычку говорить публично». Снова и снова корреспондент подчеркивал: «...публичное словоговорение – искусство в Европейской России новое, – в Сибири совершенно неизвестно», «затруднялись высказываться» именно «старожилы края, знающие его хорошо». Молчавшие во время заседаний члены съезда в кулуарах «очень дельно и толково доказывали своим знакомым пользу или вред той или другой меры». Подобная ситуация была предсказуема – ни члены, ни председательствовавший генерал-губернатор и не ожидали «встретить в заявлениях парламентское красноречие»¹⁶.

Как уже отмечалось, дискуссии продолжались на страницах печати. Так, доктор Ф.И. Фейгин, И.П. Надаров и городской голова Владивостока И.О. Маковский полемизировали по поводу порто-франко¹⁷. Вообще и на съезде, и после него долгими, бурными и обстоятельными были дискуссии по аграрному вопросу и о целесообразности введения порто-франко.

В целом *интеллигенция отнеслась к инициативе генерал-губернатора с большим вниманием и нередко одобрением*. В авторитетном общесибирском органе – газете «Восточное обозрение» – подробно рассказывалось о ходе работы уже Второго съезда. Материалы на эту тему помещены в нескольких номерах за 1886 г.¹⁸

К Третьему съезду «Восточное обозрение» отнеслось с еще большим вниманием. Горячо одобряется сама идея: «Съезды для обсуждения общественных вопросов – мера новая в Сибири, мера крайне симпатичная, много обещающая в будущем»¹⁹. Программа и работа съезда освещались в серии редакционных и авторских статей. Повторяется мысль, уже высказывавшаяся по поводу Второго съезда: поднимается «целый ряд капитальнейших вопросов», большой заслугой будет уже их постановка и сбор материала. Представленное на съезде не только презентовалось в газете²⁰. Поднятые вопросы и их обсуждение послужили поводом и основой для печатавшихся почти весь год статей, посвященных разным актуальным темам: китайский, «манзовский» и корейский вопросы, промышленность в целом и золотопромышленность, пушной и рыбный промыслы и т.д.²¹ При этом подчеркива-

¹⁵ Владивосток. 1885. № 1, 3 янв.

¹⁶ Там же. № 6, 10 февр.

¹⁷ Там же. № 15, 29, 30, 31; Восточное обозрение. 1886. № 9, 12 и др.

¹⁸ Восточное обозрение. 1886. № 8, 9, 12, 21–24, 26 и др.

¹⁹ Там же. 1893. № 4, 24 янв.

²⁰ По поводу Третьего Хабаровского съезда [также под названием Третий хабаровский съезд] // Восточное обозрение. 1893. № 3, 17 янв.; 4, 24 янв.; № 5, 31 янв.

²¹ Восточное обозрение. 1893. № 15, 27, 30–33, 36, 37, 41, 42, 44, 45.

¹⁰ Кириллов А.В. 1893 год... Л. 13 об., 16 об.

¹¹ Там же. Л. 11 об.–13 об.

¹² Там же. Л. 20 об., 22.

¹³ [Надаров]ъ [И. П.] Съезд губернаторов и других представителей в Хабаровке // Владивосток. 1885. № 6–15; С Хабаровского съезда [Съезд в Хабаровке] // Владивосток. 1886. № 6, 9–17, 20–30.

¹⁴ Владивосток. 1885. № 1, 3 янв.

лось, что «амурский край еще недостаточно изучен», и при положительной оценке действий приамурского генерал-губернатора, пытавшегося собрать «фактические данные» от «сведущих людей», все же этого недостаточно, «нужен упорный, продолжительный труд специалистов, привычных к делу работников»²².

Практика публикации материалов съездов, их обсуждения в периодике дополнялась изданием информационных обзоров. В первом из них была высказана важная мысль, вероятно, исходившая от самого генерал-губернатора: «...только теперь, после относительно продолжительного опыта и ряда исследований, земли эти и их средства можно считать выяснившимися настолько, чтобы... не рискуя впасть в грубую ошибку... обрисовать, хотя в общих чертах, будущность этой обширной нашей окраины и определить верно ее значение для России» [29, с. II].

Подобный подход свидетельствует о понимании Корфом значения самого исследования региона для эффективного управления. В отчете генерал-губернатор писал о Втором съезде: «После 23-х дневных совещаний, или, правильнее, проверки и обобщений сведений отдельных членов съезда, не только я, но и все приглашенные на съезд получили правильный взгляд на край. Им так же, как и мне, стало ясно, что краю нужно... Цель и значение будущих мероприятий администрации, чрез посредство их, сделаются ясными всему краю, в котором они распространят все, что узнали на съезде» [17, с. 2]. Бросаются в глаза необычные рассуждения о том, что действия администрации должны быть понятны управляемым. Корф признавал полезным результатом само выяснение сути проблемы, даже если не находилось удовлетворительного ее решения [27, с. 6]. Чаще всего, основываясь на мнениях «сведущих людей», он делал вывод о необходимости дополнительных исследований [15, с. 67; 27, с. 34].

Близка к методам интеллектуалов, хотя носит неизбежный отпечаток привычных для бюрократии шаблонов, система действий Корфа в преддверии съездов и на них. Съезды готовились: рассылалась программа и письма, в которых будущим участникам предлагалось подготовить и привезти с собой фактические материалы по поставленным вопросам. Во время работы комиссий им предлагались заранее подготовленные канцелярией и другими административными органами материалы и проекты решения. Участникам Третьего съезда было предложено 55 вопросов, разбитых на пять разделов и соответственно рассматривавшихся в пяти комиссиях (отделениях). Профильные комиссии возглавили специалисты. Их зачитывал председатель комиссии, затем они обсуждались. По итогам вырабатывалось мнение комиссии, оно оглашалось на пленарном заседании, где снова высказывались разные точки зрения. На пленарных заседаниях председательствовал сам генерал-губернатор, который присутствовал и на многих заседаниях комиссий. Председатель подводил

итоги обсуждения и предлагал выбрать голосованием из нескольких предлагавшихся им на основе дискуссии вариантов более приемлемый, нередко компромиссный. Так, подводя итоги бурной и долгой дискуссии на Втором съезде о выборе между частным и общинным землевладением, генерал-губернатор предложил «на баллотировку членов съезда» пять вариантов решения и утвердил набравшее большинство голосов: отложить «до указания опыта» [15, с. 34].

Основной задачей была подготовка программы действий на несколько лет. Уже в первом отчете Корф докладывал императору, что без «твердо установленной программы действий... каждый новый приамурский генерал-губернатор может проводить в жизнь свои особые воззрения, преследовать совершенно другие цели, чем его предшественники и преемники, и ни одно правительственное мероприятие, направленное к благу края, не успеет окрепнуть и принести плодов» [17, с. 51].

Н.И. Дубинина, подводя итоги многолетнему и плодотворному изучению биографий и деятельности глав дальневосточной администрации, указывала, что ими «была выдвинута и обоснована идея о внедрении в управление генерал-губернаторством программного начала» [5, с. 80]. А.В. Ремнев подчеркивал, что важным «результатом работы съездов стал проект комплексной программы деятельности приамурской администрации, рассчитанной на 8 – 10 лет» [6, с. 291].

В 1887 г. такая программа была представлена на высочайшее имя. Корф понимал, что главное препятствие для ее принятия и реализации заключается в неизбежности новых расходов. В каждом пункте программы он называл требуемые на их осуществление деньги и заключил своеобразным итогом: общая сумма может составить в среднем 451 357 руб. 77 коп. в год. Но в настоящее время – указано далее – ежегодно в казну от Приамурского края поступает 4 205 тыс. руб., а расходы «собственно на край» составляют 3 482 тыс.²³ Более того, «уже теперь содержание собственно края, – подчеркивал он, – кроме войск и каторги, составляющих не исключительно местную, а общегосударственную потребность, оплачивается всецело и с некоторым даже избытком... доходами от самого края»²⁴. Нечто похожее утверждали генерал-губернаторы Восточной Сибири М.С. Корсаков, Н.П. Синельников, Д.Г. Анучин [30].

Как и опасался А.Н. Корф, Министерство финансов отвергло его проект. Парадоксально, но в отзыве министра И.А. Вышнеградского, фактически наложившего вето на его осуществление, адекватно отражен комплексный и всеохватывающий характер программы. В нем выделено главное: «Во-первых, провести по краю на весьма значительном протяжении железные дороги и улучшить другие пути сообщения; во-вторых, соорудить целую морскую флотилию; в-третьих, значительно усилить военную оборону; в-четвертых, преобразовать административные и судебные учреждения; в-пятых, принять все меры к поземельному

²² По поводу третьего хабаровского съезда // Восточное обозрение. 1893. № 4, 24 янв.

²³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 55. Л. 51–51 об.

²⁴ Там же. Л. 3.

устройству сельского населения, а также к лучшему удовлетворению потребностей жителей по учебной и духовной частям; в-шестых, заселить всю пограничную часть Приамурского генерал-губернаторства казаками и вообще привлечь в этот край значительное число русских переселенцев; в-седьмых, улучшить и пересмотреть законы о ссыльных; и проч.»²⁵. Признавая, что «все эти реформы весьма желательны», министр финансов считал, что нет смысла осуществлять их в комплексе, а следует производить постепенно, «в обыкновенном порядке, т.е. по мере поступления подробных и обстоятельных ходатайств... и сообразно возможности удовлетворять их по состоянию средств государственной казны»²⁶. Таким образом, игнорировалась основная идея составителей программы – взаимосвязь предлагаемых преобразований.

Трудно сказать, был ли сам А.Н. Корф автором программы. Понятно, что, как и любой документ подобного рода, она стала плодом труда многих его подчиненных. Но все, что известно о его характере и управленческом стиле, предполагает с его стороны активность, заинтересованность и интеллектуальное руководство. Это мнение увязывается с общей характеристикой генерал-губернатора в местной печати: «В управлении он был сторонником личной инициативы и во время управления действительно обнаруживал большую энергию и замечательную настойчивость в осуществлении проектируемых мер»²⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что реализация комплексной программы развития Приамурья центром была отвергнута, некоторые из ее составляющих были позже осуществлены. Имела продолжение и идея Корфа о сближении власти с интеллектуалами региона и использовании их предложений. Хотя при первых его преемниках съезды сведущих людей не проводились (Четвертый съезд собрал только генерал-губернатор Д.И. Суботич в 1903 г.), но при Н.И. Гродекове были образованы «комиссии из сведущих лиц», выполнявшие те же консультативные функции [31, с. 7].

Но главное было в другом – Программа деятельности администрации и развития Приамурского края составлялась с учетом результатов работы первых двух съездов, многое в ней точно соответствовало высказываниям «сведущих людей». Ряд направлений политики и практических мер, принимавшихся самим Корфом и его преемниками, также основывались на идеях и мнениях интеллектуалов. Отчеты и записки А.Н. Корфа, подготовленные с учетом мнений «сведущих людей», убеждают в глубине, продуманности и непреходящем значении высказанных соображений.

Вряд ли позволительно говорить о какой-либо самостоятельной политике генерал-губернатора, но

нельзя не заметить, что методы Корфа в установлении диалога с местными интеллектуалами частично повторяли осужденную и отвергнутую верхами линию М.Т. Лорис-Меликова, Н.П. Игнатъева и М.С. Каханова. От петербургских совещаний хабаровские съезды отличались не только масштабом задач, но и количеством участников, их составом, представительностью. Съезды «сведущих людей» стали не просто новым каналом коммуникации, они стали *коммуникационной площадкой* – местом для обмена мнениями и знаниями между представителями административной, деловой и интеллектуальной элиты региона.

Все вышесказанное позволяет с известными оговорками квалифицировать А.Н. Корфа как *интеллектуального лидера*. Его деятельность по мобилизации сил местной интеллигенции для выявления проблем региона и путей их решения, создание и использование новых средств коммуникации власти и общества, разработка основанной на мнениях «сведущих людей» комплексной программы развития Приамурья, – все это позволяет констатировать, что Корф был не только и не просто администратором.

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю Д.А. Ананьева за его советы и помощь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боббио Н. Интеллектуалы и власть // *Вопр. философии*. 1992. № 8. С. 162–171.
2. Власть и интеллект в императорской России / сост. С.В. Тютюкин и А.В. Мамонов // *Отечественная история*. 2005. № 4. С. 3–93.
3. Матханова Н.П. Чиновники-интеллектуалы в Сибири XIX века // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История*. 2018. Т. 25. С. 21–35. DOI 10.26516/2222-9124.2018.25.21.
4. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Историко-биографический очерк. Хабаровск, 2001. 352 с.
5. Дубинина Н.И. Генерал-губернаторская власть в Приамурском крае: ее особенности и эволюция // *История и культура Приамурья*. 2007. № 1. С. 68–85.
6. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004. 548 с.
7. Троицкая Н.А. «Помочь просвещенным содействием» / *публ. речи А.Н. Корфа 20 января 1893 г.* // *Изв. Рос. гос. ист. архива Дальнего Востока*. Владивосток, 1996. Т. 1. С. 20–30.
8. Хисамутдинов А.А. Жизнь замечательных людей Владивостока, 1860–2010. Владивосток, 2010. 398 с.
9. Stephan J. The Russian Far East. A History. Stanford, 1994. 482 p.
10. Beer D. The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. L., 2017. 451 p.
11. Marks S.G. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia, 1850–1917. L., 1991. 240 p.
12. Matsuzato K. The Creation of the Priamur Governor-Generalship in 1884 and the Reconfiguration of Asiatic Russia // *The Russian Review*. 2012. Vol. 71, no. 3 (July), P. 36–390.
13. Кейзерлинг А. Воспоминания о русской службе / пер. с нем. К.А. Экштайна. М. 2001. 447 с.
14. Турмов Г.П., Калинин В.И., Аюшин Н.Б., Авиллов Р.С. По следам старой фотографии: семья Надаровых // *Россия и АТР*. 2015. № 1. С. 94–126.
15. [Надаров И.П.] Второй съезд губернаторов и других представителей в г. Хабаровке. Владивосток, 1886. 80 с.

²⁵ РГИА. Ф. 1284. Оп. 60. Д. 55. Л. 305 об–306.

²⁶ Так же. Л. 307–307 об.

²⁷ [Аноним] Амурский край и управление барона Корфа // *Владивосток*. 1893. № 16.

16. Калинин В.И., Аюшин Н.В. Губернатор (инженер-генерал П.Ф. Унтербергер) // Россия и АТР. 2000. № 2. С. 112–121.
17. [Корф А.Н.] Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 г. по июль 1886 г. СПб., 1886. 58 с.
18. Ремнев А.В. Проблемы управления Дальним Востоком России в 1880-е годы // Исторический ежегодник. Омск, 1996. С. 17–30.
19. Игнатов А.М. Общественно-политическая жизнь Дальнего Востока России в 1891–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
20. Поповичева Ю.Н. А.Н. Корф и идея создания совещательного совета при военных губернаторах Приамурского края // Законодательные (представительные) органы власти в Приморском крае. История, современность, тенденции развития: мат-лы регион. науч.-практ. конф. (Владивосток, 26–27 октября 1999 г.). Владивосток, 2000. Ч. 2. С. 97–99.
21. Мальцев А.Ю. Особенности регионального политического лидерства России (на примере восточносибирских и приамурских генерал-губернаторов): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Владивосток, 2003.
22. Яргаев М.Х. Съезды «сведущих людей» в Приамурском генерал-губернаторстве (1885–1903 гг.) // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность. Хабаровск, 2008. Вып. 2. С. 19–25.
23. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 512 с.
24. Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М.: Центрполиграф, 2004. 687 с.
25. Лукьянов И.В. Игнатъев и его воспоминания. Вступ. статья // Игнатъев Н.П. Земский собор. СПб.; Кишинев, 2000. С. 9–65.
26. Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.
27. Труды III Хабаровского съезда. Обработал по поручению бывшего приамурского генерал-губернатора, генерал-адъютанта, барона Андрея Николаевича Корфа агроном Н.А. Крюков. Хабаровка, 1895. 170 с.
28. Съезд губернаторов и других представителей в г. Хабаровке, 1885. 34 с.
29. Краткий очерк Приамурского края. По официальным данным. СПб., 1892. III+64 с.
30. Матханова Н.П., Родигина Н.Н. Образ Сибири в отчетах генерал-губернаторов второй половины XIX в. // Quaestio Rossica. 2019. Vol. 7, no. 3. С. 835–850. DOI 10.15826/qr.2019.3.411
31. Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова. 1898–1900 гг. Хабаровск, 1901. 148 с.

REFERENCES

1. Bobbio N. Intellectuals and authority. *Voprosy filosofii*, 1992, no. 8, pp. 162–171. (In Russ.)
2. Tyutyukin S.V., Mamonov A.V. (comps.) The authority and intellect in Russian Empire. *Otechestvennaya istoriya*, 2005, no. 4, pp. 3–93. (In Russ.)
3. Matkhanova N.P. Officials-intellectuals in Siberia of the XIX century. *Izvestiya Irkutskogo universiteta. Seriya Istoriya*, 2018, vol. 25, pp. 21–35. DOI 10.26516/2222-9124.2018.25.21. (In Russ.)
4. Dubinina N.I. Priamur Governor-General N.I. Grodekov. *Historical and biographical essay*. Khabarovsk, 2001, 352 p. (In Russ.)
5. Dubinina N.I. The Governor-General's Power in Priamur Region: its features and evolution. *Istoriya i kul'tura Priamur'ya*, 2007, no. 1, pp. 68–85. (In Russ.)
6. Remnev A.V. Russia of the Far East. Imperial geography of authority of the XIX – early XX centuries. Omsk, 2004, 548 p. (In Russ.)
7. Troitskaya N.A. "Help enlightened assistance": publication of speech by A.N. Korf, January 20, 1893. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Dal'nego Vostoka*. Vladivostok, 1996, vol. 1, pp. 20–30. (In Russ.)
8. Khisamutdinov A.A. The life of wonderful people in Vladivostok, 1860–2010. Vladivostok, 2010, 398 p. (In Russ.)
9. Stephan J. The Russian Far East. A history. Stanford, 1994, 482 p.
10. Beer D. The house of the dead: Siberian exile under the tsars. London, Penquine Books, 2017, 451 p.
11. Marks S.G. Road to power: the Trans-Siberian railroad and the colonization of Asian Russia, 1850–1917. London, I.B. Tauris & Co, 1991, 240 p.
12. Matsuzato K. The creation of the Priamur Governor-Generalship in 1884 and the reconfiguration of Asiatic Russia. *The Russian Review*, 2012, vol. 71, no. 3, pp. 365–390.
13. Keyzerling A. Memoirs of the Russian service. Moscow, 2001, 447 p. (In Russ.)
14. Turmov G.P., Kalinin V.I., Ayushin N.B., Avilov R.S. In the footsteps of the old photo: the Nadarovs family. *Rossiya i ATR*, 2015, no. 1, pp. 94–126. (In Russ.)
15. Nadarov I.P. The Second Congress of governors and other representatives in Khabarovka. Vladivostok, 1886, 80 p. (In Russ.)
16. Kalinin V.I., Ayushin N.V. Governor (Engineer-General P. F. Unterberger). *Rossiya i ATR*, 2000, no. 2, pp. 112–121. (In Russ.)
17. Korf A.N. Report of the Governor-General of Preamurie from September 1884 to July 1886. Saint Petersburg, 1886, 58 p. (In Russ.)
18. Remnev A.V. Problems of the Russian Far East administration in the 1880s. *Istoricheskiy ezhegodnik*. Omsk, 1996, pp. 17–30. (In Russ.)
19. Ignatov A.M. Social and political life of the Russian Far East in 1891–1917: dissertation. Leningrad, 1985, 197 p. (In Russ.)
20. Popovicheva Yu.N. A.N. Korf and the idea of creating an advisory council under the military governors in Priamur Region. *Zakonodatel'nye (predstavitel'nye) organy vlasti v Primorskoy krae. Istoriya, sovremennost', tendentsii razvitiya: materialy region. nauch.-prakt. konf. (Vladivostok, 26-27 okt. 1999 g.)*. Vladivostok, 2000, vol. 2, pp. 97–99. (In Russ.)
21. Mal'tsev A.Yu. Features of the regional political leadership in Russia (a case of the East Siberian and Priamur Governor-Generals: diss. abstracts. Vladivostok, 2003, 34 p. (In Russ.)
22. Yargaev M.Kh. Congresses of "welf-informed people" in Priamur Governor Generalship (1885–1903). *Osnovnye tendentsii gosudarstvennogo i obshchestvennogo razvitiya Rossii: istoriya i sovremennost'*. Khabarovsk, 2008, vol. 2, pp. 19–25. (In Russ.)
23. Zaiionchkovskiy P.A. The autocracy crisis at the turn of the 1870s–1880s. Moscow, MSU, 1964, 512 p. (In Russ.)
24. Itenberg B.S., Tvardovskaya V.A. Count M.T. Loris-Melikov and his contemporaries. Moscow, 2004, 687 p. (In Russ.)
25. Lukoyanov I.V. Ignatiev and his memoirs: introduction. *Ignat'yev N.P. Zemskiy sobor*. Saint Petersburg, Kishinev, 2000, pp. 9–65. (In Russ.)
26. Zaiionchkovskiy P.A. Russian autocracy in the late XIX century (political reaction of the 1880s – early 90s). Moscow, 1970, 444 p. (In Russ.)
27. Kryukov N.A. (comp.) Proceedings of the III Khabarovsk congress. Processed by order of the former Priamur Governor-General, Adjutant-General, Baron Andrey Nikolaevich Korf, agronomist N.A. Kryukov. Khabarovsk, 1895, 170 p. (In Russ.)
28. The Congress of governors and other representatives in Khabarovka in 1885. Khabarovsk, 1885, 34 p. (In Russ.)
29. A brief outline of Priamur Region. According to official figures. Saint Petersburg, 1892, III + 64 p. (In Russ.)
30. Matkhanova N.P., Rodigina N.N. The image of Siberia in the accounts of the Governors-General in the SECOND HALF of the XIX century. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, no. 3, pp. 835–850. DOI 10.15826/qr.2019.3.411. (In Russ.)
31. Grodekov N.I. (comp.) The most comprehensive report by Priamur Governor-General N.I. Grodekov. 1898–1900. Khabarovsk, 1901, 148 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.02.2020
Дата рецензирования 02.03.2020
Статья принята к публикации 25.05.2020

DOI: 10.15372/HSS20200312
УДК 94(093)(571.56)“1825/1850”

А.Д. ВАСИЛЬЕВ

ЕЖЕГОДНЫЕ ОТЧЕТЫ ЯКУТСКИХ ОБЛАСТНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
РФ, 677027, Якутск, ул. Петровского, 1

В статье на примере Якутской области дана характеристика важного для системы управления имперской России документа – ежегодного отчета областного начальника. В современной отечественной историографии отмечено усиление внимания к изучению ежегодных отчетов глав местной администрации Сибири – генерал-губернаторов и губернаторов, однако отчеты областных начальников практически не изучались. Введение годовой отчетности областных начальников Якутии отражало процесс бюрократизации, характерный для системы управления Российской империи во второй четверти XIX в. Автор отмечает отсутствие специальной нормативной базы, которая определяла бы формуляр отчетной документации областных начальников, и указывает, что их отчеты основывались на правилах, общих для отчетов губернаторов. Анализируются особенности годовых отчетов областных начальников, показано влияние приоритетных направлений деятельности местной власти на их информативность.

Ключевые слова: областной начальник, ежегодный отчет, сибирская администрация, местное управление, северо-восток России, Якутская область, первая половина XIX в.

A.D. VASILEV

ANNUAL REPORTS OF THE REGIONAL HEADS IN THE LOCAL GOVERNMENT SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND QUARTER OF THE XIX CENTURY (A CASE OF YAKUTSK OBLAST)

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
1, Petrovskogo Str., Yakutsk, 677007, Russian Federation

The article objective is to review the process of formation and development of regional head annual reports evidently for Yakutsk Oblast. Modern national historiography pays attention to studying the annual reports of other local chief administrators of Siberia, such as governor-generals and governors; however, many aspects of the topic have not been investigated yet, that explains its relevance. The process of forming and developing the annual report of the regional heads of Yakutia to the Ministry of Internal Affairs is related to the process of bureaucratization of the Nicholas' era. The author notes the absence of a special regulatory framework of reporting documentation form for regional heads, so the reports are based on rules for governors. The paper shows features of annual reports, the influence of the priority areas of local government's activity on the report information contents, etc. The annual reports of the heads of Yakutsk Oblast are an important historical source, which undoubtedly requires a comprehensive study and analysis.

Key words: regional head, annual report, Siberian administration, local government, North-East Russia, Yakutsk Oblast, first half of the XX century.

ВВЕДЕНИЕ

В 1804 г. в Российской империи в связи с централизацией и бюрократизацией системы управления была введена губернаторская отчетность. Данный

вид документации содержит обширную информацию о различных отраслях жизнедеятельности губернии, является одним из наиболее востребованных источников по истории России XIX – начала XX в.

Айсен Данилович Васильев – младший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, e-mail: aysen_vasilev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4428-4856>.

Aysen D. Vasilev – Assistance Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS.

В современной отечественной историографии усиливается внимание к ежегодным отчетам глав местной администрации Сибири – генерал-губернаторов [1; 2; 3; 4] и губернаторов [5; 6; 7; 8], однако отчеты о состоянии вверенных им регионов подавали и областные начальники. Область во главе с областным начальником впервые появляется в 1805 г. на северо-востоке Российской империи – в огромной окраинной Якутии. Власть «хозяина Якутской области» была ограничена стоявшим над ним сибирским генерал-губернатором (по реформе 1822 г. – восточносибирским) и иркутским губернатором (область административно подчинялась Иркутской губернии). Вместе с тем якутские областные начальники были подотчетны и министру внутренних дел. Кроме рассмотренной нами ранее политики царской власти в отношении инородческого населения в представлениях начальников Якутской области [9], указанная тема до сих пор не являлась предметом специального исследования. Нами изучены семь годовых отчетов якутских областных начальников, которые хранятся в фондах Российского государственного исторического архива¹.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОТЧЕТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ЯКУТСКИХ ОБЛАСТНЫХ НАЧАЛЬНИКОВ

Первое документально подтвержденное свидетельство о требовании такого отчета относится к 1828 г.: 30 апреля министр внутренних дел А.А. Закревский отправил соответствующее предписание начальнику Якутской области Н.И. Мягкову. Ознакомившись с полученным отчетом, управляющий МВД 2 апреля 1829 г. отметил, что документ не соответствует правилам. Мягков объяснял сложившуюся ситуацию следующим образом: «...отчет мой за 1828 год представлен прежде получения циркулярного предписания МВД от 30 ноября 1828 года, коим составляется в обязанность составлять отчет, держась правил, в 1804 году преподанных, и как циркулярного предписания с правилами, преподанными в 1804 году, в Якутскую область на пред сего доставлено не было и ныне не имеется, то я и спрашивал у Вашего Высочайшего превосходительства представлением моим от 10 февраля сего года № 331, удостоить милостивого внимания Вашего в принятии отчета моего в той форме, какой токмо мог я составить во исполнения самого первого еще предписания 30 апреля 1828 года № 1289, а между тем на будущее время приказать доставить к руководству моему список с правил, преподанных в 1804 году». Мягков в данном письме отметил затруднения в почтовом сообщении между Санкт-Петербургом и Якутском, связанные с удаленностью региона². Тогда же было предписано годовой отчет начальника Якутской области составлять на ос-

новании общих правил для отчетов губернаторов, обновленных 30 ноября 1828 г.

«Отчет об управлении Якутской областью» (за 1828 г.) состоит из вступительного слова якутского областного начальника и четырех разделов: «по предмету гражданской полиции», «по предмету областного начальника», «по предмету благоустройства инородцев», «по предмету устройства отдаленного Удского края». Всего имелось 8 пунктов, причем изложенных весьма кратко. Статистических приложений данный отчет не предполагал. В вводной части говорилось о введении Устава об управлении инородцев 1822 г. в Якутии, в целом годовой отчет был посвящен преимущественно политике в отношении инородческого населения³, что неудивительно, так как Н.И. Мягковым была проделана огромная работа по введению Устава в Якутской области. Кроме того, восточносибирский генерал-губернатор специально поручал якутскому областному начальнику «наблюдать за исполнением Высочайшего Устава о инородцах»⁴. Добавим, что информация о введении Устава 1822 г. в Якутской области нашла место и в представлении Н.И. Мягкова перед МВД за 1829 г.⁵

Скорее всего отчет областного начальника за 1828 г. не был первым – сохранилось упоминание о представлении Мягкова за 1827 г.⁶ (до сих пор не обнаруженное).

Обязанность подготовки отчета к 7 декабря каждого года была возложена на 1-е отделение Якутского областного правления предписанием областного начальника от 4 апреля 1829 г. В составе отделения, которым ведал советник (ближайший помощник областного начальника, заменявший последнего в случае его отсутствия), числились столоначальник и помощник⁷. Ими, видимо, и был подготовлен отчет за 1829 год.

Этот документ составлен уже по обновленной форме губернаторского отчета от 30 ноября 1828 г., он включал 4 тетради: 1) департамента полиции исполнительной; 2) департамента государственного хозяйства и публичных зданий; 3) гражданского генерал-штаб-доктора; 4) хозяйственного департамента. Отчет состоял из следующих разделов: по устройству областных и земских управлений, полиции, пожарной части, городских повинностей и «вообще по части устройства городов»; «по охранению» внутренней безопасности и о полиции дел судных и уголовных; по части земских повинностей и о воинских требованиях; по части земледелия и сельской промышленности; по части публичных зданий; о количестве медицинских чинов; о карантинах; о болезнях населения; о болезнях скота; о минеральных водах; о числе аптек; о делах, «предмет бы коих требовал судебно медицинских исследований»; о народном продовольствии и промышленно-

³ Там же. Л. 2–17.

⁴ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 12-н. Оп. 9. Д. 22. Л. 134–136 об.

⁵ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 42–59 об;

⁶ Там же. Л. 65.

⁷ НА РС (Я). Ф. 13-н. Оп. 1. Д. 57. Л. 18, 40–44 об.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1281 «Совет министра внутренних дел», Ф. 1284 «Департамент общих дел МВД».

² РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 175. Л. 18–24 об.

сти; по части общественного призрения; о состоянии соляных дел⁸.

С этого времени в приложения к отчетам должны включаться различного рода ведомости, содержавшие статистические данные: о решенных и нерешенных делах по Якутской области; о поступлении в течение года в Якутское окружное казначейство разного рода податей и повинностей, также о личных недоимках; об окладных недоимках, поступивших в Якутское окружное казначейство в течение года; по соляной части о привитых оспой в Якутской области, о посевах и урожае хлебов; о сельских запасных магазинах; а также табель о городских и земских повинностях, «деньгами платимых»⁹.

В 1837 г. произошло еще одно важное изменение в системе отчетности: согласно Общему наказу гражданским губернаторам от 1837 г. деление годового отчета на департаменты было отменено, вместо этого появились 16 статей¹⁰. Однако отчеты начальника Якутской области составлялись по прежним правилам и в начале 1840-х гг.¹¹, что отражало типичное для отдаленного региона отставание делопроизводительной практики.

Отчет И.Д. Рудакова за 1841 г. получил другое официальное название – «Генеральный отчет об управлении Якутской областью»¹². Однако в целом с конца 1820-х гг. до начала 1840-х гг. не произошло существенных изменений в структуре отчетной документации.

ГОДОВЫЕ ОТЧЕТЫ О ПРОБЛЕМАХ РЕГИОНА И ПУТЯХ ИХ РЕШЕНИЯ

В своих отчетах якутские областные начальники указывали на проблемы области и предлагали меры для их решения. В 1828–1829 гг. Н.И. Мягков в разделе «По устройству областных и земских управлений, полиции, пожарной части, городских повинностей и вообще по части устройства городов» неоднократно жаловался на недостаточное количество канцелярских чиновников, скудное жалованье и мизерные средства на канцелярские принадлежности, сетовал на нехватку штатов, в особенности по части областного начальника, городской управы и Колымского окружного исправника. Областной начальник Якутии писал, что существующая ситуация побудила его ежегодно «добавлять от себя 500 рублей, дабы сим хотя несколько усовестить и обеспечить крайние необходимости канцелярских чиновников, а чрез то отклонить и те неисправности кои могли бы быть следствием сего»¹³. Не лучше дело обстояло и в 1840-е гг.: И.Д. Рудаков в своем отчете за 1841 г. также отмечал нехватку канцелярских чиновников¹⁴ и незаполненность шта-

тов по медицинской части – вакантными оставались должности повивальной бабки, старшего лекарского ученика, окружного лекаря для отдаленного Колымского округа¹⁵.

Особое внимание в отчетах уделялось политике в отношении инородческого населения. Н.И. Мягков в отчете за 1828 г. указывал на необходимость отмены действующей «соболино-лисей» системы распределения земли, согласно которой лишь владельцы земли облагались налогом в виде ясачного сбора: «Как платеж ясака располагается по количеству земли и платеж онаго производит тот, кому назначен во владение ясачный удел земли, то по сему от происходивших присваиваний родоначальниками и зажиточными из родовичей преимущественно и в избыточестве противу бедных, владение землями было неуравнительно так, что землю на соболиной оклад владел один и редко два или три лица, а землю на лисичной оклад тоже один и редко два лица, а иногда несколькими участками владел один из значительнейших, от чего многие лишаясь участия в платеже ясака, лишались с тем и владения землями...». Он отмечал, что этот вопрос был передан Якутской степной думе, в результате решения которой в 1828 г. было введено единое правило: каждый по «соболиному ясаку» владеет тремя участками земли, а по лисейму – двумя. В итоге произошло «увеличение числа владельцев ясачными землями до 16 000 душ и уменьшение числа претендентов на недостаток покосных мест» [9, с. 107].

В отчетах начальников Якутской области подчеркивалось бедственное положение инородцев отдаленных северных округов. В отчетах за 1829–1831 гг. и за 1833 г. отмечалась «могущая быть необходимостью» инородцам отдаленных Верхоянского и Колымского округов «в пособии из тамошних сельских рыбных запасных магазинов» из-за «ощутительного недостатка в промысле рыбы». Позже, в отчетах за 1840–1841 гг., И.Д. Рудаков указывал на бедственное положение инородцев только одного Колымского округа, где «по случаю не улова рыбы и зверя в 1840 г. инородцы подверглись голодовке». Отмечалось, что они были «поддержаны выдачею хлеба под образ займа из тамошних запасных магазинов и разными жертвованиями» [9, с. 107].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, введение и совершенствование отчетной документации якутского областного начальника отражало процесс бюрократизации системы управления в николаевскую эпоху. Однако в условиях отсутствия специального формуляра для такого отчета областные начальники основывались на общих правилах для губернаторских отчетов. В связи с отдаленностью региона наблюдалось отставание в введении изменений в делопроизводительную и вообще в управленческую практику. Отчет являлся продуктом коллективных усилий, основную роль играли чиновники 1-го

⁸ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 176. Л. 2–113.

⁹ Там же. Л. 34–63 об., 91, 106–113.

¹⁰ ПСЗ-П. Т. 12. Ч. 1. № 10303.

¹¹ РГИА. Ф. 1281. Оп. 4. Д. 107. Л. 1–26 об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Оп. 11. Д. 176. Л. 1 об.–6; Д. 177. Л. 1 об.–5 об.

¹⁴ Там же. Оп. 4, 1841 г. Д. 95. Л. 3–7 об.

¹⁵ Там же. Оп. 11. Д. 176. Л. 81 об.

отделения областного правления. Особое место уделялось введению в Якутии Устава об управлении инородцев 1822 г. Местная власть использовала отчеты для представления перед центральной властью насущных проблем Якутского края и освещения принимаемых и предлагаемых мер по их решению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Матханова Н.П., Родигина Н.Н.* Всеподданнейшие отчеты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия о регионе // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. № 1. С. 45–51.
2. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Изд. 2-е, испр. и доп. Иркутск, 2018. Т. 2. 416 с.
3. *Иванов А.А., Курас С.Л.* Всеподданнейшие отчеты иркутских генерал-губернаторов конца XIX – начала XX в. как источник изучения сибирской политической ссылки // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2019. Т. 27. С. 99–113.
4. *Маджаров А.С., Пономарева Е.Л.* Социальная история Сибири 50-80-х гг. XIX в. в материалах всеподданнейших отчетов генерал-губернаторов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2015. Т. 14. С. 6–17.
5. *Кальмина Л.В., Малыгина О.А.* «Желательно нарушение обособленной сплоченности инородцев...» (инородческий вопрос в представлениях военных губернаторов Забайкальской области) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. 2016. Т. 15. С. 39–49.
6. *Кальмина Л.В., Малыгина О.А.* Губернаторский отчет как структурный элемент делопроизводства в царской России (на примере Забайкальской области) // Власть. 2012. №12. С. 141–144.
7. *Малыгина О.А.* «Инородческий вопрос» в делопроизводстве военных губернаторов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестн. Бур. гос. ун-та. Сер. История. 2013. № 7. С. 146–149.
8. *Архипова А.И.* Инородческий вопрос в официальной делопроизводственной документации губернаторов на примере Якутской области (2 пол. 19 – начало 20 вв.) // Власть и управление на востоке России. 2015. № 2. С. 121–124.
9. *Васильев А.Д.* «Инородческий вопрос» в делопроизводстве областных начальников на примере Якутской области (первая половина XIX в.) // Всероссийская научно-теоретическая конферен-

ция «Сибирь в изменяющемся мире. История и современность». Иркутск, 2018. С. 104–108.

REFERENCES

1. *Matkhanova N.P., Rodigina N.N.* Loyal reports as a source to study Siberian general-governors' views on the region in the second half of the XIX century // *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, no. 1, pp. 45–51. (In Russ.)
2. *Dameshek L.M., Dameshek I.L.* Siberia in the system of the Imperial regionalism. Second edition, rev. and add. Irkutsk, 2018. vol. 2, 416 p. (In Russ.)
3. *Ivanov A.A., Kuras S.L.* The most comprehensive reports of the Irkutsk Governor Generals in the late XIX – early XX centuries as a source to study the Siberian political exile. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, 2019, vol. 27, pp. 99–113. (In Russ.)
4. *Madzharov A.S., Ponomareva E.L.* The social history of Siberia in the 1850-80s in the materials of Governor Generals' reports. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, 2015, vol. 14, pp. 6–17. (In Russ.)
5. *Kalmina L.V., Malygina O.A.* "Preferably Inorodtsy's solidarity to be broken..." ("aliens issue" in the reports of the Military Governors of Transbaikal Region). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, 2016, vol. 15, pp. 39–49. (In Russ.)
6. *Kalmina L.V., Malygina O.A.* The government report as a structural element of Office work in Tsarist Russia (a case of Transbaikal Region). *Vlast'*, 2012, no. 12, pp. 141–144. (In Russ.)
7. *Malygina O.A.* «Indigenous issue» in the clerical work of military governors of Transbaikal Region (the second half of XIX – early XX centuries). *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, 2013, no. 7, pp. 146–149. (In Russ.)
8. *Arkipova A.I.* The indigenous people issue in the official documentation of governors evidently for Yakutsk Region (the second part of XIX – early XX centuries). *Vlast' i upravlenie na востоке Rossii*, 2015, no. 2, pp. 121–124. (In Russ.)
9. *Vasilyev A.D.* «Indigenous issue» in the official documentation of regional heads of Yakutsk Oblast (the first half of XIX century). *Sibir' v izmenyayushchemsya mire. Istoriya i sovremennost': materialy Vseros. nauch.-teoret. konf.* Irkutsk, 2018, pp. 104–108. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.06.2020

Дата рецензирования 09.09.2020

Статья принята к публикации 25.05.2020

DOI: 10.15372/HSS20200313
УДК 94(571.56-25)“1915 – 1916”

П.О. САВВИНОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ВОДОСНАБЖЕНИЯ ЯКУТСКА В 1915–1916 гг.

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена деятельности органов городского самоуправления (городская управа, городская дума) в годы Первой мировой войны (1915–1916 гг.). Несмотря на то, что город расположен на берегу р. Лены и окружен озерами, одной из ключевых проблем городской жизни являлось водоснабжение. Отсутствие качественного водопровода и низкий уровень культуры жизнеобеспечения приводили к хроническим вспышкам инфекционных болезней. Проанализированы проблемы, с которыми столкнулось городское самоуправление, и меры, принятые им для решения вопроса о создании системы водообеспечения. Показано, что водокачка, построенная с применением современных систем очистки, и контроль над водовозным промыслом в 1916 г. позволили городу создать единую централизованную систему водообеспечения, просуществовавшую до 1944 г.

Ключевые слова: органы городского самоуправления, городская управа, городская дума, водоснабжение, р. Лена, протока Хатыстах, эпидемии.

P.O. SAVVINOV

YAKUTSK SELF-GOVERNMENT ACTIVITIES FOR PROVIDING WATER SUPPLY IN 1915 – 1916

Institute of History SB RAS
8, Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to the activities of city self-government bodies (City Council, City Duma) during the First World War (1915-1916). Despite the fact that the city was located on the Lena river banks and surrounded by lakes, one of the key problems was water supply. The lack of quality water supply and a culture of life support led to chronic outbreaks of infectious diseases. The author analyzed the problems faced by the city government and measures taken to solve the issue of creating a water supply system. The paper shows that the constructed water pumping facility, use of modern purification systems and control over the water carrier industry in 1916, allowed the city to create a unified centralized water supply system existed until 1944.

Key words: city self-government, City Council, City Duma, water supply, Lena river, Khatystakh channel, epidemics.

ВВЕДЕНИЕ

Интерес отечественных исследователей к истории самоуправления в сибирских городах формировался, начиная с последней четверти XIX в., благодаря работам К.М. Голодникова, Н.А. Кострова, Г.Н. Потанина, В.П. Сукачева, Н. В. Турчанинова [1; 2; 3; 4; 5]. В советский период о самоуправлении вспоминали чаще всего в связи с юбилеями городов, как например, в монографическом исследовании Г.А. Попова, подготовленном

к 300-летию юбилею Якутска [6, с. 89 – 90]. В 1950 г. специалист по истории и этнографии Якутии О.В. Ионнова охарактеризовала дореволюционное городское самоуправление Якутска во главе с П.А. Юшмановым как «антинародное» [7, с. 20]. С конца 1960-х гг. начинается фундаментальная разработка региональной истории в обобщающем труде «История Сибири», причем местное самоуправление рассматривалось весьма фрагментарно [8, с. 74]. Новосибирская школа урбанистики

Павел Олегович Саввинов – аспирант, Институт истории СО РАН, e-mail: pavel_savvinov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4260-6225>.

Pavel O. Savvinov – Postgraduate, Institute of History SB RAS.

(О.Н. Вилков, И.А. Коновалов, А.П. Толочко и др.) создала концепцию поэтапного развития сибирского города, подняла проблему многоукладности городской экономики, актуальности изучения деятельности органов самоуправления [9, 10, 11].

Одним из основных направлений деятельности городского самоуправления являлась функционирование городского хозяйства (водопровод, скотобойни, аптеки и т.д.) [12, с. 5–11]. Наиболее полно деятельность органов городского самоуправления Якутска рассмотрена в работах П.П. Петрова [13, с. 79–91; 14, с. 32–37], который считал, что большая часть административно-хозяйственной деятельности городской думы и управы шла вразрез с нуждами основной массы горожан [13, с. 84]. Представляется, что деятельность городского самоуправления Якутска нуждается в более тщательном изучении. В данной статье она рассматривается на примере решения одной из важнейших проблем жизнеобеспечения города – создания системы водоснабжения.

ПРОБЛЕМЫ ВОДОСНАБЖЕНИЯ

В Якутске издавна существовали трудности с обеспечением городского населения чистой питьевой водой. Ежегодно в период летне-осеннего спада воды из-за отсутствия дождевого питания р. Лена пересыхала, возникали разобщенные между собой плесы [15, с. 16–17]. Плоскодонные паузки, обслуживавшие крупные транспорты, например в июле 1915 г., не могли приблизиться к городу¹. С 1908 г. в Хатыстахской протоке образовывались грунтовые наносы, изменяя русло реки [15, с. 28]. В результате сформировались мелководные косы-бары, недоступные даже для мелких судов [15, с. 28; 6, с. 121], которые регулярно застревали в городской протоке². На участках старого русла в начале XX в. в верхней части города образовались пойменные озера (Талое, Богородицкое, Сайсар, Белый песок, Белое озеро, Сергеляхское, Мельничное и др.). В период весеннего половодья вся местность с озерами и речкой Чепаловкой затапливалась водой, лес разлагался и загрязнял эту протоку³.

Пункты водозабора на р. Лене находились довольно далеко от города, ниже источника загрязнения городской скотобойни, имели крутой спуск⁴. Ежегодно в городской бухте останавливалось около 30 судов (пароходы, баржи и торговые паузки), откуда сбрасывались в воду отходы кухонного хозяйства и отхожих мест⁵. Попадание нечистот в воду способствовало размножению в ней болезнетворных микробов – кишечной тифозной палочки и палочки злокачественного отека⁶. Поэтому городские жители предпочитали брать

воду из озер, расположенных на заливных лугах на противоположном берегу протоки, и рч. Чепаловки⁷.

По воспоминаниям врача-акушера, писателя П.С. Алексеева (1849–1913), озера содержали горько-соленую воду и отдавали запахом серы⁸. В сентябре 1914 г. городские обыватели жаловались, что подвозная вода из рч. Чепаловки совершенно не годится для употребления⁹. В 1915 г. санитарная комиссия отмечала, что водовозы поставляли питьевую воду из стоячих озер Талое, Богородицкое, Сайсар¹⁰. По отзывам горожан, вода была мутноватой, слегка желтоватой и с подозрительным вкусом и запахом¹¹. Зимой горожане предпочитали запасаться на лето льдом с р. Лены, который хранили в погребах [16, с. 218].

Загрязнение питьевого источника стало одним из каналов распространения инфекционных болезней среди населения. Протока Хатыстах в Якутске была для инфекционистов примером того, как водные вспышки брюшного тифа и дизентерии возникали при загрязнении реки поверхностными сточными водами в населенных пунктах, расположенных по течению реки ниже места ее загрязнения, и охватывали территорию, связанную общим источником водопользования¹². С 1902 по 1914 г. в Якутске брюшным тифом болели 374 чел., дизентерией – 465 чел., а эпидемическим гастроэнтеритом – 1070 чел. Число заболевших инфекционными заболеваниями в 1914 г. составляло около 4,5 % населения города (9254 чел.)¹³. Осенью 1915 г. в городе были выявлены несколько случаев заболевания брюшным тифом¹⁴. По мнению санитарной комиссии, причиной заболеваний стало употребление населением города недоброкачественной воды¹⁵.

ПРОЕКТЫ ПО СНАБЖЕНИЮ ГОРОДА ПИТЬЕВОЙ ВОДОЙ

В начале XX в. в Якутске в связи с загрязнением практически всех близлежащих источников водоснабжения вопрос снабжения питьевой воды крайне обострился. В 1907–1912 гг. городское самоуправление было буквально занято «водоисканием». Руководствуясь Городовым положением 1892 г., Городская дума возложила предварительное рассмотрение проблемы на исполнительную комиссию из гласных¹⁶. В 1907–1908 гг. комиссией была проведена сравнительная

⁷ Там же. Л. 26.

⁸ Алексеев П.С. Якутск и его окрестности // Наблюдатель, 1901. № 4 // URL: <https://www.yakutskhistory.net/очерки-и-статьи/якутск-и-его-окрестности-п-с-алексеев-1891> (дата обращения: 29.06.2020)

⁹ Якутская окраина. 1914. 25 сент.

¹⁰ НА РС (Я) Ф. И-165. Оп. 1. Д. 3355. Л. 27.

¹¹ Там же. Л. 25.

¹² Большая медицинская энциклопедия (БМЭ) / под ред. Б.В. Петровского. 3-е изд. // URL: https://бмэ.орг/index.php/БРЮШ-НОЙ_ТИФ

¹³ НА РС (Я) Ф. И-165. Оп. 1. Д. 3355. Л. 29.

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ Там же. Л. 29.

¹⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб.: Гос. тип., 1885. Т. XII. С. 442, 448–449.

¹ Якутская окраина. 1915. 16 июля.

² Там же. 1915. 8 авг.

³ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. И-165. Оп. 1. Д. 3355. Л. 25–27.

⁴ Там же. Ф. И-165. Оп. 1. Д. 3355. Л. 25–26.

⁵ Там же. Л. 11, 26.

⁶ Там же. Л. 17, 30.

оценка двух проектов. Первый заключался в проведении ключевой воды из Маховой пади рудничным способом с помощью желобов. Поскольку наблюдения показали, что ключевую воду можно было получать только в дождливые годы, комиссия от этого проекта отказалась.

Второй проект предусматривал устройство на р. Лене паровой водокачки с фильтром. В 1908 г. на берегу протоки Хатыстах оборудовали временную водокачку без фильтра, работавшую только летом. В дальнейшем предполагалось установить у Осенней пристани водокачку с песчаным английским фильтром, предполагаемая производительность которого составляла 50 тыс. ведер/сут. (614 970,5 л), но в 1909 г. от проекта отказались, так как обнаружилось пересыхание Хатыстахской протоки из-за речных наносов¹⁷.

В 1910–1911 гг. по постановлению Городской думы городская управа возбудила ходатайство перед правительством о выдаче Якутску беспроцентной ссуды на 30 лет из пожарного капитала в размере 30 тыс. руб. Однако правительство не одобрило непрофильное использование пожарного капитала. В 1912 г. Городской думой рассматривался и был отклонен еще ряд бесперспективных проектов: переброски воды из рч. Чепаловки в городской лог и оз. Сайсар, изменение русла р. Лены¹⁸. В 1913 г. один из совладельцев пивоваренного завода Йозефа Бартля (предположительно – Вячеслав Черногорский) вел переговоры с пражским водопроводным заводом о бесплатной аренде буровой установки для поиска артезианской воды, но проблема заключалась в доставке оборудования из Праги до Якутска и обратно¹⁹. Якутский губернатор И.И. Крафт констатировал: «Разрешение этого жгучего вопроса представляет для городского общественного управления своего рода заколдованный круг, из которого оно никак не может выйти»²⁰.

УСТРОЙСТВО ВОДОКАЧКИ

К 1915 г. бюджет города значительно вырос: в 1910 г. – 60 278 руб. 49 коп., в 1911 г. – 67 159 руб. 79 коп.²¹, в 1915 г. – 157 458 руб. 63 коп., в 1916 г. – 140 360 руб. 7 коп.²² В мае 1915 г. Якутская городская дума по ходатайству гласного думы В.М. Диваева создала особую санитарную комиссию с целью решения вопроса о чистой воде. Членами комиссии были избраны гласные думы: городской врач В.М. Диваев, титулярный советник А.А. Кротов, есаул А.И. Казанцев²³, с января 1916 г. вместо выбывшего А.А. Кротова избран гласный В.А. Панкратьев²⁴.

По распоряжению якутского губернатора Р.Э. фон Витте 7 и 10 августа 1915 г. врачебной комиссией был произведен санитарный осмотр берега р. Лены и близлежащих озер²⁵. 25 сентября 1915 г. приказом губернатора все спуски к протоке р. Лены около скотобойни, где горожане брали воду, были закрыты. Единственным источником питьевой воды остался водоем в Кютердях. Тем не менее горожане по-прежнему продолжали пользоваться водой из загрязненной городской протоки²⁶.

В марте 1916 г. санитарная комиссия внесла в старый проект устройства городской водокачки существенные изменения: водокачка должна работать не только летом, но и в течение всего года; должна быть расположена недалеко от электрической станции и водных источников и включать песчаную и химическую очистку воды. Рекомендовалось установить американскую систему быстрых песчаных фильтров²⁷.

23 марта 1916 г. по предложению санитарной комиссии Якутская городская дума распорядилась запретить сброс на берег навоза; выбрать новые места для свалки нечистот, выгребных ям; перенести места остановки речных судов; перенести скотобойни; контролировать водовозов; построить водокачку с американским фильтром²⁸. Провели переговоры с московской фирмой «Нептун» о закупке и поставке фильтра американской системы «Джуэлл». Фирма предложила городу фильтровальную систему в двух вариантах: с производительностью 72 тыс. ведер/сут. (885 557,52 л) 50 тыс. ведер/сут. (614 970,5 л)²⁹. Был выбран второй вариант. На его реализацию благодаря увеличению доходов города в 1915 г. органы городского самоуправления предусмотрели в смете расходов на 1916 г. 20 тыс. руб. Для оборудования фильтровальной системы на берегу р. Лены, напротив городской электрической станции, было построено деревянное здание длиной 12,8 м, шириной 7,5 м и высотой 9,2 м на столбах³⁰, изба для рабочих и сторожа, приобретен оцинкованный бак³¹. 27 июня 1916 г. на берегу протоки Хатыстах была открыта водокачка для снабжения горожан питьевой водой.

Жителям выдавались ярлыки на получение воды, взималась плата – 5 коп. с посуды³². Городская управа постановила закрыть все спуски к протокам и озерам, кроме протоки Хатыстах и бесплатного водоема в Кютердях³³. Эта система водоснабжения просуществовала до ввода в Якутске водопроводной сети в 1944 г.³⁴

¹⁷ НА РС (Я). Ф. И-165. Оп. 1. Д. 3355. Л. 31.

¹⁸ Там же. Л. 32.

¹⁹ Якутская окраина. 1913. 26 окт.

²⁰ НА РС (Я). Ф. И-165. Оп. 1. Д. 3355. Л. 30.

²¹ Там же. Д. 2743. Л. 54–55.

²² Там же. Д. 183 Л. 167; Д. 3601. Л. 9.

²³ Там же. Д. 3355. Л. 3–7.

²⁴ Ленский край. 1916. 16 янв.

²⁵ НА РС (Я). Ф. И-165. Оп. 1. Д. 3355. Л. 49.

²⁶ Там же. Л. 14–15.

²⁷ Там же. Л. 33.

²⁸ Там же. Л. 43.

²⁹ Там же. Л. 35.

³⁰ Там же. Л. 41.

³¹ Там же. Ф. Р-1413. Оп. 2. Д. 373. Л. 19.

³² Там же. Ф. И-165. Оп. 1. Д. 3355. Л. 49.

³³ Там же. Л. 50.

³⁴ Там же. Ф. Р-1413. Оп. 2. Д. 373. Л. 19.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, с 1907 г. городское самоуправление пыталось решить проблему чистой питьевой воды. Недостаток средств в бюджете, отсутствие продуманных технических решений, структур в системе общественного самоуправления, которые бы целенаправленно на постоянной основе занимались этим вопросом, обуславливали отсутствие положительного результата в течение многих лет. В 1915–1916 гг., когда бюджет города значительно увеличился, а основные источники водоснабжения были закрыты властью губернатора из-за неудовлетворительного состояния, городское общественное самоуправление взяло под контроль подвоз воды, закрыло непригодные для питья городские протоки и озера, построило водокачку с применением новейших водоочистительных систем. Созданная фильтровальная станция прослужила до 1944 г. – до ввода в Якутске водопроводной сети. Система мероприятий по организации водоснабжения являлась важным вкладом органов городского самоуправления Якутска в благоустройство города, улучшение его санитарного состояния города.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Голодников К.М.* Город Тобольск и его окрестности: Исторический очерк. Тобольск, 1887. 139 с.
2. *Костров Н.А.* Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1872. 117 с.
3. *Потанин Г.Н.* Города Сибири // *Сибирь, ее современное состояние и нужды.* СПб., 1908. С. 235–259.
4. *Сукачев В.П.* Иркутск. Его место и значение в истории и культурной жизни Восточной Сибири. – М.: Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1891. 271 с.
5. *Турчанинов Н.В.* Города Азиатской России // *Азиатская Россия.* СПб.: Изд. Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. Т. 1. С. 285–360.
6. *Попов Г.А.* Сочинения. Якутск: Изд-во ЯГУ: 2007. Т. 3: История города Якутска, 1632–1917. 305 с.
7. *Ионова О.В.* Якутской куорат. Якутск: Саха АССР Госиздат, 1950. 42 с. (на якут. яз.).
8. История Сибири с древнейших времён до наших дней. / отв. ред. А.П. Окладников. Л.: Наука, 1968. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. 511 с.
9. *Вилков О.Н.* Очерки социально-политического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 368 с.
10. История городов Сибири досоветского периода (XVII – начало XX вв.): сб. ст. / отв. ред. О.Н. Вилков. Новосибирск, 1977. 304 с.
11. *Толочко А.П.* Городское самоуправление в Омске в дореволюционный период. Омск: ОмГУ, 1997. 80 с.
12. *Шиловский М.В.* Итоги и перспективы изучения городского самоуправления Сибири второй половины XIX – начала XX вв. //

Местное самоуправление в истории Сибири XIX – XX веков : сб. мат-лов регион. науч. конф. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2004. С. 5–11.

13. *Петров П.П.* Города Якутии. 1861–1917 гг. (социально-экономические очерки истории). Якутск: Кн. изд-во, 1990. 124 с.
14. *Петров П.П.* Город Якутск: представительные органы управления (1622 – 2012 гг.). Якутск: Якут. гор. дума, 2012. 110 с.
15. Реки и озера Якутии: краткий справочник / С.К. Аржакова, И.И. Жирков, К.И. Кусатов, И.М. Андросов. Якутск: Бичик, 2007. 136 с.
16. *Попов И.* Современный Якутск // *Сибирский архив.* 1913. № 4. С. 217–219.

REFERENCES

1. *Golodnikov K.M.* Tobolsk city and its environs: a historical essay. Tobolsk, 1887, 139 p. (In Russ.)
2. *Kostrov N.A.* Historical and statistical description of cities in Tomsk province. Tomsk, 1872, 117 p. (In Russ.)
3. *Potанин G.N.* Cities of Siberia. *Sibir', yeyo sovremennoe sostoyanie i nuzhdy.* Saint Petersburg, 1908, pp. 235–259. (In Russ.)
4. *Sukachev V.P.* Irkutsk. Its place and significance in the history and cultural life of East Siberia. Moscow, Tip. T-va I.N. Kushnerev & Co., 1891, 271 p. (In Russ.)
5. *Turchaninov N.V.* Cities of Asian Russia. *Aziatskaya Rossiya.* Saint Petersburg, 1914, vol. 1, pp. 285–360. (In Russ.)
6. *Popov G.A.* Compositions. Yakutsk, YaSU Publ. House, 2007, vol. 3. History of Yakutsk city, 1632–1917, 305 p. (In Russ.)
7. *Ionova O.V.* Yakutsk city. Yakutsk, 1950, 42 p. (In Yakut.)
8. *Okladnikov A.P. (ed.)* The history of Siberia from ancient times to the present day. Vol. 3. Siberia in the capitalism era. Leningrad, Nauka, 1968, 511 p. (In Russ.)
9. *Vilkov O.N.* Essays on the socio-political development of Siberia in the late XVI – early XVIII centuries. Novosibirsk, Nauka, 1990, 368 p. (In Russ.)
10. *Vilkov O.N. (ed.)* History of Siberian cities of the pre-Soviet period (XVII – early XX centuries). Novosibirsk, 1977, 303 p. (In Russ.)
11. *Tolochko A.P.* City government in Omsk during the pre-revolutionary period. Omsk, Omsk State Univ., 1997, 80 p. (In Russ.)
12. *Shilovskiy M.V.* Results and prospects of studying urban self-government of Siberia in the second half of the XIX – early XX centuries. *Mestnoe samoupravlenie v istorii Sibiri XIX – XX vekov: sb. materialov region. nauch. conf.* Novosibirsk, 2004, pp. 5–11. (In Russ.)
13. *Petrov P.P.* Cities of Yakutia. 1861 – 1917: (socio-economic essays on history). Yakutsk: Bk. Publ. House, 1990, 124 p. (In Russ.)
14. *Petrov P.P.* Yakutsk city: representative governing bodies (1622–2012). Yakutsk: Yakut. City Duma, 2012, 110 p. (In Russ.)
15. *Arzhakova S.K., Zhirkov I.I., Kusatov K.I., Androsov I.M.* Rivers and lakes of Yakutia: a brief reference. Yakutsk, Bichik, 2007, 136 p. (In Russ.)
16. *Popov I.* Modern Yakutsk. *Sibirskiy arkhiv,* 1913, no. 4, pp. 217–219. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.03.2020

Дата рецензирования 04.05.2020

Статья принята к публикации 01.06.2020

ИСТОРИЯ НАУКИ

DOI: 10.15372/HSS20200314
УДК 930(47+57)

И.А. КРАЙНЕВА, О.А. САВЕЛОВА

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ НАУКИ В СИБИРИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Институт систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН
РФ, 630090, Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 6

Историография истории науки понимается как специальная дисциплина, которая изучает процесс накопления исторического знания о ней в определенном социально-политическом контексте, оказавшем влияние на формирование и развитие исторической мысли, тематику исторических исследований, концепции историков. В статье рассматриваются некоторые направления в области историографии истории науки в Сибири, предлагается интерпретация понятия «научное наследие», которое позволяет изучать деятельность видных ученых и созданных ими научных школ. Обсуждается значение появления новой практики гуманитариев – информатизации источниковой базы и ее использования в исторических исследованиях, освещаются возможности новейших подходов к изучению истории советской науки и образования (общие и конкретные вопросы) на примере ряда институций в Сибири, персон и соответствующих изданий.

Ключевые слова: историография, научное наследие, междисциплинарность, научная школа, история науки в Сибири, Сибирское отделение РАН

I.A. KRAYNEVA, O.A. SAVELOVA

HISTORIOGRAPHY OF SCIENCE HISTORY IN SIBERIA IN THE SOVIET TIME: NEW RESEARCH AREAS

A.P. Ershov Institute of Informatics Systems SB RAS
6, Ave. Academician Lavrentiev, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The history of science in Siberia has gone through several stages of development. The authors focus on the post-Soviet stage, when certain changes in approaches and methods to historical research in general and history of science in particular took place. Understanding the historiography of the science history as a special field concerned the process of accumulating historical knowledge in a specific social and political context that has affected the formation and development of historical thought, historians' concepts, and topics of historical studies, the author pays attention to the context transformation. Essential for this kind of transformation is the partial de-ideologization of historical science occurred in Russia in 1990s-2015. The paper dwells on a number of areas of the historiography of the science history in Siberia. Interpretation of the concept of "historical heritage" is particular historical importance, as it allows studying the research activities of scientists and academic schools created by them. The authors examine historiographic approaches to the concept of *historical heritage* in the hierarchy of *cultural heritage* and *scientific contribution*. Importantly, a new practice has evolved in humanities studies – computerization of the source base and its use in historical research; new approaches to study the history

Ирина Александровна Крайнева – д-р. ист. наук, научный сотрудник, Институт систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН, e-mail cora@iis.nsk.su, <https://orcid.org/0000-0002-0601-9795>

Ольга Алексеевна Савелова – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН, e-mail savol@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8499-7877>.

Irina A. Krayneva – Doctor of Sciences, Senior Researcher, A.P. Ershov Institute of Informatics Systems SB RAS.

Olga A. Savelova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, A.P. Ershov Institute of Informatics Systems SB RAS.

of Soviet science and education (general and specific issues) that are in the focus of the authors' interest. Research into the history of some institutions, people and publications gives good examples of how the development of science in Siberia can be studied. Generally speaking, the historiographic analysis has demonstrated a continuing interest in the history of national science and technology. Undoubtedly, this area has received new impetus in the post-Soviet era thanks to a greater availability of some previously classified sources and introduction of new research topics, such as the Soviet atomic project, repressed science, specifics of the USSR modernization projects, ideological campaigns etc.), and new research areas, such as the social history of science.

Key words: historiography, academic heritage, interdisciplinarity, academic school, history of science in Siberia, Siberian Branch of the RAS.

ПОНЯТИЕ «НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ»

Научное наследие ученого является синтезом когнитивной и социальной компонент его бытия, составляет неотъемлемую часть национального и мирового культурного наследия, имеет онтологическое значение для теории и истории науки и техники. Категория «научное наследие», если ее рассматривать относительно внешней (идушей от общества) оценки деятельности ученых, в том числе артефактуальной (создание архива), может быть определена в трех таксонах: культурное наследие, научное наследие (наследство) и научный вклад. Она также характеризует результат деятельности ученых в исторической ретроспективе. Априори можно считать, что термин «культурное наследие» имеет более широкое значение, нежели «научное наследие», а термин «научное наследие» шире, нежели «научный вклад».

Обратимся к историографии: «Наследие – явление культуры, быта и т.п., полученное от предыдущих эпох, от прежних деятелей»; «Вклад – что-либо ценное, внесенное в науку, культуру, какое-нибудь общественное дело» [1, с. 372, 72]. Трактовку наследия как феномена культуры в широком смысле встречаем, например, у создателей книги о русской эмиграции в Чехии: «Книга содержит воспоминания, письма, научные статьи и доклады, публицистические работы русских эмигрантов, проживающих в Чехословакии в период между двумя мировыми войнами... Научные статьи и доклады представляют собой образцы творческой работы русских историков за рубежом и являются их вкладом в отечественную и мировую культуру» [2]. Согласно этому пояснению, научное наследие является частью культурного наследия, а представление о научном наследии и вкладе ученых формируется в первую очередь на основе их научных трудов. Так, электронный ресурс «Научное наследие России», позиционированный как электронная библиотека (ЭБ), ставит своей задачей «сохранение научного наследия и создание условий его эффективного освоения» в рамках развития отечественной науки и культуры. ЭБ создавалась «учреждениями РАН в течение последних 5 лет как общедоступная библиотека с целью предоставить пользователям Интернета информацию о выдающихся российских ученых, внесших вклад в развитие фундаментальных естественных и гуманитарных наук, и полных текстов опубликованных ими наиболее значительных работ»¹.

¹ Электронная библиотека «Научное наследие России». [М.], 2018 // URL: <http://e-heritage.ru/> (дата обращения: 13.03.2018).

В перспективе рассматриваемый ресурс планировалось развивать как собрание полнотекстовых представлений трудов ученых, а источниками комплектования ЭБ являются «библиотечные, архивные, музейные фонды участников, в электронном виде отражающие научное наследие России и российских ученых». Обратим внимание, что архивы позиционируются как источники образцов научного наследия, а именно научных трудов. Последние иногда именуется литературным наследием [3].

С 1948 г. в Академии наук СССР/РАН издается серия «Научное наследие»², где можно встретить не только научные труды ученых, но и публикации их писем, дневников, автобиографий и прочих документов – свидетельств, которые издатели относят к истории отечественной науки³. Таким образом, научное наследие в практике данного издания включает не только труды ученого, относящиеся к какому-либо разделу науки (наук), но и его научный архив (архивное наследие), а также технические решения, вещественные источники (препараты, новые сорта растений и т.д.) [4, с 284].

Исследователи межличностных научных связей в научных школах показали, как формируются формальная и неформальная коммуникативные системы внутри и вне школ. Таким образом, научная школа позиционируется как центр притяжения и развития, коммуникативная система которого способствует приумножению научного наследия лидера в деятельности его учеников и последователей посредством системных связей учитель–ученик, ученик–ученик, ученик–учитель [5, с. 241–257; 6]. В таком случае неотъемлемой частью научного наследия ученого-лидера станет его научная школа, которая возникает и базируется на заданном импульсе – исследовательской программе. Развитие такой программы, взаимозависимость научного наследия лидера и учеников, их дальнейшая самостоятельная работа позволяют говорить о наличии генетической связи внутри школы, ее преемственности, т.е. прирастании научного наследия.

Обобщение опыта в области изучения научного наследия позволяет констатировать, что научное насле-

² Научные издания РАН [Электронный ресурс]. [М.], 2018 // URL: <http://www.ras.ru/publishing/issues.aspx> (дата обращения: 13.03.2018).

³ Научное наследие (полный список выпусков). [Электронный ресурс]. [М.], 2018 // URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/N/Nauchnoe_nasledstvo/_Nauchnoe_nasledstvo.html (дата обращения: 24.04.2017).

дие ученого включает опубликованные научные труды (литературное наследие), архив (черновые рукописи, неопубликованные работы, письма, отзывы, рецензии, заметки, фото), научные разработки, библиотеки и научные коллекции (личные или музеефицированные при содействии ученых), наследие научной школы. Совокупность перечисленных феноменов шире научного вклада, который состоит, как правило, в новых положениях, решениях, теориях, признанных (или имеющих отсроченное признание) в научном сообществе либо реализованных в прикладных аспектах. Оценка научного вклада может быть изменена со временем в ту и другую сторону, поскольку решения, предложенные при жизни ученого, могут опережать свое время или потерять актуальность. Научный архив реализует свое значение, когда он изучается, вводится в научный оборот, порождает новое знание в истории науки и техники.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Другой важной особенностью современной исторической науки является ее опора на междисциплинарность, которая влечет за собой использование методов и достижений смежных социально-гуманитарных наук (социология, экономика, психология, лингвистика, демография и пр.) [6, 7], а также методов точных наук. Мы остановимся на феномене использования информационных технологий в гуманитарных науках («цифровой поворот»), который уже получил осмысление в ряде работ. В фокусе внимания находится и зарубежный [8, 9, 10, 11, 12], и отечественный опыт [13, 14, 15, 16] в широком контексте: история организаций, проектов, тезауруса, объектов оцифровки и представления артефактов. Нами проведено сравнение зарубежных и отечественных реалий в области применения информационных технологий в гуманитарной практике, в частности – в исторической. Предложена периодизация развития методики исследований в области применения информационных технологий в исторической науке. В общем виде (при расхождении в частности) ее можно представить следующим образом: 1960-е – середина 1980-х гг. – появление компьютеров, квантификация и математизация гуманитарных наук; середина 1980-х – середина 1990-х гг. – институционализация направления (техническая база – микрокомпьютерная революция); середина 1990-х – современный период – интернет-революция, онлайн-доступ к источникам [17]. На каждом из этих этапов большое внимание уделялось не только методике работы, но и самоопределению направления, что нашло выражение в его именовании и до настоящего времени остается предметом дискуссий (квантитативная история – историческая информатика, цифровая гуманитарная наука у нас, Digital History, e-History, Digital Humanities – на Западе). Периодизация основана в большей степени на европейских и американских реалиях, поскольку микрокомпьютерная революция на Западе произошла несколько раньше (середина 1970-х гг.), чем в СССР. В отечественной практике две

революции – микрокомпьютерная и Интернет-революция – дали совокупный эффект практически одновременно – в середине 1990-х гг.⁴

Развитие институтов социальной памяти в исследуемый период приобрело в России определенный размах. Для нас важен факт появления онлайн-публикаций исторических источников. В последнее время активно публикуются исторические источники социально-культурного и научно-технического значения по инициативе архивов, библиотек, общественных организаций, частных лиц. К сожалению, не все публикации выполнены корректно, что вызывает справедливую критику специалистов архивного дела [18]. Тем не менее онлайн-публикации документов по истории науки, научно-справочного аппарата архивов существенно расширяют возможности исследователей в части доступа к источникам⁵.

Сложилось несколько успешных центров, изучающих, разрабатывающих и использующих информационные технологии в исторических исследованиях и образовании: кафедра исторической информатики Московского государственного университета [19; 20; 21; 22], кафедра гуманитарных проблем информатики Томского государственного национального исследовательского университета [23], кафедра документо-ведения, архивоведения и исторической информатики Алтайского государственного университета [24], лаборатория исторической и политической информатики Пермского государственного национального исследовательского университета⁶, ГПНТБ СО РАН [25], Института систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН [26, 27] в Новосибирске и др. Историки обращаются также к изучению исторической информатики, публикациям исторических источников, выполняя исследований на их базе [28, 29].

АКТИВИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСА К ИСТОРИИ НАУКИ В КОНЦЕ 1990-х гг.

Расширение источниковой базы истории науки с конца 1980-х гг. привело к активизации интереса

⁴ Персональные компьютеры (ПК) получили распространение на Западе в начале 1970-х гг. В СССР разрабатывались с середины 1970-х гг. Первые ПК в советских учреждениях культуры и образования появились в конце 1980-х гг., например, на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ (ПК «Нейрон И9.66» – советский ИВМРС/ХТ-совместимый персональный компьютер, разработка Киевского НИИ радиоизмерительной аппаратуры) [Электронный ресурс]. [М.], 2014 // URL: <http://www.hist.msu.ru/Labs/HisLab/info.htm> (дата обращения: 24.02.2020). В середине 1990-х гг. ПК появились в библиотеках и музеях Российской Федерации.

⁵ Электронный архив академика А.П. Ершова // URL: <http://ershov.iis.nsk.su/> (дата обращения: 24.02.2020). Открытый архив СО РАН – <http://odasib.ru/OpenArchive> (дата обращения: 24.02.2020).

⁶ Библиография трудов д-ра ист. наук С.И. Корниенко, руководителя этого направления в Пермском университете, и его сотрудников свидетельствует о том, что первые публикации по теме появились в 2007 г. [Электронный ресурс] [Пермь], 2016 // URL: <http://www.psu.ru/personalnye-stranitsy-prepodavatelej/k/sergej-ivanovich-kornienko/> (дата обращения: 20.06.2020).

к ней как социокультурному феномену в среде отечественных [30; 31; 32; 33; 34; 35] и зарубежных [36, 37, 38] ученых. Отечественные историки исследовали, в частности, статус науки как опоры модернизационной политики государства и его оборонного потенциала в разные периоды советской истории [39; 40; 41; 42]. В этих работах подчеркивается важность государственной поддержки научной деятельности, финансирования научных проектов. Развитие некоторых крупных проектов – например, становление отрасли электронного машиностроения – увязано с Советским атомным проектом [43, 44]. Ряд исследований по истории науки выполнен в русле социальной истории с применением микроаналитической стратегии в изучении исследовательских коллективов как малых социальных групп, раскрытии механизмов неформальных форм взаимодействия, «повседневной истории» [45; 46; 47; 48; 49]. Особое внимание уделяется процессу становления контролирующей роли государства в отношении научного сообщества, трансформации Академии наук в «министерство науки» [50, 51].

В отечественной историографии постсоветский период характеризуется углублением и расширением исследовательской тематики. Так, более детально разрабатываются, в первую очередь, проблемы, связанные с экстернальным фактором в развитии науки в целом (взаимоотношение науки и власти, действие репрессивных механизмов в отношении науки и ученых, трансформация отдельных направлений исследований под внешним воздействием, деградация этоса науки), что также свидетельствует о влиянии проблематики социальной истории науки [52; 53; 54; 55; 56]⁷.

Ретроспективный взгляд на становление отечественной науки и научно-технического образования в контексте «больших циклов» развития отечественной науки и техники, анализ «интеллектуального прорыва» начала XX в., который оказал решающее влияние на научно-технические достижения СССР и современной России, показал, что опора на мощную общенаучную и математическую подготовку характеризовала российских специалистов старой школы, и этот императив продолжал работать в советское время, несмотря на искусственные ограничения. В истории становления традиционной европейской концепции инженерного и естественнонаучного образования внимание акцентируется на особенностях ее российского варианта. Бесспорно, что возникновение крупных научных институтов в СССР уже в 1920–1930-х гг. и перевод науки на промышленные рельсы оказали впоследствии влияние на формирование феномена «большой науки» в позднесоветский период в СССР и за его пределами

⁷ Охотин Н.Г., Рогинский А.Б. «Большой террор»: 1937–1938. Краткая хроника [Электронный ресурс]. [М.], 2017 // URL: http://www.memo.ru/history/y/1937/hronika1936_1939/xronika.html (дата обращения: 04.06.2017); *Социальная история отечественной науки: проект Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН* [Электронный ресурс]. [М.], 2017. // URL: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/> (дата обращения: 12.05.2017).

[57, с. 62–64]. В развитии науки видели основу модернизации страны после разрушительных коллизий первой половины XX в. [58]. Влияние сциентизма сохранило свою действенность в академическом кластере современной России, хотя взаимоотношения науки и власти значительно трансформировались.

Зарубежная историография, исследуя результаты деятельности советских ученых, не оспаривает высокого уровня отдельных наукоемких направлений: ядерной энергетики, ракетостроения, космической техники, исследования материалов. Эти успехи сопряжены с определенными достижениями в физико-математических науках, химии, биологии и медицине СССР. Американский историк науки Л. Грэм (*англ.* L.R.Graham, в принятой транслитерации – Грэхэм) подчеркивает исторически сложившуюся двойственность в отношениях российской власти и науки, выраженной в политике «кнута и пряника». Последнее происходило из «очевидной необходимости для государства опираться на техническую интеллигенцию в процессе модернизации» в советский период [59, с. 181; 69]. Постсоветская историография науки и техники, открывая новые перспективы исследований в попытке углубить представления о характере взаимоотношений власти и науки, положения ученых в советском государстве, основывалась и на том факте, что общество не всегда учитывало фундаментальные ценности науки [60, с. 88].

В постсоветский период возник новый импульс интереса к истории науки в Сибири и к истории новосибирского Академгородка. Он также был вызван возможностями изучать ранее закрытые источники, расширить и углубить проблематику исследований в области социальной и институциональной истории науки, актуализировать микроисторический подход, и как результат, критически осмыслить прошлое. Эта тенденция породила значительный поток исследований в виде статей, монографий и диссертаций, посвященных различным аспектам истории науки: организационному [61; 62; 63; 64; 65], общественно-политическому [66; 67; 68; 69], институциональному [70; 71; 72; 73]⁸, персональному [74; 75; 76; 77; 78]. Не имея возможности перечислить все работы, посвященные истории институтов, организаций и выдающимся ученым СО РАН, отметим, что очень часто появление этих изданий совпадало с юбилейными датами СО РАН или его отдельных институтов.

Более чем 60-летняя история Сибирского отделения РАН отражена в фундаментальной работе историков, вышедшей в год 50-летия Отделения [79]. К сожалению, история науки в Сибири не нашла достойного места в Сибирской энциклопедии, что, возможно, объясняется специфическими задачами данного издания [80]. Важную работу проделали ученые Института истории СО РАН по фиксации истории учреждений,

⁸ Наибольшую активность в изучении науки в Сибири проявляет Н.А. Куперштох, см. библиографию ее трудов: URL: <http://www.history.nsc.ru/st/kupershtokh.htm> (дата обращения: 02.02.2020).

которые являются неотъемлемой частью академической науки – НГУ и ФМШ [81, 82, 83]. С 2001 г. издается серия «Наука Сибири в лицах», где публикуются уникальные документы и воспоминания выдающихся ученых СО АН СССР/РАН.

Современная историография истории науки в Сибири показывает, что в целом она, как и вся отечественная историография, преодолев советский период в стиле триумфально-поступательного развития отечественной науки, переживает стадию ее критического осмысления в контексте событий переломного характера в стране и в мире. История науки в Сибири через категорию научного наследия ученых-лидеров, которые работали на ее переднем крае, входит в контекст истории российской и мировой науки. Сибирские историки в числе первых приступили к онлайн-публикации первоисточников, продемонстрировали на практике реализацию междисциплинарного подхода. Тот факт, что публикации по истории подразделений, организаций и персоналий СО РАН выполнены не только историками, но и учеными других специальностей, свидетельствует о формировании исторического самосознания и исторической идентичности в академической среде. Ведущая роль в этом процессе по-прежнему принадлежит коллективу Института истории СО РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2009. С. 372, 72.
2. Культурное и научное наследие русской эмиграции в Чехословацкой Республике: документы и материалы. М.; СПб., 2016. 288 с.
3. Лебедев Д.В. Письма Николая Ивановича Вавилова // Наука и жизнь. 1982. № 2. С. 128–132.
4. Гринува И.Р. К 75-летию археографической серии «Научное наследие» // Архив истории науки и техники / отв. ред. С.С. Илизаров. М., 2015. Вып V(XIV). С. 282–300.
5. Галкина Т.В. Томская лингвистическая школа А.П. Дульзина. Томск, 2003. 320 с.
6. Мирская Е.З. Научные школы как форма организации науки: социологический анализ проблемы // Науковедение. 2001. №3. С. 8–24.
7. Репина Л.П. Интердисциплинарная история вчера, сегодня, завтра // Междисциплинарные подходы к изучению прошлого / под ред. Л.П. Репиной. М., 2003. С. 5–10.
8. Доорн-Моусеенко Т.Л. Электронные архивы и их роль в развитии информационной инфраструктуры исторической науки // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки: сб. ст. / авт.-сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М., 2017. С. 101–117.
9. Жакишева С.А. Состояние и развитие квантитативной истории и исторической информатики в Казахстане: multa paucis // Историческая информатика. 2012. № 2. С. 77–87.
10. Поврозник Н.Г. Создание современных историко-ориентированных информационных систем в США // Вестник Перм. ун-та. Сер. История. 2014. Вып 3 (26). С. 67–75.
11. Рагуништейн О.В. Развитие исторической информатики в США (50–90-е гг. XX в.). М., 2017. 184 с.
12. Яник А.А. Анализ современных тенденций в развитии цифровой инфраструктуры гуманитарных исследований за рубежом // NB: Экономика, тренды и управление. 2014. № 4. С. 114–139.
13. Бородкин Л.И., Владимирова В.Н., Гарскова И.М. Институционализация исторической информатики: к 20-летию АИК // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2012. № 39. С. 3–7.
14. Владимирова В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях. Барнаул, 2005. 192 с.
15. Ноль Л.Я. 30 лет информатики в российских музеях. Музей. 2007. № 1. С. 36–39;
16. Шер Я.А. Первые шаги отдела музейной информатики в Эрмитаже (1975–1985 гг.) // Информационные технологии в музее. СПб., 2006. Вып. 2. С. 4–9.
17. Гарскова И.М. Историческая информатика: эволюция междисциплинарного направления. СПб.: Алетейя, 2018. 408 с.
18. Юмашева Ю.Ю. Историография научных исследований в области информатизации архивного дела в Российской Федерации (1991–2016): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2017. 520 с.
19. Володин А.Ю. Digital humanities: междисциплинарность в цифровую эпоху // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2014. № 42. С. 14–16.
20. Жеребятьев Д.И. О методике комплексного исследования источников при виртуальной реконструкции объектов культурного наследия // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2010. № 6. С. 68–74.
21. Ломова С.А. Экономическая история и клиометрика: самоопределение научных направлений у нас и за рубежом // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 3–20;
22. Мишина Е.М. Базы данных и реконструкция социального портрета репрессированных: историографический обзор // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7, вып. 7 (51) [Электронный ресурс]. [М.], 2017 // URL: <http://history.jes.su/s207987840001599-7-1> DOI: 10.18254/S0001599-7-1 (дата обращения: 11.02.2020).
23. Можжаева Г.В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика : сб. ст. / под ред. Г.В. Можжаевой. Томск, 2015. Вып. 9. С. 8–23.
24. Историческое профессиональное образование: источники, методы, технологии анализа: сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Владимирова, М.Х.Д. ван Леутзена. Барнаул, 2008. 256 с.
25. Холлошкин Ю.П., Канн С.К. Вышел в свет новый выпуск сборника «Информационные технологии в гуманитарных исследованиях» (2015, вып. 21) // Новости ГПНТБ СО РАН. 2015. N 2. С. 44–46.
26. Крайнева И.А. Электронные архивы Сибирского отделения РАН: проекты 2000–2012 гг. // Отечественные архивы. 2013. № 2. С. 36–43.
27. Крайнева И. А, Марчук А.Г., Марчук П.А. Технологический и гуманитарный аспекты исторического фактографии // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Новосибирск, 3–5 октября 2011 г. Новосибирск, 2011. С. 182–189.
28. Гарскова И.М. Источниковедческие проблемы исторической информатики // Российская история. 2010. № 3. С. 151–161.
29. Корниенко С.И., Гагарина Д.И. Историко-ориентированные информационные системы: от сохранения источников к новым методам их изучения // Российская история. 2010. № 3. С. 86–87.
30. Александров А.Д. Почему советские ученые перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки, 1914–1940 // Вопросы истории естествознания и техники (ВИЕТ). 1996. № 3. С. 3–24.
31. Ащеулова Н.А., Колчинский Э.И. Реформы науки в России (историко-социологический анализ) // ВИЕТ. 2010. № 1. С. 95–120.
32. Иванов К.В. Наука после Сталина: реформа Академии 1954–1961 гг. // Науковедение. 2000. № 1. С. 184–211.
33. Козлов И.Б. Индустриализация России: вклад Академии наук СССР : очерк социальной истории. 1925–1963 / отв. ред. Б.В. Левшин. М., 2003. 272 с.
34. Соболев В.С. Нести священное бремя прошедшего: Российская академия наук : национальное культурное и научное наследие. 1880–1930 гг. СПб., 2012. 380 с.

35. Соловьев Ю.И. Забытая дискуссия о генетике // Вестник РАН. 1994. Т. 64, № 1. С. 46–50.
36. Наука в СССР: современная зарубежная историография // Сборник обзоров и рефератов. М., 2014. 194 с.
37. *Graham L., Dezhina L.* Science in the New Russia: crisis, aid, reform. Indiana University Press, 2008. 193 p.
38. *Gerovitch S.* «Mathematical Machines» of the Cold War: Soviet Computing, American Cybernetics and Ideological Disputes in the Early 1950s. // *Social Studies of Science: special issue.* 2001. 31/2. P. 253–287.
39. *Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднейиндустриальной модернизации. М., 2006. 256 с.
40. *Артемов Е.Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017. 343 с. (Экономическая история).
41. *Водичев Е.Г.* Наука на Востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. 348 с.
42. *Фоминых С.Ф., Сорокин А.Н.* Томский комитет ученых в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Былые годы. 2013. № 29 (3). С. 32–37.
43. *Крайнева И.А., Пивоваров Н.Ю., Шилов В.В.* Становление советской научно-технической политики в области вычислительной техники (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Идеи и идеалы. 2016. № 3, т. 1. С. 118–135.
44. *Крайнева И.А., Пивоваров Н.Ю., Шилов В.В.* Советская вычислительная техника в контексте экономики, образования и идеологии (конец 1940-х – середина 1950-х гг.) // Идеи и идеалы. 2016. № 4, т. 1. С. 135–155.
45. *Андреев А.В.* Физики не шутят: страницы социальной истории Научно-исследовательского института физики при МГУ (1922–1954). М., 2000. 320 с.
46. *Горелик Г.Е.* Физика университетская и академическая, или Наука в сильном социальном поле // Знание – сила. 1993. № 6. С. 54–63.
47. *Колчинский Э.И.* Публичный донос как способ «научных дискуссий» // Политическая концептология: журн. междисциплинарных исследований. 2015. № 1. С. 237–246.
48. *Крайнева И.А.* Переписка математика А.А. Ляпунова 1941–1945 гг. как источник по истории науки и повседневности в период Великой Отечественной войны // Вестник Том гос. ун-та. 2015. № 399. С. 97–105.
49. *Шалимов С.В.* Спасение и возрождение: исторический очерк развития генетики в Новосибирском научном центре в годы «оттепели» (1957–1964). Новосибирск, 2011. 239 с.
50. *Колчинский Э.И.* Наука и консолидация советской системы в предвоенные годы // Наука и кризисы: историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. С. 728–783.
51. *Макаренко В.П.* Этатизация науки: советский опыт // Экономический вестник Ростов. гос. ун-та. 2007. Т. 5, № 4. С. 86–110.
52. *Визгин В.П.* «Явные и скрытые измерения пространства» советской физики 1930-х гг. (по материалам мартовской сессии АН СССР 1936 г.) // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки / под ред. М. Хайнеманна и Э.И. Колчинского. СПб., 2002. С. 112–132.
53. *Есаков В.Д.* Штаб советской науки меняет адрес // Вестник РАН. 1997. Т. 67, № 9. С. 840–848.
54. *Кожевников А.Б.* О науке пролетарской, партийной марксистской // Метафизика и идеология в истории естествознания / отв. ред. А.А. Печенкин. М., 1994. С. 219–238.
55. *Курликов И., Михайлов Н.* Тайны специального хранения: о чем рассказали секретные архивы 1930–50-х гг. М., 1992. 262 с.
56. *Шноль С.Э.* Герои и злодеи российской науки. М., 1997. 464 с.
57. *Сапрыкин Д.Л.* «Золотой век» отечественной науки и техники и «классическая» концепция инженерного образования // ВИЕТ. 2013. № 1. С. 28–66.
58. *Kojevnikov A.* Phenomenon of Soviet Science // *Osiris.* 2008. Vol. 23. P. 115–135.
59. *Грэхэм Л.Р.* Естествознание философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991. 480 с. С. 181.
60. *Грэхэм Л.Р.* Очерки истории российской и советской науки, М., 1998. 312 с.
61. *Юдин Б.Г.* История советской науки как процесс вторичной институализации // Философские исследования. 1993. № 3. С. 83–106.
62. *Кузнецов И.С.* Академгородок в 1975 г.: как уходил Лаврентьев: опыт исторической реконструкции. Новосибирск, 2005. 52 с.
63. *Соскин В.Л.* Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории: очерк истории и историографии: учеб. пособие. Новосибирск, 2008. 187 с.
64. *Josephson P.R.* New Atlantis Revised: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton University Press, 1997. 351 p.
65. *Tatarchenko K.* Calculating a Showcase: Mikhail Lavrentiev, the Politics of Expertise, and the International Life of the Siberian Science-City // *Historical Studies in the Natural Sciences.* 2016. Vol. 46, iss. 5. Nov. P. 592–632.
66. *Генина Е.С.* Кампания по борьбе с космополитизмом в Сибири (1949–1953 гг.). Кемерово, 2009. 254 с.
67. *Жежко-Браун И.В.* НГУ: студенческое движение 1960-х гг. // Идеи и идеалы. Ст.1 2016. № 3. С. 136–154; Ст. 2. № 4. С. 109–134.
68. *Шелегина О.Н., Куперитох Н.А., Запороженченко Г.М., Покровский Н.Н.* Идентичность локальных научных сообществ: опыт формирования и трансляции (по материалам Новосибирского научного центра СО РАН) // Гуманитарные науки Сибири. 2016. Т. 25, № 3. С. 117–122.
69. *Кузнецов И.С.* Новосибирский Академгородок в 1968: «Письмо сорока шести»: документальное исследование. 2-изд., испр. и доп. Новосибирск, 2015. 468 с.
70. 40 лет Институту физики полупроводников Сибирского отделения Российской академии наук / отв. ред. И.Г. Неизвестный. Новосибирск, 2004. 376 с.
71. Очерки об Институте математики им. С.Л. Соболева / ред. Г.В. Демиденко. Новосибирск, 2017. 680 с.;
72. *Савелова О.А.* История становления и развития магнитно-резонансной томографии в Сибири: предпосылки, институционализация, практические применения (на примере Международного томографического центра СО РАН): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 276 с.
73. ФМШ–СУНЦ НГУ. 50 лет: пять шагов в будущее / сост. Е.Н. Брыкова [и др.] / под ред. Н.И. Яворского. Новосибирск, 2013. 240 с.
74. *Федюк Е.Р.* Академик Сергей Алексеевич Христианович и его научные школы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 19 с.
75. Век Лаврентьева. Новосибирск, 2000. 456 с.; Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав: 1957–2007 / отв. ред. В.М. Фомин. Новосибирск, 2007. 603 с.
76. *Куперитох Н.А.* Очерки о лидерах академической науки Сибири. Новосибирск, 2011. Вып. 1. 155 с.
77. След на земле. Солдат, Ученый, Учитель: Посвящается памяти академика Анатолия Васильевича Ржанова. 1920–2000 гг. Новосибирск, 2002. 460 с.
78. Наш Марчук. 2-е изд. испр. и доп. / отв. ред. В.П. Ильин, А.К. Лаврова. Новосибирск, 2017. 462 с.
79. Российская академия наук. Сибирское отделение: Исторический очерк / Е.Г. Водичев, С.А. Красильников [и др]. Новосибирск, 2007. 510 с.
80. Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т./ гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009.
81. *Кириллов А.К., Демидова Л.Д.* «Одна из важнейших задач Сибирского отделения» (из истории создания Новосибирской физматшколы) // Вестник НГУ. Серия: Педагогика. 2013. Т. 14, вып. 1. С. 5–20.
82. Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Гуманитарный факультет. Профессора. Доктора наук – выпускники факультета. Персональный состав (1962–

2012) / отв. ред. Л.Г. Панин / сост. Н.Н. Аблажей, С.А. Красильников, С.Н. Ушакова. Новосибирск, 2012. 344 с.

83. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н.Н. Аблажей, Е.Г. Водичев, С.А. Красильников; отв. ред. М.П. Федорук. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2019. 403 с.

REFERENCES

1. Lopatin V.V., Lopatina L.E. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 2009, 921 p. (In Russ.)
2. Serapionova E.P. (ed.) The cultural and scientific heritage of Russian emigration in the Czechoslovak Republic: documents and materials. Moscow, Saint Petersburg, 2016, 288 p. (In Russ.)
3. Lebedev D.V. Nikolai Ivanovich Vavilov's Letters. *Nauka i zhizn'*, 1982, no. 2, pp. 128–132. (In Russ.)
4. Grinina I.R. On the 75th anniversary of the archeographic series "Scientific heritage". *Akhriv istorii nauki i tekhniki*. Moscow, 2015, iss. 5, pp. 282–300. (In Russ.)
5. Galkina T.V. A.P. Dul'zon Tomsk Linguistic School. Tomsk, 2003, 320 p. (In Russ.)
6. Mirskaya E.Z. Academic schools as a form of science organization: sociological analysis of the problem. *Naukovedenie*, 2001, no. 3, pp. 8–24. (In Russ.)
7. Repina L.P. Interdisciplinary history yesterday, today, tomorrow. *Mezhdistsiplinarnye podkhody k izucheniyu proshlogo*. Moscow, 2003, pp. 5–10. (In Russ.)
8. Doorn-Moiseenko T.L. Digital archives and their role in the development of the history of science information infrastructure. *Rol' arhivov v informatsionnom obespechenii istoricheskoy nauki*. Moscow, 2017, pp. 101–117. (In Russ.)
9. Zhakishева S.A. The state and development of quantitative history and historical informatics in Kazakhstan: multa paucis. *Istoricheskaya informatika*, 2012, no. 2, pp. 77–87. (In Russ.)
10. Povroznik N.G. Creation of modern historically oriented information systems in the USA. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*, 2014, no. 3, pp. 67–75. (In Russ.)
11. Ragunshstein O.V. The development of historical informatics in the USA (50–90s of the XX century). Moscow, 2017, 184 p. (In Russ.)
12. Yanik A.A. Analysis of current trends in the infrastructure development of the digital humanitarian research abroad. *NB: Ekonomika, trendy i upravlenie*, 2014, no. 4, pp. 114–139. (In Russ.)
13. Borodkin L.I., Vladimirov V.N., Garskova I.M. Institutionalization of historical informatics: on the 20th anniversary of the Association "History and computer". *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i kompyuter"*. 2012, no. 39, pp. 3–7. (In Russ.)
14. Vladimirov V.N. Historical geoinformatics: geoinformation systems in historical research. Barnaul, 2005, 192 p. (In Russ.)
15. Nol' L.Ya. 30 years of informatics in Russian museums. *Museum*, 2007, no. 1, pp. 36–39. (In Russ.)
16. Sher Ya.A. The early development of the museum informatics in the Hermitage (1975–1985). *Informatsionnye tekhnologii v muzee*. Saint Petersburg, 2006, iss. 2, pp. 4–9. (In Russ.)
17. Garskova I.M. Historical informatics: evolution of an interdisciplinary direction. Saint Petersburg, Aleteiya, 2018, 408 p. (In Russ.)
18. Yumasheva Yu.Yu. Historiography of academic research in the field of archival informatization in the Russian Federation (1991–2016): dissertation. Moscow, 2017, 520 p. (In Russ.)
19. Volodin A.Yu. Digital humanities: interdisciplinarity in the digital age. *Informatsionnyy byulleten' Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*, 2014, no. 42, pp. 14–16. (In Russ.)
20. Zherebyatev D.I. On the methodology of a comprehensive study of sources on the virtual reconstruction of cultural heritage sites. *Vestnik RUDN. Seriya Istoriya Rossii*, 2010, no. 6, pp. 68–74. (In Russ.)
21. Lomova S.A. Economic history and cliometrics: self-determination of scientific areas in Russia and abroad. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1997, no. 5, pp. 3–20. (In Russ.)
22. Mishina E.M. Databases and the reconstruction of the social portrait of repressed persons: a historiographic review. *Istoriya: elektronnyy nauchno-obrazovatelnyy zhurnal*. 2016, vol. 7, no. 7. URL: <http://history.jes.su/s207987840001599-7-1> (accessed 11.02.2020). DOI: 10.18254/S0001599-7-1. (In Russ.)
23. Mozhaeva G.V. Digital Humanities: digital turn in the humanities. *Gumanitarnaya informatika*. Tomsk, 2015, iss. 9, pp. 8–23. (In Russ.)
24. Vladimirov V.N., Van Leutzen M.Kh.D. (eds.) Historical prosopography: sources, methods, analysis technologies. Barnaul, 2008, 256 p. (In Russ.)
25. Kholyushkin Yu.P., Kann S.K. A new edition of the collection of papers "Information Technologies in Humanitarian Research" has been published (2015, iss. 21). *Novosti GPNTB SO RAN*, 2015, no. 2, pp. 44–46. (In Russ.)
26. Kraineva I.A. Digital archives of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: projects 2000–2012. *Otechestvennye arkhivy*, 2013, no. 2, pp. 36–43. (In Russ.)
27. Kraineva I.A., Marchuk A.G., Marchuk P.A. Technological and humanitarian aspects of historical factography. *Sovremennyye tendentsii v razvitiy muzeev i muzevedeniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Novosibirsk, 3–5 okt. 2011 g.)*. Novosibirsk, 2011, pp. 182–189. (In Russ.)
28. Garskova I.M. Source study problems of historical informatics. *Rossiyskaya istoriya*, 2010, no. 3, pp. 151–161. (In Russ.)
29. Kornienko S.I., Gagarina D.I. Historically oriented information systems: from saving sources to new methods for studying. *Rossiyskaya istoriya*, 2010, no. 3, pp. 86–87. (In Russ.)
30. Aleksandrov A.D. Why Soviet scientists ceased to publish abroad: development of self-sufficiency and isolation of Russian science, 1914–1940. *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, 1996, no. 3, pp. 3–24. (In Russ.)
31. Ashcheulova N.A., Kolchinsky E.I. Reforms of science in Russia (historical and sociological analysis). *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, 2010, no. 1, pp. 95–120. (In Russ.)
32. Ivanov K.V. Science after Stalin: reform of the Academy in 1954–1961. *Naukovedenie*. 2000, no. 1, pp. 184–211. (In Russ.)
33. Kozlov I.B. Industrialization of Russia: the USSR Academy of Sciences' contribution: an outline of social history. 1925–1963. Moscow, 2003, 272 p. (In Russ.)
34. Sobolev V.S. To carry the sacred burden of the past: the Russian Academy of Sciences: cultural and academic heritage 1880–1930. Saint Petersburg, 2012, 380 p. (In Russ.)
35. Solov'ev Yu.I. A forgotten discussion on genetics. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. 1994, vol. 64, no 1, pp. 46–50. (In Russ.)
36. Bol'shakova O.V. (ed.) Science in the USSR: modern historiography abroad: collection of reviews and essays. Moscow, 2014, 194 p. (In Russ.)
37. Graham L., Dezhina I. Science in the New Russia: crisis, aid, reform. Bloomington, Indiana Univ. Press, 2008, 193 p.
38. Gerovitch S. «Mathematical machines» of the Cold War: Soviet computing, American cybernetics and ideological disputes in the early 1950s. *Social Studies of Science*. 2001, vol. 31, no. 2, pp. 253–287.
39. Artemov E.T. Science and technological policy in the Soviet model of late-industrial modernization. Moscow, 2006, 256 c. (In Russ.)
40. Artemov E.T. The nuclear project in coordinates of Stalinist economy. Moscow, 2017, 343 p. (Economic history). (In Russ.)
41. Vodichev E.G. Science in the East of the USSR in the context of industrialization paradigm. Novosibirsk, 2012, 348 p. (In Russ.)
42. Fominykh S.F., Sorokin A.N. Tomsk Academic Committee during the Great Patriotic War (1941–1945). *Bylye gody*. 2013, no. 29, pp. 32–37. (In Russ.)
43. Kraineva I.A., Pivovarov N.Yu., Shilov V.V. Development of the Soviet science and technological policy in the field of computer hardware and programming (late 1940s – mid 1950s). *Idei i idealy*, 2016, no. 3, vol. 1, pp. 118–135. (In Russ.)

44. *Kraineva I.A., Pivovarov N.Yu., Shilov V.V.* Soviet computer engineering in the context of economy, education and ideology (late 1940s – mid 1950s). *Idey i idealy*, 2016, no. 4, vol. 1, pp. 135–155. (In Russ.)
45. *Andreev A.V.* Physicists are not joking: pages of the social history of the Research Institute of Physics at Moscow State University (1922–1954). Moscow, 2000, 320 p. (In Russ.)
46. *Gorelik G.E.* University and academic physics, or Science in a strong social field. *Znanie – sila*, 1993, no. 6, pp. 54–63 (In Russ.)
47. *Kolchinsky E.I.* Public denunciation as a way of “academic discussion”. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal mezhdistsiplinarnykh issledovaniy*, 2015, no. 1, pp. 237–246. (In Russ.)
48. *Kraineva I.A.* Correspondence of mathematician A.A. Lyapunov 1941–1945 as a source on the history of science and everyday life during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 399, pp. 97–105. (In Russ.)
49. *Shalimov S.V.* Salvation and rebirth: a historical outline of the genetics development at Novosibirsk Scientific Center in the “thaw” years (1957–1964). Novosibirsk, 2011, 239 p. (In Russ.)
50. *Kolchinsky E.I.* Consolidation of science and the Soviet system in the prewar years. *Nauka i krizisy: istoriko-sravnitelnye ocherki*. Saint Petersburg, 2003, pp. 728–783. (In Russ.)
51. *Makarenko V.P.* Etatisation of science: the Soviet experience. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, vol. 5, no. 4, pp. 86–110. (In Russ.)
52. *Vizgin V.P.* “Explicit and hidden dimensions of space” of Soviet physics in the 1930s (based on the materials of the March session of the USSR Academy of Sciences, 1936). *Za «zheleznyy zhanavesom»: mify i realii sovetskoy nauki*. Saint Petersburg, 2002, pp. 112–132. (In Russ.)
53. *Esakov V.D.* The Soviet science headquarters change address. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 1997, vol. 67, no. 9, pp. 840–848. (In Russ.)
54. *Kozhevnikov A.B.* On the proletarian, party, Marxist science. *Metafizika i ideologiya v istorii estestvoznaniya*. Moscow, 1994, pp. 219–238.
55. *Kurilov I., Mikhailov N.* Secrets of special storage: what the secret archives of the 1930–50s told about. Moscow, 1992, 262 p. (In Russ.)
56. *Shnol’ S.E.* Heroes and villains of Russian science. Moscow, 1997, 464 p. (In Russ.)
57. *Saprykin D.L.* The “golden age” of Russian science and technology and the “classical” approach to engineering education. *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*. 2013, no. 1, pp. 62–64. (In Russ.)
58. *Kozhevnikov A.* Phenomenon of Soviet science. *Osiris*, 2008, vol. 23, pp. 115–135.
59. *Graham L.R.* Natural history, philosophy and the science on human behavior in the Soviet Union. Moscow, 1991, 480 p. (In Russ.)
60. *Graham L.R.* Essays on the history of Russian and Soviet science. Moscow, 1998, 312 p. (In Russ.)
61. *Yudin B.G.* The history of Soviet science as a process of secondary institutionalization. *Filosofskie issledovaniya*. 1993, no. 3, pp. 83–106. (In Russ.)
62. *Kuznetsov I.S.* Akademgorodok in 1975: how Lavrentiev left: the experience of historical reconstruction. Novosibirsk, 2005, 52 p. (In Russ.)
63. *Soskin V.L.* Novosibirsk Academic Center: research on modern Russian history: an outline of history and historiography: a tutorial. Novosibirsk, 2008, 187 p. (In Russ.)
64. *Josephson P.R.* New Atlantis revised: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton, Princeton Univ. Press, 1997, 351 p.
65. *Tatarchenko K.* Calculating a showcase: Mikhail Lavrentiev, the politics of expertise, and the international life of the Siberian science-city. *Historical Studies in Natural Sciences*, 2016, vol. 46, no. 5, pp. 592–632.
66. *Genina E.S.* Anti-cosmopolitanism company in Siberia (1949–1953). Kemerovo, 2009, 254 p. (In Russ.)
67. *Zhezhko-Brown I.V.* NSU: to the history of the student movement in 1960s. Pt. 1. *Idey i idealy*, 2016, no. 3, pp. 136–154; Pt. 2. *Ibid*, no. 4, pp. 109–134. (In Russ.)
68. *Shelegina O.N., Kupershtokh N.A., Zaporozhchenko G.M., Pokrovsky N.N.* The identity of the local scientific communities: the experience of formation and transmission (on materials of Novosibirsk scientific center of SB RAS). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2016, no. 3, pp. 117–122. (In Russ.)
69. *Kuznetsov I.S.* Novosibirsk Akademgorodok in 1968: “A Letter of Forty-Six”: a documentary study. 2nd ed. Novosibirsk, 2015, 468 p. (In Russ.)
70. *Neizvestny I.G. (ed.)* 40th anniversary of the Institute of Semiconductor Physics of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, 2004, 376 p. (In Russ.)
71. *Demidenko G.V. (ed.)* Essays on S.L. Sobolev Institute of Mathematics. Novosibirsk, 2017, 680 p.
72. *Savelova O.A.* The history of formation and development of magnetic resonance imaging in Siberia: background, institutionalization, practical applications (based on the history of the International Tomographic Center SB RAS): dissertation. Tomsk, 2018, 276 p. (In Russ.)
73. *Yavorsky N.I. (ed.)* FMSH–SUNT NGU. 50 years: five steps to the future. Novosibirsk, 2013, 240 p. (In Russ.)
74. *Fedyuk E.R.* Academician Aleksei Andreevich Khristianovich and his academic schools: diss. abstr. Tomsk, 2010, 19 p. (In Russ.)
75. *Lavrentiev’s Age*. Novosibirsk, 2000, 456 p.
76. *Fomin V.M. (ed.)* The Russian Academy of Sciences. Siberian Branch. Personal composition: 1957–2007. Novosibirsk, 2007, 603 p. (In Russ.)
77. *Kupershtokh N.A.* Essays about leaders of the academic science of Siberia. Iss. 1. Novosibirsk, 2011, 155 p. (In Russ.)
78. *Neizvestny I.G. (ed.)* Footprint on the ground. Soldier, scientist, teacher: dedicated to the memory of Academician Anatoly Vasilievich Rzhanov. 1920–2000. Novosibirsk, 2002, 460 p. (In Russ.)
79. *Ilyin V.P., Lavrova A.K. (eds.)* Our Marchuk. 2nd ed. Novosibirsk, 2017, 446 p. (In Russ.)
80. *Dobretsov N.L., Lamin V.A. (eds.)* Russian Academy of Sciences. Siberian Branch: historical overview. Novosibirsk, 2007, 510 p. (In Russ.)
81. *Lamin V.A. (ed.)* The Siberian historical encyclopedia: in 3 vols. Novosibirsk, Ist. nasledie Sibiri, 2009. (In Russ.)
82. *Kirillov A.K., Demidova L.D.* «One of the most important tasks of the Siberian Branch» (from the history of the creation of the Novosibirsk Physical-Mathematical School). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Pedagogika*, 2013, vol. 14, no. 1, pp. 5–20. (In Russ.)
83. *Panin L.G. (ed.)* Novosibirsk National Research State University. Faculty of Humanities. Professors. Doctors of sciences – graduates of the faculty. Personal composition (1962–2012). Novosibirsk, 2012, 344 p. (In Russ.)
84. *Fedoruk M.P.* Novosibirsk State University: creation, formation, development (1959–2019). Novosibirsk, 2019, 403 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.04.2020

Дата рецензирования 28.04.2020

Статья принята к публикации 02.07.2020

DOI: 10.15372/HSS20200315
УДК 94+551.5(571.56)(091)"1925/1962"

Е.П. АНТОНОВ¹, В.Н. АНТОНОВА²

**СТАНЦИИ, ОБСЕРВАТОРИИ, ЛАБОРАТОРИЯ
КОСМИЧЕСКИХ ЛУЧЕЙ ЯКУТИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ ЦЕНТРА И РЕГИОНА
В 1925–1962 гг.**

¹Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1.

²Педагогический институт Северо-Восточного федерального
университета им. М.К. Аммосова,
677000, г. Якутск, пр. Ленина, 2.

В статье предлагается реконструкция процесса становления и развития институций (станций, обсерваторий, института), занимавшихся комплексными космофизическими исследованиями в Якутии. Рассмотрено два этапа в их развитии. На первом этапе прослеживается роль стационарных метеорологических, аэрологических станций, Геофизической обсерватории в развитии авиации, золотодобычи, в строительстве Амуро-Якутской магистрали, особое внимание уделяется зарождению космофизических исследований в Якутии. В качестве основных результатов второго этапа исследований отмечены усилия якутских ученых по созданию современных приборов мирового класса, создание Института космофизических исследований и аэронауки Якутского филиала АН СССР. Особое внимание уделяется станции на о. Большой Ляховский на Новосибирских островах, обеспечивавшей арктические полеты авиации и каботажное плавание по Северному морскому пути.

Ключевые слова: метеорологические и аэрологические станции, Геофизическая обсерватория, Институт космофизических исследований и аэронауки, зонды, широкие атмосферные ливни, искусственные спутники Земли.

E.P. ANTONOV¹, V.N. ANTONOVA²

**STATIONS, OBSERVATORIES, LABORATORY
OF COSMIC RAYS OF YAKUTIA IN THE CONTEXT
OF THE DEVELOPMENT OF INTELLECTUAL COMMUNICATIONS
OF THE CENTER AND REGION IN 1925–1962**

¹ Institute for Humanitarian Research and Problems of the Small Peoples SB RAS,
1, Petrovskogo Str., Yakutsk, 677007, Russian Federation

² Pedagogical Institute of the Northeast Federal University
named after M.K. Ammosov,
2, Lenina Ave., Yakutsk, 677000, Russian Federation

The paper objective is to reconstruct the process of formation of institutions (stations, observatories, institute) involved in meteorological, geophysical and cosmic physical research and their role in Yakutia's development. The authors use the biographics research achievements, which

Егор Петрович Антонов – канд. ист. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, e-mail: Antegor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8366-7836>.

Венера Николаевна Антонова – канд. пед. наук, доцент кафедры, Педагогический институт Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, e-mail: Antegor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8372-4893>.

Egor P. Antonov – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute for Humanitarian Research and Problems of the Small Peoples of the North SB RAS.

Venera N. Antonova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pedagogical Institute of the Northeast Federal University named after M.K. Ammosov.

reconstruct the life of individuals based on personal texts (ego-documents), as well as the network analysis of scientific institutions' organization and activities in Yakutia on the basis of communications between intellectuals in the center and regions. As the first stage, 1925-1941, the fruitful activities of prominent Soviet scientists contributed to forming a network of 23 stationary meteorological, aerological, hydrometeorological stations, a geophysical observatory and a polar station on an island in the Arctic Ocean. The results of the institution activities were important for development of aviation, Aldan gold mining and the Amur-Yakutsk highway construction. In the 1930s, regular measurements of the cosmic ray intensity started under Yu. G. Shafer guidance in Yakutsk, interrupted in 1941. The second stage, 1947-1962, began after Yu. G. Scafer coming back from the front. The prominent Russian space physicists developed unique innovative semiconductor devices for artificial Earth satellites, cameras for imaging auroras, ionization cameras for continuous registration of cosmic rays installed on nine stations; and most importantly – a research team was formed by the Pedagogical Institute graduates. Studying the radiation situation in the near-Earth space during high-altitude thermonuclear explosions testified to the involvement of Yakutia in improving the country defense. The station on the Bolshaya Lyakhovsky Island has contributed to provide Arctic aviation flights and coastal navigation along the Northern Sea Route.

Key words: meteorological and aerological stations, Geophysical Observatory, Institute of Cosmophysical Research and Aeronomy, probes, extensive air showers, artificial Earth satellites, radiation conditions, thermonuclear explosions.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность избранной темы исследования связана с обобщением уникального опыта развития гео- и космофизических инновационных исследований в Якутии, начиная с деятельности метеорологических и аэрологических станций, открытых участниками I комплексной экспедиции Академии наук СССР, и до создания Института космофизических исследований и аэронауки Якутского филиала АН СССР.

Изучению этой проблемы посвящены работы Ю.Н. Ермолаевой, Г.Ф. Крымского, Ю.К. Антонова и др. Так, Ю.Н. Ермолаева осветила процесс формирования сети метеорологических и аэрологических станций, а также Геофизической обсерватории [1]. Г.Ф. Крымский проанализировал формирование научной школы [2] Ю.Г. Шафера – организатора и первого директора Института космофизических исследований и аэронауки [3]. Г.В. Борисов раскрыл вклад космофизика В.П. Самсонова в организацию сети станций наблюдений за полярными сияниями в отдаленных районах Якутии [4]. Ю.К. Антонов рассмотрел деятельность аэрологического отряда экспедиции АН СССР, открывшего метеорологические станции и Геофизическую обсерваторию в Якутии [5], описал результаты регулярного температурного зондирования с помощью шаров в г. Верхоянске [6] и показал роль председателя Совнаркома ЯАССР М.К. Аммосова в развитии исследований климата в республике [6, 7]. Н.А. Куперштох подчеркнула первенство якутских физиков в разработке программы и методики исследований вариаций космических лучей в Советском Союзе и ее реализацию благодаря открытию станций наблюдения и созданию новых приборов [8]. Ею также освещена деятельность станции (лаборатории) космических лучей в г. Якутске [9]. Вместе с тем полной картины эволюции научных институций – от метеорологических и аэрологических станций до Института космофизических исследований и аэронауки ЯФ АН СССР, а также их вклада в развитие экономики Якутии не создано.

Целью статьи является реконструкция процесса становления институциональных структур (станций, обсерваторий, института), занимавшихся комплексными метеорологическими, геофизическими и космо-

физическими исследованиями в Якутии. Кроме того, ставилась задача – показать значение разработок метеорологов, геофизиков и космофизиков для развития республики.

В статье использованы достижения биографики – предметного поля исторического знания, представляющего собой реконструкцию жизнедеятельности исторических личностей на основе персональных текстов (эго-документов). Проанализированы закономерности процесса организации и деятельности исследовательских институций в Якутии с учетом профессиональных и личностных связей ученых Центра и региона.

ОТ СТАЦИОНАРНЫХ СТАНЦИЙ К ГЕОФИЗИЧЕСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ (1925–1941 гг.)

В развитии комплексных метеорологических, геофизических и космофизических исследований в Якутии выделяется два этапа: первый этап (1925 – 1941 гг.) связан с деятельностью экспедиции АН СССР; второй этап (1947 – 1962 гг.) начался после возвращения с фронта талантливого ученого Ю.Г. Шафера, создавшего перспективный коллектив с целью развития космофизических исследований. До проведения I комплексной экспедиции АН СССР в 1925–1930 гг. открытие метеорологических станций в Якутии носило случайный характер, хотя метеорологические наблюдения в Якутске, Верхоянске и Олекминске насчитывали не одно десятилетие. В целом регион представлял собой громадные пространства с совершенно неисследованным климатом¹. Здесь располагался «Сибирский зимний максимум», влиявший на погоду значительной части Евразии. В республике находился также полюс холода – в г. Верхоянске с температурой в $-67,8^{\circ}$. Полученные экспедицией результаты исследований на полюсе холода позволили сравнивать их с данными экспедиций Р. Амундсена на корабле «Мод» в Северном Ледовитом океане в 1918–1920 гг. и 1922–1925 гг. В период нэпа, при наличии статуса порто-франко и активном проникновении иностранных концессий на Дальний

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3977. Оп. 1. Д. 82. Л. 80

Стационарные учреждения, созданные Комиссией по изучению Якутской Республики*
Inpatient facilities that were created by the Commission for the Study of the Yakut Republic

Наименование	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.	Всего
Метеорологические станции	6	1	–	1	4	12
Аэрологические станции	3	–	–	1	–	4
Геофизическая обсерватория	–	–	–	1	–	1
Гидрометеорологические станции	1	2	1	1	–	5
Полярная Геофизическая станция на о. Большой Ляховский Новосибирских островов	–	–	–	1	–	1
Итого	10	3	1	5	4	23

*ГАРФ. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 219. Л. 11.

Восток, планировалась организация зарубежной экспедиции по изучению климата Верхоянского округа².

Планы работ I Якутской комплексной экспедиции предусматривали одновременное открытие метеорологических и аэрологических станций³. В 1925 г. аэрологические станции открылись в г. Якутске и пос. Петропавловске; в 1926 г. – в городах Верхоянске и Среднеколымске. Гидрометеорологические станции в 1925/26 г. появились в пос. Томмот, в 1926/27 г. – в с. Сунтар, в 1927/28 г. – в г. Верхоянске, с. Казачье на р. Яне и на о. Большой Ляховский. Метеорологические станции были созданы в 1925 г. в городах Якутске, Верхоянске, Вилкойске, Олекминске, Среднеколымске, пос. Булуно, Петропавловске; в 1928 г. – в с. Хатанга, на о. Большой Ляховский; в 1929 г. – в селах Абый, Оймякон и Русское Устье⁴ (см. таблицу).

Всего экспедицией было открыто в 1925–1929 гг. 23 институции, в том числе станции, Геофизическая обсерватория, полярная Геофизическая станция в Северном Ледовитом океане. 27 июня 1925 г. СНК ЯАССР утвердил состав руководителей и наблюдателей новых стационаров. Ими стали: В.М. Чистов (начальник аэрометеорологического отряда); К.И. Игначек (заведующий станцией в г. Якутске); Д.В. Тарбеев (заведующий станцией в с. Усть-Мая); Н.Н. Шпаковский (заведующий станцией в г. Верхоянске, затем на о. Большой Ляховский, участник знаменитой экспедиции на ледоколе «Челюскин»); В.А. Новский (наблюдатель станции г. Якутска, позднее возглавил Колымскую геофизическую обсерваторию); В.М. Соколов (наблюдатель станции с. Усть-Мая); Н.С. Уланов (наблюдатель станции Верхоянска).

Для изучения верхних слоев атмосферы по просьбе Комиссии по изучению производительных сил ЯАССР (КЯР) Главная геофизическая обсерватория в Ленинграде сформировала в 1925 г. аэрологический отряд с годовым запасом из 400 оболочек и 100 баллонов, наполненных водородом для запуска в небо шаров-пилотов на трех станциях в Якутске, Верхоянске

и Усть-Мае. Змейковое и зондовое оборудование было доставлено из Ленинграда в 1926 г. [5, с. 84].

Для обустройства аэрометеорологической станции на окраине г. Якутска в амбаре разместили баллоны с водородом и возвели рядом вышку. Первый запуск шар-пилота состоялся в Якутске 11 июля 1925 г. Определение направления и скорости ветра метеорологами способствовало открытию регулярных полетов авиации по трассе Иркутск–Якутск, Якутск–Булун, изучению Арктики с воздуха, разработке месторождений золота на Алдане, строительству Амура-Якутской магистрали (АЯМ). Правительство Якутии дополнительно профинансировало создание и оснащение оборудованием трех метеостанций на юге республики – в Нагорном, Томмоте и Утесном (Чульмане). Ежедневно результаты наблюдений отправлялись по телеграфу в обсерватории Ленинграда, Иркутска, Владивостока и Свердловска. Ежемесячно телеграммы с декадными средними показателями и таблицы срочных наблюдений высылались в Главную геофизическую обсерваторию (ГГО) в Ленинград. Сотрудники Верхоянской аэрометеорологической станции Н.Н. Шпаковский и Н.С. Уланов наблюдали за атмосферным давлением, температурой воздуха, скоростью и направлением ветра, осадками по дождемеру, облачностью и др. [5, с. 81-82, 86; 7, с. 28; 10, с. 49].

Председатель ЯЦИК и Совнаркома ЯАССР М.К. Аммосов и ученый секретарь КЯР профессор П.В. Виттенбург неоднократно поднимали перед Академией наук и правительством СССР вопрос об открытии Геофизической обсерватории в Якутии [5, с. 88, 89]. Директор ГГО А.А. Фридман выступил с докладом по этому вопросу на заседании президиума КЯР 21 апреля 1925 г. и, получив одобрение, взялся за составление проекта организации обсерватории. ГГО и КЯР разработали проект Центральной геофизической обсерватории в Якутии, где ставились задачи организации комплексных наблюдений; управления сетью геофизических станций в Якутии; анализа произведенных наблюдений с целью получения климатологических выводов и создания регулярной службы погоды. 21 июля 1925 г. Президиум КЯР утвердил положение о геофизической службе в ЯАССР, согласно которому

² ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 82. Л. 51, 80, 81.

³ Там же. Л. 52.

⁴ Там же. Д. 540. Л. 52, 53.

геофизики и метеорологи отныне руководствовались директивами КЯР, общее руководство осуществлялось ГГО из Ленинграда, а научное руководство – Иркутской магнитно-метеорологической обсерваторией [1, с. 124, 125, 79, 80].

1 октября 1928 г. Совнарком РСФСР с помощью Наркомата просвещения, здравоохранения и Наркомата земледелия Якутской АССР постановил создать единую Якутскую геофизическую обсерваторию (ЯГО) в составе отделений: аэрологического, магнитного, метеорологического, синоптического, обработки наблюдений. Первым директором ЯГО стал С.В. Шимановский, прибывший из Иркутска. Правительство Якутии содействовало размещению, снабжению, экипировке, финансированию и доставке оборудования и приборов на аэрометеорологические станции⁵ [6, с. 28].

По плану работ 1928/29 г. был организован гидро-аэрологический отряд в составе начальника Н.В. Пинегина, геолога-топографа М.Н. Ермолаева, гидролога К.Д. Тирона, сотрудников А.Н. Смесо́ва, В.И. Ушакова, В.В. Иванюка и рабочего М.И. Селянина с целью организации Полярной геофизической станции на о. Большой Ляховский Новосибирских островов⁶. Отряд прибыл в Якутск 30 июня 1928 г. на шхуне «Полярная звезда». Ляховская геофизическая станция открылась 21 октября 1928 г.⁷ Она приобрела международное значение, обслуживала арктические полеты авиации и каботажное плавание по Северному морскому пути. Появление сети метеорологических станций на Крайнем Севере послужило основой для проведения Международного полярного 1932 года, что существенно укрепило в мире авторитет страны. Для сравнения: в Полярном 1882 г. Россия довольствовалась лишь единственной станцией Сагастырь в устье р. Лены. Всего за 1925–1929 гг. аэрометеорологический отряд передал в КЯР 65 снятых негативов⁸.

Одним из результатов деятельности I комплексной экспедиции АН СССР в Якутии стало открытие первого вуза для подготовки национальных кадров – педагогического института в 1935 г. В качестве старшего преподавателя, а затем заведующего кафедрой физики здесь стал работать Ю.Г. Шафер (ранее научный сотрудник Сибирского физико-технического института и ассистент физического факультета Томского государственного университета). С его именем связан качественный скачок от метеорологических, геофизических к космофизическим исследованиям в Якутии, а также создание новых институций, системы подготовки кадров физиков в пединституте (Д.М. Сивцева, М.А. Алексеева, В.В. Алексеева, М.Г. Камолдинова и др.). В 1936 г. под руководством Ю.Г. Шафера была разработана научная программа для изучения космической радиации, изготовлена первая установка,

начались регулярные измерения интенсивности космических лучей⁹. Руководство пединститута утвердило на 1938/39 учебный год тему НИР кафедры: «Регистрация интенсивности космической радиации и сопоставление данных интенсивности космического излучения с барометрическим, температурным, геомагнитным факторами, интенсивностью солнечной радиации, состоянием ионосферы и явлениями северного сияния на широтах Якутской АССР»¹⁰.

Вместе с директором Якутского пединститута А.И. Новгородовым Ю.Г. Шафер направил письмо известному специалисту в области космических излучений и физики высоких энергий Д.В. Скобельцыну в Физический институт АН СССР, в котором просил «в случае необходимости защитить своим авторитетом постановку этой темы в плане научной работы института перед Наркомпросом РСФСР»¹¹. Начатые космофизические исследования в Якутском пединституте в 1941 г. были прерваны в связи с уходом Шафера и его коллег на фронт.

ОТ СТАНЦИИ КОСМИЧЕСКИХ ЛУЧЕЙ К ИНСТИТУТУ КОСМОФИЗИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И АЭРОНОМИИ

В 1947 г. была создана Якутская научно-исследовательская база (ЯНИБ) АН СССР. Председатель Совета филиалов и баз АН СССР академик В.Г. Волгин писал президенту АН СССР С.И. Вавилову, что при определении ее структуры были учтены ходатайства нескольких организаций о том, чтобы включить «в программу работ исследования в области космических лучей и организацию Станции космических лучей». Для ведения этой работы был рекомендован вернувшийся из армии Ю.Г. Шафер. Постановлением Президиума АН СССР от 25 декабря 1947 г. был утвержден состав Ученого совета ЯНИБ в количестве 30 чел., в состав которого вошел выдающийся космофизик страны, д-р физ.-мат. наук С.Н. Вернов¹².

В 1947 г. Шафер возглавил станцию № 1 в составе ЯНИБ и занялся разработкой аппаратуры для регистрации космических лучей. В 1947 г. академик В.Г. Волгин и директор НИИ земного магнетизма Н.В. Пушков обратились к академику С.И. Вавилову с обоснованием необходимости создания на территории СССР сети станций непрерывной регистрации космических лучей, оснащенных прецизионной аппаратурой. Ее предполагалось закупить в США. Но поскольку попытки закупить такую аппаратуру не дали результата, было решено разработать отечественные аналоги. Шаферу поручалось организовать разработку аппаратуры

⁹ Крымский Г.Ф. Воспоминания о Ю.Г. Шафере // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 03.01.2020); Скрипин Г.В. 50 лет со дня создания лаборатории космических лучей Якутского филиала СО АН СССР. URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 05.01.2020).

¹⁰ Там же.

¹¹ С.Н. Вернов и исследования космических лучей в Якутии // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 07.01.2020).

¹² Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 540. Л. 13, 22.

⁶ Там же. Ф. 7668. Оп. 1. Д. 219. Л. 56.

⁷ Там же. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 540. Л. 54, 55.

⁸ Там же. Д. 540. Л. 54, 11.

на базе лаборатории космических лучей НИИ ядерной физики МГУ. Работа с самого начала пользовалась поддержкой С.Н. Вернова. К ней были привлечены конструкторские и технологические силы НИИ ядерной физики: А.С. Муратов, заведующей мастерскими; Н.Л. Григоров, имевший опыт разработки и изготовления высокоточных крутильных электрометров оригинальной конструкции, и др.

На базе опытного образца были разработаны ионизационные камеры АСК-1 и АСК-2. В течение 1950–1952 гг. на заводе «Физприбор» были изготовлены первые серии этих приборов, их получили 9 станций космических лучей¹³. Приборы данной серии были установлены для непрерывной регистрации космических лучей в Москве, Тбилиси, Свердловске, Иркутске, Мурманске, Пекине (Китай), на о. Хейса, на мысе Шмидта, в пос. Тикси. В Якутске, Москве и Пекине разместили камеры АСК большого объема. Сеть станций космических лучей обогатила науку и способствовала подготовке квалифицированных кадров физиков в разных городах страны¹⁴.

19 ноября 1949 г. на созданной Ю.Г. Шафером и А.И. Кузьминым ионизационной камере была зарегистрирована вспышка солнечных космических лучей, и с тех пор термин «вспышка» закрепился в научной литературе. Уже в начале работы новой аппаратуры в Якутске удалось детально проверить теорию метеорологических вариаций интенсивности космических лучей, созданную Е.Л. Фейнбергом и Л.И. Дорманом. Резко континентальный климат Якутии способствовал изучению годовых вариаций, предсказываемых сторонниками этой теории¹⁵.

В 1951 г. за разработку прибора Ю.Г. Шаферу, Н.Л. Григорову и А.С. Муратову была присуждена Сталинская премия, а в 1952 г. за организацию промышленного производства приборов АСК группу разработчиков во главе с Ю.Г. Шафером наградили второй Сталинской премией. В 1951 г. Юрий Георгиевич успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Прецизионный регистратор космических лучей стационарного типа с автоматическим управлением»¹⁶.

В 1952 г. Шафер возглавил лабораторию космических лучей Якутского филиала АН СССР, которая располагалась в то время в небольшом двухэтажном флигеле по ул. Красной молодежи (ныне ул. М.К. Аммосова) в г. Якутске. К тому времени сформировались

три группы исследователей. Одна, во главе с А.И. Кузьминым, приступила к разработке проекта подземного мюонного спектрометра. В 1954 г. строители начали сооружение Якутского подземного комплекса скрещенных мюонных телескопов. В 1957 г. был введен в эксплуатацию Якутский комплекс наземных и подземных установок на поверхности Земли (АСК-1, телескоп, нейтронный монитор) и в шахте на глубине 7, 20, 60 м. Подземный комплекс установок вырыли рядом с Богородицкой церковью (там располагалась лаборатория космических лучей) в г. Якутске. В работах активно участвовали А.В. Ярыгин, Г.В. Скрипин, С.Н. Дружинин, Г.В. Шафер, П.А. Кривошапкин, Н.П. Чирков, А.Н. Приходько. В пос. Тикси была организована станция космических лучей (Н.П. Чирков, В.С. Мержевич), а с 1957 г. стал работать выпускник Якутского пединститута, будущий академик РАН Г.Ф. Крымский.

Другая группа во главе с Д.Д. Красильниковым в 1953 г. создала и ввела в эксплуатацию малую установку широких атмосферных ливней (ШАЛ), здание лаборатории которой находилось в с. Октемцы, вблизи г. Якутска.

Еще одна группа, руководимая Ю.Г. Шафером, разработала научную программу и создала Якутскую станцию стратосферных измерений космических лучей, с которой в стратосферу запускались шары-зонды с маленькими счетчиками и пальчиковыми радиолампами. С 1957 г. еще более миниатюрные приборы на полупроводниках этой же группы были разработаны и размещены на искусственных спутниках Земли и космических ракетах. Здесь активно трудились выпускники Якутского пединститута В.Д. Соколов, В.А. Беломестных, А.В. Ярыгин и др. В 1957 г. в журнале «Успехи физических наук» С.Н. Вернов, Ю.И. Логачев, А.Е. Чудаков и Ю.Г. Шафер опубликовали статью о перспективах изучения космических лучей на искусственных спутниках Земли. Запуск первого искусственного спутника Земли в СССР состоялся буквально через месяц¹⁷.

Приглашенный Ю.Г. Шафером в 1956 г. в лабораторию космических лучей Якутского филиала АН СССР В.П. Самсонов под руководством проф. МГУ А.И. Лебединского организовал фотографические съемки полярных сияний в г. Якутске. Он инициировал открытие десяти станций наблюдения в Верхоянске, Жиганске, о. Котельном, Казачье, Черском и других населенных пунктах, которые были включены в программу наблюдений Международного геофизического года. Фотографические камеры С-180 в Международный геофизический год (1957/58) и Международный год сотрудничества (1958/59) стали практически единственными приборами для

¹³ С.Н. Вернов и исследования космических лучей в Якутии. С.Н. Вернов и исследования космических лучей в Якутии. // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 07.01.2020).

¹⁴ Крымский Г.Ф. Воспоминания о Ю.Г. Шафере. // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 03.01.2020).

¹⁵ Скрипин Г.В. 50 лет со дня создания лаборатории космических лучей Якутского филиала СО АН СССР. // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 05.01.2020); С.Н. Вернов и исследования космических лучей в Якутии. // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 07.01.2020).

¹⁶ Крымский Г.Ф. Воспоминания о Ю.Г. Шафере. // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 03.01.2020).

¹⁷ Ариан Ильич Кузьмин // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 10.01.2020); Крымский Г.Ф. Воспоминания о Ю.Г. Шафере. // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 03.01.2020); Скрипин Г.В. 50 лет со дня создания лаборатории космических лучей Якутского филиала СО АН СССР. URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 05.01.2020).

изучения полярных сияний не только в СССР, но и за рубежом [4, с. 84].

В связи с подготовкой к Международному геофизическому году тематика лаборатории значительно расширилась. Стали проводиться комплексные исследования ионосферы, геомагнитного поля, земных токов, естественного низкочастотного радиоизлучения и осуществляться радиолокация полярных сияний¹⁸. Ионосферную станцию возглавил А.П. Мамруков. Была развернута сеть станций для наблюдения за полярными сияниями, введены в эксплуатацию многие приборы для регистрации явлений в верхней атмосфере и околоземном космическом пространстве [9, с. 13]. Сформировался сильный коллектив, в котором работали космофизики Н.Н. Ефимов, Д.Д. Красильников, А.И. Кузьмин, Г.В. Скрипин, В.Д. Соколов, оптики В.М. Игнатъев, Ю.А. Надубович, В.И. Ярин, радиофизики Е.Ф. Вершинин, Е.А. Пономарев и др. [8, с. 115].

Геофизическая полярная станция в Тикси на берегу Северного Ледовитого океана была создана сотрудниками Киевского университета, здесь также трудились физики, принятые на работу по рекомендации академика А.М. Будкера. В 1960 г. Тиксинская станция, Якутская ионосферная и магнитная станции перешли в состав лаборатории Ю.Г. Шафера¹⁹. В 1962 г. распоряжением Совета министров РСФСР был организован в крупнейший в Сибири институт по изучению физики космоса – Институт космофизических исследований и аэронауки Якутского филиала АН СССР во главе с Ю.Г. Шафером²⁰ [2, с. 9].

Станция (лаборатория), а впоследствии Институт космофизических исследований и аэронауки накопили богатейший материал непрерывной регистрации космических лучей в диапазоне от 1 до 300 млрд электрон-вольт. Разработка камер АСК и оснащение ими сети станций, а также создание подземного комплекса скрещенных телескопов оригинальной конструкции заложили основу для многолетних наблюдений за динамикой космического излучения. Только в 1970-х гг. такие комплексы стали появляться в США, Японии, Австралии. Многолетние наблюдения вариаций космических лучей и теоретический анализ механизмов способствовали пониманию взаимодействия этих частиц с солнечным ветром и межпланетным магнитным полем, позволили получить некоторые сведения о дальнейшей гелиосфере и найти ключ к пониманию физических процессов в дальнем космосе с участием космических лучей²¹. Становление и развитие фунда-

ментальных исследований в области физики космических лучей в Якутии состоялось во многом благодаря активной поддержке и участию С.Н. Вернова и его московских коллег-физиков²²

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показано выше, длительное время Якутия, сопоставимая по своей территории с некоторыми государствами Западной Европы, оставалась «белым пятном» в климатологии, хотя оказывала влияние на погоду значительной части Евразии. Благодаря активной позиции якутского правительства во главе с М.К. Аммосовым Якутия стала первой национальной республикой в СССР, где были успешно организованы и проведены академические комплексные исследования.

На первом этапе (1925–1941 гг.) благодаря деятельности экспедиции АН СССР была сформирована сеть из 23 станций, Геофизической обсерватории и полярной станции на о. Большой Ляховский на Новосибирских островах. С конца 1930-х гг. начались активные исследования молодого ученого Ю.Г. Шафера, организовавшего регулярные измерения интенсивности космических лучей.

Второй этап (1947–1962 гг.) связан с возвращением в Якутск Ю.Г. Шафера. Его командой с помощью видных отечественных физиков страны были разработаны уникальные инновационные приборы на полупроводниках для искусственных спутников Земли, фотографические и ионизационные камеры. Результаты деятельности станции на о. Большой Ляховский на Новосибирских островах имели международное значение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолаева Ю.Н. Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг. Развитие науки в Якутии. Новосибирск: Наука, 2001. 166 с.
2. Крымский Г.Ф. Космофизика в Якутии за полвека // Наука и техника в Якутии. 2001. № 1. С. 8–10.
3. Крымский Г.Ф. Организатор космофизических исследований в Якутии // Наука и техника в Якутии. 2010. № 1. С. 74–76.
4. Борисов Г.В. Организатор аэронавигационных исследований в Якутии // Наука и техника в Якутии. 2001. № 1. С. 84.
5. Антонов Ю.К. От экспедиции к обсерватории (1925–1930-е годы) // Якутский архив. 2005. № 1. С. 78–89.
6. Антонов Ю.К. М.К. Аммосов: организация Геофизической обсерватории // Якутский архив. 2007. № 4. С. 27–30.
7. Антонов Ю.К. Шары-пилоты и зонды над Верхоянском // Наука и техника в Якутии. 2011. № 1. С. 47–50.
8. Куперитох Н.А. О первых академических институтах Якутии и их основателях // Философия науки. 2006. № 3. С. 108–128.
9. Куперитох Н.А. Становление академической науки Якутии // Якутский архив. 2012. № 1. С. 9–18.
10. Антонов Е.П. Экспедиция АН СССР 1925 – 1930 гг. и проблемы формирования научной интеллигенции Якутии // История науки и техники. 2011. № 3. С. 45–52.

¹⁸ Крымский Г.Ф. Воспоминания о Ю.Г. Шафере. // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 03.01.2020).

¹⁹ Александр Прокопьевич Мамруков // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 11.01.2020); Крымский Г.Ф. Воспоминания о Ю.Г. Шафере. URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 03.01.2020).

²⁰ Скрипин Г.В. 50 лет со дня создания лаборатории космических лучей Якутского филиала СО АН СССР. // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 05.01.2020).

²¹ Там же.

²² С.Н. Вернов и исследования космических лучей в Якутии // URL: <http://ikfia.ysn.ru/> (дата обращения: 07.01.2020).

REFERENCES

1. *Ermolaeva Yu.N.* Yakut complex expedition of 1925–1930. The science development in Yakutia. Novosibirsk, Nauka, 2001. 166 p. (In Russ.)
2. *Krymsky G.F.* Cosmophysics in Yakutia for a half of the century. *Nauka i tekhnika v Yakutii*, 2001, no. 1, pp. 8–10. (In Russ.)
3. *Krymsky G.F.* An organizer of cosmophysical research in Yakutia. *Nauka i tekhnika v Yakutii*, 2010, no. 1, pp. 74–76. (In Russ.)
4. *Borisov G.V.* The organizer of aeronomy research in Yakutia. *Nauka i tekhnika v Yakutii*, 2001, no. 1, p. 84. (In Russ.)
5. *Antonov Yu.K.* From expedition to the observatory (1925–1930s). *Yakutskiy arkhiv*, 2005, no. 1, pp. 78–89. (In Russ.)
6. *Antonov Yu.K.* M.K. Ammosov: organization of the Geophysical Observatory. *Yakutskiy arkhiv*, 2007, no. 4, pp. 27–30. (In Russ.)
7. *Antonov Yu.K.* Balloon-pilots and probes over Verkhoyansk. *Nauka i tekhnika v Yakutii*, 2011, no. 1, pp. 47–50. (In Russ.)
8. *Kupershtokh N.A.* On the first academic institutes of Yakutia and their founders. *Filosofiya nauki*, 2006, no. 3, pp. 108–128. (In Russ.)
9. *Kupershtokh N.A.* The academic science formation in Yakutia. *Yakutskiy arkhiv*, 2012, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)
10. *Antonov E.P.* The USSR Academy of Sciences expedition of 1925–1930 and problems of the scientific intelligentsias formation in Yakutia. *Istoriya nauki i tekhniki*, 2011, no. 3, pp. 45–52. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.02.2020

Дата рецензирования 02.03.2020

Статья принята к публикации 04.07.2020

DOI: 10.15372/HSS20200316
УДК 001.32:655.411(571.1/.5)"1990/2000"

А.М. ПАНЧЕНКО

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕЗИДИУМА СО РАН В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА
ОТ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ К АВТОНОМИЗАЦИИ НАУЧНОГО КНИГОИЗДАНИЯ
(1990–2000 гг.)**

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,
РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 15.

В статье на основе текущих архивов Сибирского предприятия «Наука» РАН (Новосибирской типографии № 4) и Сибирской издательской фирмы «Наука» РАН анализируются особенности научного книгоиздания в СО РАН в 1990–2000 гг. Рассмотрены нормативно-правовые документы Президиума СО РАН, регламентировавшие организационную и финансовую стороны деятельности Сибирского отделения в области научного книгоиздания при переходе от централизованной к автономной научно-издательской деятельности. Прослежена история создания Издательства СО РАН, выявлены предпосылки и цели его учреждения. Раскрыты отношения в области научного книгоиздания между Президиумом СО РАН и структурными подразделениями Издательства «Наука» РАН.

Ключевые слова: научное книгоиздание, Сибирское отделение РАН, нормативно-правовые документы, РИСО СО РАН, Издательство СО РАН, Сибирская издательская фирма «Наука» РАН, Сибирское предприятие «Наука» РАН (Новосибирская типография № 4), Ассоциированное издательство СО РАН, научные журналы.

A.M. PANCHENKO

**ACTIVITIES OF THE PRESIDIUМ OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES UNDER CONDITIONS OF TRANSITION
FROM CENTRALIZATION TO AUTONOMY OF SCIENTIFIC BOOK PUBLISHING
(1990–2000)**

State Public Scientific Technical Library SB RAS,
15, Voshod Str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

Scientific book publishing plays an important role in the presentation and dissemination of scientific knowledge. The article first considers the publishing activity of the Russian Academy of Sciences during the last decade of the XX century. The paper objective is to characterize scientific book publishing in the Russian Academy of Sciences in 1990-2000. The research source base includes numerous documents of archives of the Siberian publishing company "Nauka" of the Russian Academy of Sciences and the Siberian enterprise "Nauka" of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk Printing House no. 4). The work's methodological basis is the theory of modernization – bringing scientific book publishing in line with the current situation. The study uses the principles of historicism, objectivity, systematicity, as well as structural, comparative analysis, historical fact localization approaches. To lower the cost and speed up the process of publishing scientific literature, the Russian Academy of Sciences forced to create its own autonomous Publishing House in March 1995. In a short period of time, it went from the initial stage, when several journal editions were created based on a printing site, to a full-fledged publishing house producing and distributing scientific literature and periodicals. Some institutions of the Russian Academy of Sciences started to create and equip their own publishing centers with modern printing equipment. The Editorial-Publishing Council of SB RAS played a major role in creating an autonomous system of scientific book publishing and its improvement. The article presents the normative and legal documents prepared by the Presidium of the Russian Academy of Sciences regulating the organizational and financial aspects of the activities of the Branch in the scientific book publishing field, especially during the transition from centralized to autonomous scientific and publishing activities in the Branch. It reveals relationships in the field of scientific book publishing between the Presidium of the Russian Academy of Sciences, Siberian publishing company "Nauka" of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk printing house no. 4 "Nauka" of the Russian

---

Анатолий Михайлович Панченко – д-р ист. наук, доцент, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: a.m.panchenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8146-5496>.

Anatolij M. Panchenko – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

Academy of Sciences and Publishing House of the Russian Academy of Sciences. The obtained results give a complete idea on the structure of book publishing in the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, difficulties of scientific book publishing, and ways to overcome them, allow completing the picture of scientific book publishing in the Siberian region.

Key words: scientific book publishing, Siberian Branch, Russian Academy of Science, history of scientific book publishing, standard and legal documents, Editorial-Publishing Council of SB RAS, Siberian Branch of the Russian Academy of Science Publishing house, Siberian book-publishing company "Nauka" RAS, Siberian enterprise "Nauka" RAS (Novosibirsk printing house no. 4), associated publishing house of SB RAS, scientific magazines.

ВВЕДЕНИЕ

Научное книгоиздание играет важную роль в сохранении, презентации и распространении научных знаний и тем самым в трансляции научного и культурного наследия страны, повышении ее статуса на международной арене. Актуальность изучения научного книгоиздания как одного из направлений современных исследований особенно возрастает в связи с отсутствием комплексных исследований по данной теме. Его основные характеристики в постсоветский период в рамках СО РАН впервые рассматриваются в настоящей статье. Целью данной работы является анализ научного книгоиздания в СО РАН в 1990–2000 гг.

Источниковая база исследования широка и репрезентативна: это многочисленные документы текущих архивов Сибирского предприятия «Наука» РАН (Новосибирской типографии № 4) и Сибирской издательской фирмы «Наука» РАН, а также аннотированные тематические планы выпуска научной литературы.

Методологическим основанием работы стала теория модернизации, включая модернизацию книжной культуры и книгоиздания как одного из ее элементов. Под модернизацией в данном случае понимается введение книгоиздательской деятельности в соответствие с современной ситуацией – технической, технологической, организационной, финансовой и т.п.

Временные рамки исследования (1990–2000 гг.) выбраны автором не случайно. Трудности 1990-х гг. не обошли стороной ни академическую науку, ни научное книгоиздание. С одной стороны, в эти годы произошло резкое снижение финансирования институтов СО РАН, а с другой – Издательство «Наука» РАН, выпускавшее почти все научные журналы, пользуясь правами монополиста, резко увеличило стоимость издательских услуг. Вместе с тем в кризисные 1990-е гг., когда государство значительно сократило финансирование издательской, полиграфической и книготорговой сфер деятельности, перед предприятиями в этих сферах также стояла задача – «выжить». В тех условиях Президиумом СО РАН была проведена большая работа по реорганизации научного книгоиздания путем перехода от централизованной к автономной научно-издательской деятельности в Отделении. В процессе реформирования были созданы Издательство СО РАН (1994 г.), издательские структуры Бурятского и Якутского научных центров (1997 г.), Совет директоров научных издательств СО РАН (1997 г.), приняты Положение об Ассоциированном издательстве СО РАН (1995 г.) и Положение о РИСО СО РАН (1998 г.) и др. Завершились преобразования принятием постановле-

ния Президиума СО РАН № 299 от 28 октября 1999 г. «О реорганизации Издательства СО РАН», на основании которого все намеченные в нем организационные мероприятия в области научного книгоиздания должны были завершиться в I квартале 2000 г.

Одним из основных результатов деятельности СО РАН являются научные издания, в которых в обобщенном виде представлены результаты работы институтов, лабораторий, ученых. Поэтому научно-издательская деятельность в жизни академического сообщества занимает важное место. От того, как издательская система выстроена, насколько она является престижной, финансово привлекательной с точки зрения качества предлагаемых издательско-полиграфических услуг, зависит и ее эффективность.

НАУЧНОЕ КНИГОИЗДАНИЕ В СО РАН В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Многие годы, буквально с самого начала организации Сибирского отделения, в Новосибирске осуществляло свою деятельность Издательство «Наука», являвшееся отделением Издательства «Наука» АН СССР. Им было издано большое количество монографий и научных журналов¹, подготовленных учеными Отделения и получивших заслуженное признание не только у нас в стране, но и за рубежом. Но в начале 1990-х гг., в условиях перехода страны к рыночной экономике, в Издательстве «Наука» возникли определенные трудности, связанные, прежде всего, с финансированием и внутренними организационными проблемами, что негативно повлияло на отношения

¹ В 1990 г. в СО АН СССР выходили следующие научные журналы: 1) «Геология и геофизика» (12 выпусков), цена – 18 руб., издавался в США под названием «Советская геология и геофизика» издательством «Аллертон пресс»; 2) «Оптика атмосферы» (12 вып.), цена – 15 руб., с 1989 г. переводился на английский язык для распространения за рубежом; 3) «ЭКО» (12 вып.), цена – 8 руб. 40 коп.; 4) «Журнал структурной химии» (6 вып.), цена – 12 руб. 60 коп.; 5) «Автометрия» (издавался с 1965 г., 6 вып.), цена – 7 руб. 80 коп.; 6) «Сибирский математический журнал» (основан в 1960 г., 6 вып.), цена – 13 руб. 50 коп.; с 1966 г. переводился в США на английский язык корпорацией «Пленум»; 7) «Физика горения и взрыва» (6 вып.), цена – 7 руб. 50 коп.; 8) «Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых» (6 вып.), цена – 7 руб. 80 коп.; журнал переводился на английский язык и издавался в США; 9) «Журнал прикладной механики и технической физики» (6 вып.), цена – 11 руб. 40 коп.; 10) «Известия Сибирского отделения АН СССР». Серии (5): а) «Серия технических наук» (6 вып.), цена – 9 руб.; б) «Серия биологических наук» (3 вып.), цена – 4 руб. 50 коп.; в) «Серия истории, филологии и философии» (3 вып.), цена – 1 руб. 65 коп.; г) «Серия экономики и прикладной социологии» (3 вып.), цена – 1 руб. 65 коп.; д) «Серия химических наук» (6 вып.), цена – 9 руб.

в области научного книгоиздания между, с одной стороны, Сибирским отделением и научными институтами, а с другой – Издательством «Наука» РАН и его структурными подразделениями: Сибирской издательской фирмой (СИФ) Всероссийского объединения (ВО) «Наука» РАН и Новосибирской типографией № 4 ВО «Наука» РАН².

В 1992 г. выпуск научной литературы в СО РАН осуществлялся в плановом порядке в СИФ «Наука» и институтах Отделения на их собственной полиграфической базе³. Все актуальные вопросы научного книгоиздания, в первую очередь финансирования, решались на Президиуме СО РАН, Бюро РИСО и совещаниях с участием редколлегий журналов, руководства СИФ «Наука» и Новосибирской типографии № 4. Было принято решение о компенсации из резерва Президиума СО РАН 50 % затрат на научные монографии и выделении дотаций СИФ на издание журналов. В соответствии с этим решением институтам СО РАН было выплачено 7,2 млн руб. и СИФ – 13,8 млн руб. Кроме того, выделено 293 тыс. руб. на оплату изданий в других издательствах. Однако, несмотря на принимаемые меры, некоторые институты не смогли оплатить и полновысокой стоимости изданий и были вынуждены забрать из издательства порой уже подготовленные к печати рукописи и издать их на собственной полиграфической базе или вообще отказаться от издания.

Выпуск научных журналов для издательств в основном считался убыточным делом. Существенную прибыль приносили переиздание журналов за рубежом (8 журналов СО РАН переводились на английский язык и переиздавались полностью через издательства «Пленум Паблишинг Корпорейшн», «Аллертон Пресс» и «Скрипта техника» и еще 2 – частично, отдельными статьями, в других издательствах), а также продажа русскоязычных версий всех журналов объединением «Международная книга». Однако договоры на переиздание и продажу журналов заключались руководством ВО «Наука» РАН, ему же централизованно поступали и все доходы, которыми оно не делилось ни с СО РАН, ни с СИФ⁴. Поэтому в апреле 1992 г., по предложению издательской фирмы «Пленум Паблишинг Корпорейшн», СО РАН перезаключило договоры с этой фирмой на переиздание пяти журналов на пери-

од с 1996 по 2001 г. на более выгодных условиях. Тогда же издательство «Пленум Паблишинг Корпорейшн» выделило 6 тыс. дол. США в качестве гуманитарной помощи для поддержки русскоязычных изданий. Аналогичным образом были перезаключены договоры и с издательством «Аллертон Пресс».

Для того, чтобы удешевить и ускорить процесс издания научных трудов, потребовалось упорядочить систему научного книгоиздания в СО РАН. Поступали различные предложения и идеи. Одним из них было предложение Президиуму РАН начать акционирование Всероссийского объединения издательских, полиграфических и книготорговых предприятий «Наука» и, в частности СИФ «Наука», с участием Президиума и научных учреждений СО РАН, журнальных и книжных редакций коллектива СИФ «Наука».

Дальнейший порядок взаимоотношений в области научного книгоиздания между СО РАН и СИФ «Наука» и Новосибирской типографией № 4 «Наука» был определен в Постановлении Президиума СО РАН «О развитии издательской деятельности Сибирского отделения РАН» от 2 апреля 1993 г.

Высокая стоимость изданий в СИФ стала одной из причин создания академическими институтами собственных издательских центров (НИЦ, ИПЦ, полиграфических участков и др.) и оснащения их современным полиграфическим оборудованием. Отказался от услуг СИФ Институт математики СО РАН, организовавший свое издательство с целью выпуска научных трудов института и «Сибирского математического журнала». Издающие структуры были учреждены и в других институтах: Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП), Объединенном институте геологии и геофизики, Институте теплофизики, Институте археологии и этнографии и др.

Принимаемые Президиумом СО РАН меры и предложения организационного и финансового характера по урегулированию взаимоотношений с СИФ «Наука» РАН, Новосибирской типографией № 4 «Наука» РАН как монополистами не позволили решить возникшие вследствие перехода к рыночной экономике проблемы в области научного книгоиздания. В результате для того, чтобы упорядочить этот вид деятельности и тем самым удешевить и ускорить процесс издания научной литературы, СО РАН было вынуждено перейти к созданию собственной издательской системы.

СОЗДАНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА СО РАН И АССОЦИИРОВАННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА СО РАН

На основании решений Общего собрания СО РАН № 1 от 4 марта 1994 г. и Президиума СО РАН № 82 от 14 марта 1994 г., где был поставлен вопрос об обеспечении издательской деятельности Отделения путем организации собственного издательства по выпуску научных книг и журналов средствами оперативной полиграфии, 11 июля 1994 г. Президиум СО РАН при-

² В рамках структурной реорганизации Академии наук СССР в 1989 г. Издательство «Наука» было преобразовано в Издательско-производственное и книготорговое объединение «Наука» (ИПКО «Наука»). Утвержденные в 1991 г. уставы Сибирского отделения Издательства «Наука» и Новосибирской типографии № 4 подтвердили их непосредственное подчинение столичному Издательству «Наука». Распоряжением Президиума РАН от 12 мая 1992 г. ИПКО «Наука» преобразовано во Всероссийское объединение издательских, полиграфических и книготорговых предприятий «Наука» РАН (ВО «Наука»). В структуру ВО «Наука» на правах юридических лиц вошли Сибирская издательская фирма «Наука» РАН и Новосибирская типография № 4.

³ Редакционно-издательская деятельность. Подводя итоги академического года // Наука в Сибири. 1993. № 15. Апрель. С. 4.

⁴ Например, в США в 1994 г. подписка на том 34 «Сибирского математического журнала» составляла 1295 дол. США.

нял постановление «Об издательстве Сибирского отделения РАН» № 183. На его основании было создано Издательство СО РАН (ИСО РАН). В том же году, согласно другому постановлению Президиума СО РАН – № 309 от 2 декабря 1994 г. «Об Издательстве СО РАН», ему выделялось бюджетное финансирование в размере 220,0 тыс. руб. в соответствии с представленным штатным расписанием. Директору СИФ «Наука» предлагалось перевести сотрудников редакций журналов в ИСО РАН согласно законодательству с 1 января 1995 г.

Директор ИСО РАН Г.Г. Доронин, подводя итоги за полтора года деятельности издательства, выделил два этапа в его развитии⁵. На первом – был запланирован выпуск научных журналов, учредителем которых выступило СО РАН. Для этого из Издательства «Наука» РАН перевели только журнальные редакции. На втором этапе намечался выход в свет монографий, для чего была создана книжная редакция.

В 1995 г. была воплощена идея председателя СО РАН академика В.А. Коптюга о создании Ассоциированного издательства СО РАН (АИСО РАН)⁶. В целях дальнейшего совершенствования издательской деятельности СО РАН, объединения усилий и средств по изданию научных трудов и во исполнение постановления Президиума СО РАН № 49 от 24 февраля 1994 г. Президиум СО РАН утвердил Положение о Ассоциированном издательстве СО РАН. Для регулирования вопросов взаимодействия в нем институтам СО РАН было рекомендовано заключить договор о совместной деятельности.

АИСО РАН образовывалось на базе ИСО РАН, институтов СО РАН и издающих организаций, занятых подготовкой и выпуском научных трудов. Цель АИСО РАН – укрепление и дальнейшее развитие его участников, повышение уровня проводимых работ, привлечение научной общественности и специалистов к совместному решению актуальных научно-технических и организационных проблем, повышение профессионального уровня сотрудников. ИСО РАН стало головной организацией, объединявшей на добровольных началах в качестве ассоциированных членов институты СО РАН и организации, занятые подготовкой и выпуском научных изданий. Оно осуществляло методическое руководство, координацию и контроль деятельности входящих организаций. АИСО РАН было открыто для участия любых организаций, которые могли выступать в качестве участников. Члены АИСО РАН имели право на издание научных трудов по лицензии на издательскую деятельность ИСО РАН и централизованное использование приобретенного оборудования и материалов по льготным расценкам на основе взаимных договоров.

⁵ Издательство: полтора года спустя // Наука в Сибири. 1996. № 34. сент. С. 7.

⁶ О Ассоциированном издательстве СО РАН. Постановление Президиума СО РАН № 217 от 31 июля 1995 г. // Архив Сибирского предприятия (СП) «Наука» РАН (Новосибирская типография № 4).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕЗИДИУМА СО РАН ПО РАЗВИТИЮ НАУЧНОГО КНИГОИЗДАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-х гг.

Президиум СО РАН уделял пристальное внимание книгоизданию в научных центрах Отделения [1]. Придавая большое значение дальнейшему развитию академической науки на территории Республики Саха (Якутия) в области естественных, технических и гуманитарных наук, наращиванию научно-технического потенциала Якутского научного центра (ЯНЦ) СО РАН и в целях практической реализации Соглашения между Правительством Республики Саха (Якутия) и Президиумом СО РАН «О поддержке научных учреждений ЯНЦ СО РАН» от 10 октября 1995 г., Президиум СО РАН принял постановление № 254 от 18 октября 1996 г. «О поддержке научных учреждений ЯНЦ СО РАН». Одним из его пунктов было: «Считать целесообразным создать в IV квартале 1996 г. Издательство ЯНЦ СО РАН, на базе полиграфических подразделений учреждений Отделения в г. Якутске, в качестве ассоциированного члена ИСО РАН».

В том же году, рассмотрев вопрос об улучшении издательской деятельности Бурятского научного центра (БНЦ) СО РАН, постановлением № 275 от 2 декабря 1996 г. «Об организации Издательства БНЦ СО РАН» Президиум СО РАН поддержал решение Президиума БНЦ СО РАН о создании Издательства БНЦ СО РАН на правах структурного подразделения Президиума БНЦ СО РАН, в качестве ассоциированного члена ИСО РАН. Планово-финансовому управлению (ПФУ) СО РАН была поставлена задача на 1997 г. предусмотреть целевое финансирование Издательства БНЦ СО РАН. К этому постановлению Президиума СО РАН прилагалось Положение об Издательстве БНЦ СО РАН, утвержденное Президиумом БНЦ СО РАН.

28 октября 1999 г. Президиум СО РАН принял постановление № 299 «О реорганизации ИСО РАН», согласно которому издательские подразделения БНЦ и ЯНЦ преобразовывались в филиалы ИСО РАН.

Вследствие резкого сокращения объема финансирования основным источником получения иностранных журналов стал международный книгообмен (МКО)⁷. Так, в 1996 г. на средства государственного бюджета было заказано 232 комплекта журналов; гуманитарная помощь, в том числе фонда Сороса, составила еще 270 комплектов и МКО – 900 комплектов журналов (в 1995 г. соответственно 300–800–535). Из-за отсутствия средств наметилась тенденция сокращения книгообмена: снизились объемы отправляемой литературы, в первую очередь журналов СО РАН. В связи с этим Президиум СО РАН принял постановление № 269 от 18 ноября 1996 г. «О международном книгообмене», которое обязывало директоров институтов направлять безвозмездно в адрес ГПНТБ СО РАН для целей МКО 25 экз. всех выпускаемых на базе институтов монографий, а также, по согласова-

⁷ О международном книгообмене. Постановление Президиума СО РАН № 269 от 18 ноября 1996 г. // Архив СП «Наука» РАН.

нию, препринтных и других печатных изданий. Главным редактором научных журналов СО РАН ИСО РАН было предложено направлять безвозмездно по заявке в адрес ГПНТБ СО РАН для целей МКО до 40 комплектов журналов.

В начале 1997 г. была образована рабочая группа во главе с академиком Ю.Н. Молиным, изучавшая издательскую деятельность в Отделении. Результаты ее работы рассматривались на заседании Президиума СО РАН. По итогам обсуждения было принято постановление⁸, в котором одобрялась деятельность Президиума и РИСО СО РАН по созданию системы распределенных издательско-полиграфических центров на базе институтов СО РАН. Финансирование издательской деятельности Отделения за счет централизованных средств в объемах, ежегодно определяемых Президиумом СО РАН по представлению РИСО, считалось приоритетным. Была создана комиссия по финансово-экономической оценке издательской деятельности при РИСО СО РАН. Рекомендовалось продолжить работу по созданию издательств в научных центрах Отделения, а научным учреждениям – шире использовать возможности РФФИ, РГНФ и других фондов для поддержки книжных и журнальных издательских проектов.

Президиум СО РАН не только оказывал всестороннюю помощь ИСО РАН, но и осуществлял контроль над ним. Согласно его распоряжению № 15000-636 от 6 октября 1997 г. «О создании комиссии по развитию Издательства СО РАН» была организована рабочая группа (9 чел.) во главе с председателем – главным ученым секретарем Отделения, чл.-кор. РАН В.М. Фоминым. Она должна была всесторонне изучить положение дел в ИСО РАН и подготовить к заседанию Президиума СО РАН предложения о дальнейшем его развитии.

Президиумом СО РАН был заслушан доклад директора ИСО РАН Г.Г. Доронина и председателя комиссии чл.-кор. РАН В.М. Фомина о работе и дальнейших направлениях деятельности издательства. Результатом обсуждения стало постановление Президиума СО РАН № 399 от 30 октября 1997 г. «Об итогах и перспективах работы ИСО РАН»⁹. В нем отмечалось, что благодаря деятельности ИСО РАН была достигнута главная цель – сохранен репертуар научных журналов, стабилизировалось число подписчиков и улучшилось качество изданий; все это позволило избежать обвального повышения цен на печатную продукцию и сократить сроки ее выхода. Выбранная Президиумом стратегия издательской деятельности была признана правильной. Вместе с тем в ИСО РАН были выявлены многочисленные нарушения финансовой дисциплины, бух-

галтерского учета и отчетности, случаи отсутствия должного взаимодействия руководства ИСО с РИСО РАН, а также с издающими подразделениями институтов Отделения.

РИСО СО РАН был разработан и утвержден «План по выполнению решений и предложений заседания Президиума СО РАН от 30 октября 1997 г. “Итоги и перспективы работы Издательства СО РАН” (на 1997–1998 гг.)» и внесены предложения по улучшению работы отдела маркетинга ИСО РАН. На декабрь 1998 г. было запланировано заседание бюро РИСО СО РАН о ходе выполнения этого плана.

18 декабря 1997 г. Президиум СО РАН принял постановление «О совете директоров научных издательств СО РАН». Председателем совета был назначен И.Н. Готов с сохранением за ним обязанностей главного редактора газеты СО РАН «Наука в Сибири». В срок до 25 января 1998 г. ему было необходимо подготовить положение о совете директоров научных издательств СО РАН и представить его в Президиум СО РАН на утверждение.

На следующий год на заседании Президиума СО РАН было заслушано и обсуждено сообщение председателя РИСО, академика Н.Н. Покровского о деятельности РИСО по изданию научных журналов и монографий. Итогом обсуждения стало постановление Президиума СО РАН № 51 от 12 февраля 1998 г. «О деятельности РИСО СО РАН в 1997 г. по выпуску научных журналов и монографий в Отделении»¹⁰. Была утверждена новая редакция Положения о РИСО СО РАН, а академику Н.Н. Покровскому поручалось до 5 марта представить на утверждение Президиуму СО РАН уточненный персональный состав совета. На этом заседании была удовлетворена просьба Института математики о включении СО РАН в состав учреждений журнала «Дискретный анализ и исследование операций».

Руководителям институтов предлагалось усилить контроль над качеством и сроками представления монографий, включенных в тематический план изданий СО РАН, а РИСО – ежегодно выпускать аннотированный тематический план самостоятельных изданий институтов Отделения. РИСО и вновь образованному совету директоров научных издательств необходимо было дать свои предложения по: 1) порядку формирования ежегодного плана научных изданий СО РАН с учетом реального выпуска книг; 2) мерам повышения качества изданий (научный уровень и полиграфическое исполнение); 3) системе финансирования научных изданий, стимулирующей качественное и своевременное представление рукописи в издательство; 4) окупаемости научных изданий (снижение себестоимости, гибкая система цен, эффективный маркетинг, учет средств от продажи лицензий и издания английских версий, привлечение грантов российских и за-

⁸ О результатах, представленных рабочей группой по подготовке материалов об издательской деятельности СО РАН. Постановление Президиума СО РАН № 104 от 7 апреля 1997 г. // Архив СП «Наука» РАН. Вх. № 240. Л. 1. 15.04.1997 г.

⁹ Об итогах и перспективах работы Издательства СО РАН. Постановление Президиума СО РАН № 399 от 30 октября 1997 г. // Архив СП «Наука» РАН.

¹⁰ О деятельности РИСО СО РАН в 1997 г. по выпуску научных журналов и монографий в Отделении. Постановление Президиума СО РАН № 51 от 12 февраля 1998 г. // Архив СП «Наука» РАН.

рубежных научных фондов, доходы от коммерческой издательской деятельности). Им же было необходимо ежегодно готовить аннотированный электронный список изданных за очередной год монографий, а перечень монографических изданий СО РАН за последние три года представить в виде отдельной базы данных в сети Интернет. РИСО совместно с главными редакторами журналов необходимо было подготовить предложения по финансированию английских версий журналов: «Сибирский экологический журнал», «Теплофизика и аэромеханика» и «Химия в интересах устойчивого развития», а совместно с НГУ – подготовить предложения по программе совместного издания учебников и учебных пособий для высшей школы, а также базовых курсов лекций, читаемых в университете.

В 1999 г.¹¹ СИФ «Наука» РАН, ИСО РАН, научными центрами, полиграфическими участками институтов и другими издательскими структурами было выпущено 25 наименований научных журналов, в 18 из них СО РАН являлось основным учредителем (для сравнения в 1995 г. в ИСО РАН выходило 9 научных журналов¹², а в 1997 г. – еще один¹³, с 1997 г. в НИЦ ОИГГМ СО РАН начали издавать еще два – «Криосфера Земли»¹⁴ и «География и природные ресурсы»). Президиум СО РАН из своего резерва выделил денежные средства для 17 научных журналов, годовой объем которых составил 1370,2 уч.-изд. л. В этом же году на основании постановления Президиума СО РАН был зарегистрирован и подготовлен к выходу новый журнал «Археология, этнография и антропология Евразии» на русском и английском языках (4 номера в год, объемом 20 уч.-изд. л.). СО РАН и Институт археологии и этнографии Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН стали его соучредителями. Издавать его планировалось на базе Института археологии и этнографии СО РАН.

¹¹ О работе Президиума СО РАН в 1999 г. // Наука в Сибири. 1999. № 17. май. С. 8.

¹² В 1995 г. ИСО РАН выпускало 9 научных журналов: 1) «Автометрия» (издавался с 1965 г., 6 вып.), цена в 1995 г. – 5000 руб. 2) «Гуманитарные науки в Сибири» (издавался с января 1994 г., 4 вып.), цена – 5000 руб. Издавался в сериях: «Отечественная история» и «Философия и социология». 3) «Прикладная механика и техническая физика» (основан в 1960 г., 6 вып.), цена – 30000 руб. 4) «Регион: экономика и социология» (основан в январе 1994 г., 4 вып.), цена – 7000 руб. 5) «Сибирский экологический журнал» (выходил с 1994 г., 6 вып.), цена – 10000 руб. (рус.) и 15\$ USA (англ.). 6) «Теплофизика и аэромеханика» (выходил с 1994 г., 4 вып.), цена – 20000 руб. (рус.) и 20\$ USA (англ.); 7) «Физика горения и взрыва» (основан в 1965 г., 6 вып.), цена – 30000 руб. 8) «Химия в интересах устойчивого развития» (выходил со II полугодия 1993 г., 4 вып.), цена – 37250 руб. (рус.) и 30\$ USA (англ.). 9) «Журнал структурной химии» (основан в 1960 г., 6 вып.), цена – 8000 руб.

¹³ В 1997 г. к ранее выпускавшимся изданиям добавился журнал «Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых» (основан в 1965 г., 6 вып.), цена в 1995 г. – 7000 руб.

¹⁴ Согласно постановлению Президиума СО РАН «Об издании периодического научного журнала “Криосфера Земли”» № 168 от 5 июля 1996 г. директору ИСО РАН была поставлена задача по организации работ по его выпуску (периодичность 4 вып. в год, с возможным увеличением до 6).

Постановлением Президиума СО РАН № 125 от 16 апреля 1999 г. на основании предложений комиссии по финансово-экономической оценке издательской деятельности СО РАН при РИСО был определен порядок финансирования научных изданий в СО РАН. Теперь финансовые расчеты по научным журналам проводились в зависимости от тиража.

В 1999 г. по планам СО РАН было выпущено 132 книги объемом 2129,9 уч.-изд. л. Президиумом СО РАН сохранялся порядок компенсации 50 % расходов по изданию плановых монографий, в зависимости от стоимости учетно-издательского листа, определенной комиссией по финансово-экономической оценке издательской деятельности при РИСО СО РАН: из расчета 1500 руб. до 1 апреля 1999 г. и 1700 руб. – со II квартала 1999 г. Компенсация институтам производилась после выхода издания.

Кроме плановых изданий, институтами самостоятельно было выпущено 110 названий печатных трудов объемом 812,7 уч.-изд. л. 29 наименований книг ученых СО РАН были изданы зарубежными издательствами. Научные труды СО РАН, которые использовались для международного обмена, по-прежнему являлись основным источником получения иностранной литературы библиотеками СО РАН. В 1999 г. авторы 20 научных работ получили издательские гранты РФФИ и РГНФ.

«В целях совершенствования издательской деятельности в СО РАН, усиления координации издательских центров Отделения, рационализации использования финансовых средств, направляемых на выпуск печатной продукции, а также для приведения учредительных документов издательских некоммерческих организаций СО РАН в соответствие с действующими законодательством, уставами и соответствующими распорядительными документами РАН и СО РАН»¹⁵ Президиум СО РАН 28 октября 1999 г. принял постановление № 299 «О реорганизации ИСО РАН». В нем были определены основные направления реформирования этого издательства: 1) передать в состав Издательства СО РАН редакции всех научных журналов Отделения, в состав учредителей которых входит СО РАН (с сохранением прежнего местонахождения отдельных редакций); 2) организовать в составе ИСО РАН книжную редакцию на базе соответствующих подразделений Издательства, НИЦ ОИГГМ и других издательских структур Отделения; 3) реорганизовать издательские подразделения Бурятского и Якутского научных центров, а также Издательство «Спектр» ИОА СО РАН в филиалы ИСО РАН; 4) определить статус полиграфического участка ИСО РАН; 5) реорганизацию ИСО РАН провести в несколько этапов, завершив ее в I квартале 2000 г. Таким образом, в 2000 г. Президиум СО РАН планировал закончить формирование научно-издательской

¹⁵ О реорганизации Издательства СО РАН. Постановление Президиума СО РАН № 299 от 28 октября 1999 г. // Архив СП «Наука» РАН.

Т а б л и ц а 1

Распределение выпуска научной литературы СО РАН между издательствами по плану на 2000 г.
(составлено по: [2])*

Table 1

Distribution of the issue of scientific literature of the SB RAS among publishers according to the plan for 2000

№ п/п	Издательства	Доля издательств	
		абс.	отн., %
1	Издательства СО РАН:	178	71,2
1	ИСО РАН	61	24,4
2	НИЦ ОИГГМ	30	12
3	ИАЭт	27	10,8
4	ИЭОПП	19	7,6
5	БНЦ	13	5,2
6	Институт географии (г. Красноярск)	9	3,6
7	Институт мерзлотоведения (г. Якутск)	7	2,8
8	Институт оптики атмосферы (г. Томск)	3	1,2
9	Институт математики	2	0,8
10	Институт ВМ и МГ	2	0,8
11	ГПНТБ СО РАН	2	0,8
12	Институт теплофизики	1	0,4
13	Институт катализа	1	0,4
14	Институт неорганической химии	1	0,4
2	СИФ Академиздатцентра «Наука» РАН	59	23,6
3	Другие, в том числе частные	13	5,2
	И т о г о:	250	100

*Аннотированный тематический план выпуска научной литературы СО РАН на 2000-й год. Новосибирск : Изд-во СО РАН, НИЦ ОИГГМ, 2000. 94 с.

системы и улучшить деятельности ИСО РАН как структурной единицы Отделения.

31 августа 2000 г. Президиум СО РАН выпустил распоряжение № 15000-513 «О распределении тиража плановых монографий СО РАН»¹⁶. В нем в целях выполнения постановления Президиума СО РАН № 1102 от 22 марта 2000 г. было утверждено Положение о распределении тиража книг, издаваемых по тематическим планам выпуска научной литературы СО РАН в 2000–2002 гг. при финансовой поддержке Президиума СО РАН.

Это положение распространялось на тиражи книг, издаваемых учреждениями СО РАН по тематическим планам научной литературы СО РАН в различных издательствах или издающих организациях при полном или долевым финансировании издания из централизованных средств СО РАН. Весь тираж, за исключением экземпляров, подлежащих обязательной федеральной рассылке (17 экз.), и контрольных экземпляров издательства (3 экз.), распределялся между финансирующими сторонами пропорционально доле вло-

женных средств, о чем составлялся соответствующий акт. Каждый участник финансирования распоряжался собственными экземплярами по своему усмотрению. Часть тиража, профинансированная Президиумом СО РАН, направлялась в ГПНТБ СО РАН (для целей МКО) – 25 экз., оставшаяся – в ИСО РАН для последующей реализации. Учреждения СО РАН, которые выпускали книги в издательствах, не входящих в состав СО РАН, обязаны были соблюдать те же условия распределения. Средства от реализации книг, издание которых было профинансировано частично или полностью Президиумом СО РАН, оставались в ИСО РАН для развития издательской базы и службы маркетинга Отделения. ИСО РАН было обязано на отдельном субсчете баланса учитывать средства, получаемые от реализации каждого планового издания, и ежегодно представлять в ИСО СО РАН финансовый отчет по поступлению и расходованию этих средств.

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕЗИДИУМА СО РАН ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОБСТВЕННОЙ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ БАЗЫ

Подтверждением того, что выбранная Президиумом СО РАН стратегия научно-издательской деятельности оказалась верной, стало создание

¹⁶ О распределении тиража плановых монографий СО РАН. Распоряжение Президиума СО РАН № 15000-513 от 31 августа 2000 г. // Архив СИФ «Наука» РАН. Вх. № 100. от 06.09. 2000 г.

Т а б л и ц а 2

Сравнительная динамика количества изданий, планируемых к выпуску в СИФ «Наука» РАН и в ИСО РАН в 1990–2000 гг.*

Table 2

Comparative dynamics of the number of publications planned for publication at SIF Nauka RAS and at ISO RAS in 1990–2000

Издательства	1991 г.		1996 г.		2000 г.	
	абс.	отн. (%)	абс.	отн. (%)	абс.	отн. (%)
СИФ «Наука» РАН	192	100	204	89,9	59	49,2
ИСО РАН**	0	0	23	10,1	61	50,8
В с е г о	192	100	227	100	120	100

*Составлено по: Аннотированный тематический план выпуска научной литературы СО РАН на 2000-й год; Каталог книг Издательства «Наука». 1991; Аннотированный тематический план выпуска литературы Сибирской издательской фирмы Российской академии наук на 1996 год. Новосибирск: Сиб. издат. фирма «Наука» РАН, 1996. 80 с.; Издательство Сибирского отделения Российской академии наук. Издательская программа на 1996 г. Новосибирск, 1995. 24 с.

**ИСО РАН в 1991 г. еще не существовало, было создано в 1994 г.

собственной издательской базы, способной обеспечивать выпуск значительной части научной литературы Отделения и позволяющей рассчитывать в этом большей частью на собственные силы. Доказательством этого является, например, «Аннотированный тематический план выпуска научной литературы СО РАН» на 2000 г.¹⁷, результаты анализа которого представлены в табл. 1.

Согласно данным табл. 1, больше всего изданий – 178 из 250 (или 71,2 %) – СО РАН предполагало выпустить в своем издательстве и издающих организациях. Это более чем в 3 раза превышало число книг, предназначенных для выпуска в СИФ Академиздатцентра «Наука» РАН, предшественник которой – Сибирское отделение Издательства «Наука» АН СССР – еще 10 лет назад был монополистом в этой отрасли в регионе, печатая почти всю научную литературу СО АН СССР. Таким образом, доля этого предприятия в научном книгоиздании упала более чем в 4 раза: с 96,5 % (192 монографии из 199) в 1991 г.¹⁸ до 23,6 % – в 2000 г.¹⁹.

Данные табл. 1 и 2 наглядно подтверждают тот факт, что к концу XX в. СИФ «Наука» РАН не только лишилась монопольного положения в области научного книгоиздания в СО РАН, занимаемого ею вплоть до середины 1990-х гг., но и утратила лидирующую позицию в данной сфере, уступив ее ИСО и издающим организациям СО РАН.

В целом данные табл. 1 и 2 свидетельствуют об эффективности решения Президиума СО РАН о созда-

нии ИСО РАН, которое уже в 2000 г. было способно издавать четвертую часть всей планируемой продукции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование показало, что резкое снижение финансирования и отсутствие конкуренции на рынке полиграфических услуг в начале 1990-х гг. привели к тому, что Издательство «Наука» РАН, пользуясь правами монополиста, ежегодно резко увеличивало стоимость предоставляемых издательских услуг. Создавшееся положение, когда выпуск научной литературы стал практически невозможным, беспокоило Президиум СО РАН и научное сообщество. Научное книгоиздание требовало совершенствования нормативно-правовой базы, создания и развития собственной современной конкурентноспособной издательской базы и соответствующей финансовой поддержки. В 1994 г. было создано ИСО РАН, а в ряде научных центров и институтов появились свои издательско-полиграфические центры. Важным шагом вперед со стороны Президиума СО РАН стало его предложение по финансированию научных журналов. Положительную роль в научном книгоиздании сыграло созданное в 1995 г. Ассоциированное издательство СО РАН, деятельность которого позволила сократить расходы на издания и способствовала закреплению опытных кадров.

Вместе с тем Президиум СО РАН не отказывался полностью от издательских и полиграфических услуг СИФ «Наука» РАН и Новосибирской типографии № 4 «Наука» РАН. Отношения с ними в области научного книгоиздания Президиум СО РАН определял на основе заключения ежегодных взаимовыгодных договоров.

Распределение выпуска научной литературы СО РАН между издательствами по плану на 2000 г. подтвердило правильность и эффективность мер, принятых Президиумом и РИСО СО РАН по переходу от централизации к автономной научно-издательской деятельности в рамках СО РАН.

¹⁷ Аннотированный тематический план выпуска научной литературы СО РАН на 2000-й год. Новосибирск : Издательство СО РАН, НИЦ ОИГГ, 2000. 94 с.

¹⁸ Каталог книг Издательства «Наука». 1991. М.: «Наука», 1995. 116 с.

¹⁹ Аннотированный тематический план выпуска научной литературы СО РАН на 2000-й год. Новосибирск : Издательство СО РАН, НИЦ ОИГГ, 2000. 94 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Панченко А.М. Издательства Якутского и Бурятского научных центров СО РАН: история создания и структурные изменения (1997–2006 гг.) // Одиннадцатые Макушинские чтения : мат-лы науч. конф. (Томск, 29–30 мая 2018 г.). Новосибирск, 2018. С. 293–306. DOI:10.20913/2618-6691-2018-34-293-306.

2. Панченко А.М., Тимофеева Ю.В. Частные издательства в научном книгоиздании Сибирского отделения РАН // Библиография. 2019. № 6. С. 43–53.

REFERENCES

1. Panchenko A.M. Publishing houses of Yakut and Burat Scientific Centers of the Russian Academy of Sciences: history of creation and structural changes (1997–2006). *Odinnadtsatyye Makushinskie chteniya : materialy nauch. konf. (Tomsk, 29–30 maya 2018 g.)*. Novosibirsk, 2018, pp. 293–306. DOI: 10.20913/2618-6691-2018-34-293-306 (In Russ.).

2. Panchenko A.M., Timofeeva Yu.V. Private publishers in the scientific book publication of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Bibliografiya*, 2019, no. 6, pp. 43–53. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.03.2020

Дата рецензирования 16.03.2020

Статья принята к публикации 18.07.2020

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20200317
УДК 903.53 (517.3)

А.И. БУРАЕВ

ДЕРЕВЯННАЯ МИКРОСКУЛЬПТУРА КАК КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МУЗЕЯ г. ХАРХОРИН)*

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
РФ, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6

Автором проанализированы деревянные скульптурки, происходящие из кургана Улан Хэрэм Шороон бумбагар в сомоне Баяннуур Булганского аймака Монголии. Целью исследования является введение в научный оборот новых материалов по антропологии средневековой Монголии. Рассматривается возможность использования скульптурных изображений для антропологических реконструкций. Зафиксированы аналогии с микроскульптурками из кургана тюркского времени Шороон бумбагар в Замар сомоне Центрального аймака Монголии, датированного 678 г. н.э. Изучены 4 фигуры в полный рост и 17 фрагментированных изображений. На основании анализа антропологических особенностей статуэток сделан вывод о присутствии китайского (танского) элемента у представителей тюркоязычных кочевников Монголии в VII в.

Ключевые слова: Монголия, Хархорум, империя Тан, тюрки, Средневековье, курган, деревянная скульптура, археология, антропология, музей, культурное наследие.

A.I. BURAEV

WOODEN MICROSCULPTURE AS A CULTURAL HERITAGE OF CENTRAL ASIA (BASED ON THE MATERIALS OF KHARKHORIN MUSEUM)

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS,
6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation

The report analyzes the sculptural materials made of wood, originating from the Ulan Kherem Shoronbumba-gar mound in the Bayannuur Somon of Bulgansky aimak, Mongolia. The study objective is the introduction of new materials on the anthropology of Medieval Mongolia into scientific circulation. It considers possibility of using sculptural images to reconstruct the anthropological composition of the region's population. The author has recorded indisputable analogs with sculptures from Turkic time Shoroombaggar mound in ZamarSomon of the Central aimak in Mongolia, dedicated to the ruler of the Pugu tribe and the province head of the Tan I-shu-to-e empire unequivocally dated 678 A.D. The author studied four full-length figures and 17 fragmented images. Based on the analysis of the statuettes' anthropological features, the paper concludes on the presence of a Chinese (Tan) element among the Turkic-speaking nomads of Mongolia in the VII century.

Key words: Mongolia, Kharkhorum, Tan's empire, Turks, Middle Ages, barrow, wooden sculpture, archeology, anthropology, museum, cultural heritage.

---

*Работа выполнена в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4)

Алексей Игнатьевич Бураев – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, e-mail: buraev1961@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8849-3780>.

Aleksey I. Buraev – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.

ВВЕДЕНИЕ

На территории Монголии многие археологические и антропологические исследования проводятся в рамках международной кооперации. Здесь совместно с монгольскими коллегами работают ученые России, Германии, Франции, США, Японии, Кореи и т.д. Из России в изучении историко-культурного наследия Монголии принимают участие исследователи из Москвы, Новосибирска, Владивостока, Иркутска, Улан-Удэ. Именно сотрудниками Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ) совместно с Международным институтом истории кочевых цивилизаций ЮНЕСКО (Улан-Батор) в 2009 г. изучался уникальный курган – кенотаф тюркского времени. Во многом идентичный ему памятник был раскопан позднее – в 2011 г. участниками совместной монголо-казахстанской экспедиции, находки из которого рассматриваются в настоящей публикации.

Курган Улан Хэрэм Шороон бумбагар находится в сомоне Баяннуур Булганского аймака Монголии. Археологи А. Очир, Л. Эрдэнэболд, С. Харжаубай, Х. Жантегин выпустили монографию, посвященную этому памятнику [1]. Они датируют погребальное сооружение VII в. н.э. и считают, что оно принадлежит представителю высшей аристократии одной из групп тюрков [1, с. 222]. В более позднем издании датировка памятника конкретизирована последней четвертью VII в. [2, с. 23]. В кургане, который являлся реальным захоронением, обнаружены деревянные и глиняные скульптуры. Наряду с антропоморфными изображениями представлены также изображения животных, птиц и мифологических существ.

В настоящее время все материалы хранятся в музее г. Хархорин. Среди них выделяются византийские и сасанидские золотые монеты, позолоченные votивные предметы конской сбруи, золотые украшения, в том числе корона и перстень, представляющие собой несомненно статусные предметы. Особого внимания заслуживают фрески, изображающие драконов, людей, лошадей, здания, растительный орнамент. В коллекцию также входят скульптурные изображения людей и животных. Необходимо отметить, что сотрудниками проведена качественная реставрация всех предметов и подготовлен иллюстрированный каталог коллекции [2]. Находки представлены в отдельном зале музея, целиком посвященном этому уникальному памятнику.

Автора настоящего сообщения как антрополога интересуют в первую очередь микроскульптуры людей. В фондах и экспозиции музея находятся более 90 фигурок различных по статусу, гендерной принадлежности и технике исполнения.

В настоящем сообщении рассматриваются изображения из дерева. Были изучены 2 фигуры в полный рост, 2 фигуры без нижней части, а также 17 фрагментированных изображений, 3 из которых отличаются значительно меньшими размерами.

СКУЛЬПТУРНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ
В ПОЛНЫЙ РОСТ

Фигура № 1Д (здесь и далее – дерево), инв.№ ХХМ 2012.5.281. Изображение мужчины, выполненное в полный

рост. По документации Хархорум музея ее размеры: высота 17,6 см, ширина 3,7 см, толщина 2,1 см. Согласно полевым измерениям археологов размеры фигуры 18 x 3,7 x 2,2 см [1, с. 201]. Сохранность удовлетворительная.

У скульптуры длинный халат (далее – *дэгэл*) в пол, с округлым вырезом «под горло». Руки, сложенные на груди, скрыты широкими рукавами одежды. Нижний *дэгэл* светло-желтого цвета, верхний (чуть выше колена) – бледно-красного. Головной убор черного цвета, вероятно китайского типа. Обувь скрыта нижним *дэгэлом*. Цвет волос черный. Видны элементы прически, образующей сзади ровный овал. Просматриваются бакенбарды, хотя, возможно, это элементы головного убора.

Лицо довольно узкое, средней высоты, уплощенное в вертикальной и горизонтальной плоскостях. Нос тонкий, слабо выступающий. Переносье средней высоты. Разрез глаз монголоидный, внешний край располагается чуть ниже внутреннего. Брови дугообразные, не сходятся между собой. Усы тонкие, их края загнуты кверху. Под нижней губой, в центре, отмечена небольшая бородка.

Прототипом скульптуры, несомненно, являлся монголоид, принадлежащий, вероятно, к восточноазиатской расе и представляющий танский (китайский) компонент в антропологическом составе населения, оставившего памятник.

В настоящее время экземпляр хранится в фондах музея.

Фигура № 2Д, инв.№ ХХМ.2012.5.282. Изображение мужчины, выполненное в полный рост. По документации музея ее размеры 17,6 x 3,3 x 1,9 см. Согласно полевым измерениям археологов, размеры фигуры – 18,2 x 3,3 x 1,8 см [1, с. 202]. Находка имеет хорошую сохранность, за исключением незначительной утраты красочного слоя и небольшого скола на верхней части головного убора.

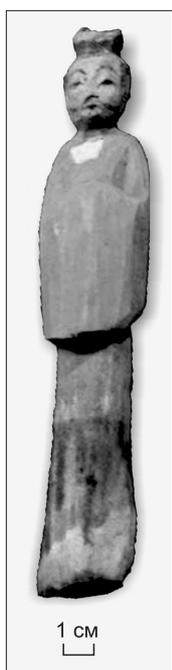
Одежда также состоит из двух *дэгэлов*. Нижний, уходящий в пол и закрывающий обувь – темно-коричневого цвета; верхний *дэгэл*, достигающий коленей – красно-оранжевый, с округлым вырезом «под горло». Руки, сложенные на груди, скрыты широкими рукавами одежды. Головной убор черного цвета, китайского типа, схожий по конструкции у № 1Д, однако с наклоном в другую сторону. Обувь скрыта одеждой.

Цвет волос черный. Видны элементы прически, образующей сзади овал неправильной формы, сужающийся книзу и имеющий вогнутый нижний край. Просматриваются бакенбарды.

Лицо довольно узкое, средней высоты, уплощенное в вертикальной и горизонтальной плоскостях. Нос тонкий, слабо выступающий. Переносье средней высоты. Разрез глаз монголоидный; внешний край расположен на одном уровне с внутренним. Брови дугообразные, между собой не сходятся. Края усов загнуты кверху (сильнее, чем у № 1Д). Под нижней губой, в центре, видна небольшая бородка.

Скульптура характеризуется признаками монголоидной расы. Прототип, вероятно, принадлежал к восточноазиатской расе. В настоящее время экземпляр хранится в фондах музея (см. рисунок).

Фигура № 3Д, инв.№ ХХМ.2012.5.284. Изображение мужчины. По документации музея ее размеры 12,3 x 3,0 x 2,3 см. Согласно полевым измерениям, размеры фигуры – 18,0 x 3,2 x 2,3 см [1, с. 200–201]. Сохранность скульптуры удовлетворительная, но отсутствует нижняя часть фигуры

Фигура мужчины. VII в. Дерево, минеральные краски. Хархорум музей.

The figure of a man. VII century. Wood, mineral paints. Kharkhorum Museum.

(ноги). Сохранившийся «стержень» имеет форму конуса и, возможно, таким образом соединялись верхняя и нижняя (утраченная) части изделия. От середины груди по направлению вниз, вплоть до предполагаемого окончания верхнего дэгэла, проходит неглубокий желоб, функциональное предназначение которого не ясно.

Сохранившаяся часть одежды имеет бледно-розовый цвет, вырез округлый, «под горло». Руки сложены на груди и скрыты рукавами. Головной убор черного цвета, напоминает высокий цилиндр с небольшим углублением в средней части; форма имеет скос от задней части к передней; значительно отличается формой и высотой от головных уборов № 1Д и № 2Д.

Цвет волос черный. Форму прически определить не представляется возможным в связи с утратой красочного слоя. Просматриваются бакенбарды, хотя, как и у фигур № 1Д и № 2Д, это могут быть элементы головного убора.

У скульптуры лицо пропорционально чуть шире, чем у предыдущих экземпляров (возможно, это связано с общей величиной головы, которая по отношению к телу крупнее, чем у других). Лицо средней высоты, уплощенное в вертикальной и горизонтальной плоскостях. Нос тонкий, слабо выступающий. Переносье средней высоты. Разрез глаз монголоидный. Брови дугообразные, не сходятся между собой. Усы по краям немного загнуты вверх. Под нижней губой, в центре, имеется небольшая бородка.

У скульптуры отмечены признаки монголоидной расы. Прототип, вероятно, принадлежал к восточноазиатской расе. В настоящее время экземпляр хранится в фондах музея.

Фигура № 4Д. Инв.№ XXМ.2012.5.286. Изображение мужчины. По документации музея ее размеры 12,7 x 3,6 x 2,4 см. Согласно полевым данным размеры фигуры – 12,7 x 3,8 x 2,4 см [1, с. 200]. Сохранность скульптуры удовлетворительная, но нижняя часть фигуры отсутствует, как и у № 3Д. Сохранившаяся часть одежды имеет оранжевый цвет, вырез округлый, «под горло». Руки сложены на груди, скрыты широкими рукавами. Головной убор черного цвета, с небольшим углублением в средней части, сужается кверху; отличается формой от головных уборов предыдущих экземпляров. Цвет волос черный. Прическа просматривается неотчетливо, на затылочной части она имеет овальную форму с частичной утратой красочного слоя (возможно, так изображена лысина). Бакенбарды (или боковые детали головного убора) просматриваются отчетливо.

У скульптуры лицо довольно узкое, средней высоты, уплощенное в вертикальной и горизонтальной плоскостях. Нос тонкий, слабо выступающий. Переносье средней высоты. Разрез глаз монголоидный, причем наружный край расположен выше внутреннего. Брови дугообразные, пятно в лобной части лица закрывает центральную часть бровей. Усы по краям немного загнуты вверх. Под нижней губой в центре видна небольшая бородка, слегка смещенная влево. Скульптура изображает монголоида восточноазиатского облика. В настоящее время экземпляр хранится в фондах музея.

ФРАГМЕНТИРОВАННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ.

Целостность фигур была нарушена, вероятно, при частичном обрушении свода погребальной камеры. Практически для всех изображений характерно отсутствие прорисовки индивидуальных особенностей лица, что затрудняет их антропологическую характеристику. Выборочное археологическое описание фрагментированных изображений (9 ед.) и их полевые размеры приведены в монографии [1, с. 202–204].

Фрагментированные скульптуры, безусловно, отличаются друг от друга, хотя антропологические особенности почти не просматриваются из-за плохой сохранности.

Цвет и форма одежды не восстанавливаемы. В настоящее время цвет изображений – бледно-коричневый. У 14 фигур имеются головные уборы разной формы, скорее черного цвета. У трех скульптур не только форму, но и наличие головного убора определить трудно вследствие плохой сохранности.

Однако можно предположить, что фигуры изображали монголоидов и, судя по головным уборам, скорее всего их прототипы являлись представителями танской администрации при дворе, возможно, это был чиновник высокого ранга, возглавлявший одно из территориальных подразделений империи.

БЛИЖАЙШИЕ АНАЛОГИИ

Как сообщалось выше, в 2009 г. российско-монгольской экспедицией под руководством проф. С.В. Данилова и проф. А. Очира при непосредственном участии автора настоящей работы был исследован курган тюркского времени Шороон бумбагар в Замар сомоне Центрального аймака Монголии [3; 4]. Антропологическая характеристика скульптурных изображений, обнаруженных в кургане, была дана нами в монографии [5].

Сходство названий двух памятников объясняется просто: в переводе с монгольского Шороон бумбагар означает «земляной бугор», т.е. курган. Заметим, что оба памятника располагаются достаточно близко друг от друга. Техника выполнения скульптурных изображений из обоих памятников идентична. В кургане из Центрального аймака обнаружены две гранитные плиты с надписями, где точно указана дата погребения – 678 г. Там же отмечено, что в кургане похоронен правитель племени пугу – правитель одной из провинций империи Тан.

Курган из Булганского аймака, материалы из которого представлены в настоящей работе, значительно «богаче» по находкам. Как уже отмечалось, в нем были обнаружены предметы из золота, монеты, настенные фрески и пр., чего не было в Шороон бумбагаре из Центрального аймака. Несомненно, статус погребенного в Булганском кургане был в империи Тан по крайней мере не ниже И–ту–шо–е, которому посвящен курган-кенотаф в Центральном аймаке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании полученных данных можно предположить, что деревянные статуэтки, рассмотренные в данном сообщении, изображают чиновников империи Тан, осуществляющих административные функции при правителе одной из ее провинций. По всей вероятности, учитывая ближайшую аналогию, погребенный одновременно являлся и правителем одного из тюркских племен средневековой Монголии. Скорее всего, это было одно из племен теле.

Отметим, что изображения из дерева, несомненно, портретны и имели конкретные прототипы. В силу этого они могут быть использованы для антропологической характеристики населения, оставившего курган Улан Хэрэм Шороон бумбагар.

Автор выражает глубокую благодарность руководству Хархорум музея – директору музея г-ну Л. Шинэбату и главному хранителю г-же Б.-О. Дэжидме за предоставленные материалы и помощь в работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х.* Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Булган аймгийн сумын Уланхэрэмийн Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). Улаанбаатар, 2013. 290 с.
2. Эртний нуу дэлчдийн урлагийн дурсгал. Cultural monuments of ancient nomads. Ulaanbaatar, 2017. 248 p.
3. *Данилов С.В., Очир А., Эрдэнэболд Л., Бураев А.И., Саганов Б.В., Батболд Х.* Курган Шороон Дов и его место в общей системе археологических памятников тюркской эпохи Центральной Азии // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы Международ. науч. конф. Улан-Удэ, 2010. С 254–257.
4. *Очир А., Данилов С.В., Эрдэнэболд Л., Цэрэндорж Ц.* Эртний нүүдэлчдийн бунхант булшны: малтлага, судалгаа. (Төв аймгийн Заамар сумын Шороон бумбагарын малтлагын тайлан). Улаанбаатар, 2013. 164 с.
5. *Бураев А.И.* Древние тюрки Монголии (реконструкция антропологического состава по данным скульптурных изображений). Улан-Удэ, 2016. 240 с.

REFERENCES

1. *Ochir A., Erdenebold L., Kharzhaubai S., Zhantegin H.* Tombs of the ancient nomads: excavations and studies. (Report of excavations by Shoroon Bumbagar, Ulanharmen, Bulgan province) Ulaanbaatar, 2013. 290 p. (In Mong.)
2. Cultural monuments of ancient nomads. Ulaanbaatar, 2017. 248 p. (In Mong.)
3. *Danilov S.V., Ochir A., Erdenebold L., Buraev A.I., Saganov B.V., Batbold H.* Kurgan Shoroon Dov and its place in the general system of archaeological sites of the Turkic era of Central Asia. *Drevniye kul'tury Mongolii i Baykal'skoy Sibiri: materialy Mezhdunarod. nauch. konf.* Ulan-Ude, 2010, pp. 254–257 (In Russ.)
4. *Ochir A., Danilov S.V., Erdenebold L., Tserendorzh Ts.* Tombs of the ancient nomads: excavations and studies. (Report of excavation of Shoroon bumbagar in Zaamar somon). Ulaanbaatar, 2013. 164 p. (In Mong.)
5. *Buraev A.I.* The ancient Turks of Mongolia (reconstruction of the anthropological composition according to the sculptural images). Ulan-Ude, 2016. 240 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.03.2020

Дата рецензирования 16.03.2020

Статья принята к публикации 18.07.2020

DOI: 10.15372/HSS20200318
УДК 069.01

И.В. ЧУВИЛОВА

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ РОССИЙСКОГО МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В ПРОЕКТЕ «КРЫМСКАЯ МУЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА „MUSEUM STUDIO“»

Исследовательская группа «Российская музейная энциклопедия»
(АНО «Новый институт культурологии»),
РФ, 123056, г. Москва, ул. Васильевская, д.13-1

В статье дается обзор деятельности и обобщение опыта пятилетней работы Крымской музеологической школы «Museum Studio», которая была открыта в Коктебеле в 2016 г. Большое значение для ее организации имела история российского музейного дела, тесно связанная с возникновением в Крыму в начале XIX в. первых общедоступных музеев, а также с центром культуры начала XX в. – Домом М.А. Волошина. Базой для музеологических направлений работы Школы послужила деятельность Российского института культурологии. Опираясь на традиции отечественного музееведения, школа функционирует как научно-исследовательская и дискуссионная площадка для проведения ежегодных мероприятий с участием ведущих экспертов России и зарубежных стран. Здесь предложена и отработана новационная модель взаимодействия со специалистами, нацеленными на повышение квалификации и уровня компетентности.

Ключевые слова: музеология, повышение квалификации, история музейного дела, межмузейное сотрудничество.

I.V. CHUVILOVA

THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN MUSEUM TRADITIONS IN THE PROJECT «CRIMEAN MUSEUM SCHOOL “MUSEUM STUDIO”»

Research group “Russian Museum encyclopedia”
(ANO “New Institute of Cultural Studies”)
13-1, Vasilievskaya Str., Moscow, 123056, Russian Federation

The article presents an overview of the activities and generalization of the experience of five-year work of the Crimean Museological school “Museum Studio” opened in Koktebel in 2016. The history of Russian museology, which is closely connected with creating the first public museums at the early XIX century, was a great importance in organization of M. Voloshin House as a center of culture of the early XX century. The Russian Institute of Cultural Studies became the basis for the School’s museological activities. Based on the existing traditions of Russian Museum studies, the School functions as a research and discussion platform to hold annual events with the participation of leading experts from Russia and foreign countries. It has proposed and developed an innovative model of interaction with specialists aimed to improve their skills and competence.

Key words: museology, professional development, museum history, inter-museum cooperation.

ВВЕДЕНИЕ

27–29 мая 2016 г. состоялись торжественное открытие и Первая сессия Крымской музеологической школы «Museum Studio» в Коктебеле (Республика Крым). В 2020 г., когда проводится Пятая сессия, можно уже говорить о том, что создание Крымской музеологической школы стало важ-

ным и актуальным событием в музейном мире России второго десятилетия XXI в.

История российского музейного дела в ее широком социокультурном и географическом контекстах тесно связана с открытием и изучением археологических памятников Крымского полуострова. Именно в Крыму и на прилегаю-

---

Ирина Валентиновна Чувилова – канд. ист. наук, руководитель исследовательской группы «Российская музейная энциклопедия» (АНО «Новый институт культурологии»), e-mail: iv112@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8287-9674>.

Irina Chuvilova – Candidate of Historical Sciences, Head of the Research Group “Russian Museum encyclopedia” (ANO “New Institute of Cultural Studies”)

щих к нему территориях юга России в 1810–1830-е гг. на государственные средства была создана первая в России сеть общедоступных региональных музеев исторического профиля: музеи в Николаеве, Феодосии, Симферополе, Одессе, Керчи, Никитский Ботанический сад под Ялтой. В начале XX в. в Коктебеле сформировался культурный центр мирового значения – Волошинский Дом Поэта¹, о котором поэт Андрей Белый написал: «Не дом, а – музей; и музей – единственный...» [1, с. 188]

ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЫМСКОЙ МУЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Идея организовать музеологическую школу как научно-образовательную и дискуссионную площадку для музейных специалистов возникла несколько лет назад у экспертов исследовательской группы «Российская музейная энциклопедия» (Новый институт культурологии)². Для нас были чрезвычайно важны музеологические основы работы школы, которые базируются на лучших традициях развития музейного дела XX в. И здесь тоже есть крымская предыстория. Именно в Коктебеле в непростые послереволюционные годы художник и поэт Максимилиан Волошин обдумывал, как лучше организовать систему образования и творческие организации в молодом государстве. Особое значение для нашего проекта – Крымской музеологической школы – имеет идея Волошина о создании Экспериментальной научно-художественной студии в Коктебеле [2].

На протяжении 80 лет в России этими вопросами занимался Российский институт культурологии, анализ деятельности которого стал важнейшей составляющей наших размышлений о будущем школы. Он был основан в 1932 г. Правительством РСФСР как Центральный научно-исследовательский институт методов краеведческой работы (с 1937 г. – Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы) и на всем протяжении своего существования выполнял функции научно-методического центра для музеев страны. В 1952–1972 гг. здесь работал основоположник отечественной музеологии и музеведческого образования, один из учредителей Международного комитета музеологии (ИКОФОМ) Аврам Моисеевич Разгон. Ему же принадлежит идея организации в 1984 г. кафедры музейного дела Академии переподготовки работников культуры, искусства и туризма (АПРИКТ), задуманной как центр теоретической подготовки для музейных сотрудников.

СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ И ПРОГРАММА ШКОЛЫ

Развитие Крымской музеологической школы сегодня определяют следующие позиции:

¹ Дом Поэта в Коктебеле – место, в котором художник и поэт М.А. Волошин организовал творческую колонию; здесь же находились собранные им коллекции произведений искусства, книг.

² До 2014 г. – Сектор музейной энциклопедии Российского института культурологии МК РФ (Москва). С 2014 г. – АНО по развитию исследований и проектов в области культуры и искусства «Новый институт культурологии». Музейная составляющая НИКа – исследовательская группа «Российская музейная энциклопедия».

I. Крымская музеологическая школа – образовательная и дискуссионная площадка, предусматривающая проведение ежегодных встреч специалистов для обсуждения актуальных вопросов состояния и перспектив музейного дела в Российской Федерации, с участием ведущих экспертов России и зарубежных стран.

II. В своей деятельности Школа опирается на весь предыдущий опыт отечественного музейного развития и является инновационным проектом, не имеющим аналогов на территории страны.

III. Школа – совместный проект музея-заповедника «Киммерия М.А. Волошина» (Республика Крым) и исследовательской группы «Российская музейная энциклопедия» (Новый институт культурологии, Москва). Деятельность Школы нацелена на взаимодействие с ведущими отечественными и зарубежными музеологическими центрами. Сегодня это кафедра музеологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва), Научно-образовательный центр «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), Научный совет по музеям Сибирского отделения РАН (Новосибирск) и др.

Программа Школы предусматривает организацию и проведение ежегодных встреч специалистов для обсуждения актуальных вопросов музейного дела с участием ведущих отечественных экспертов и специалистов из зарубежных стран. За предыдущие четыре года мы предложили и отработали новационную модель взаимодействия со специалистами, нацеленными на повышение своей квалификации.

Значимую часть программы составляет образовательный блок, участие в котором дает слушателям право получить удостоверение о повышении квалификации. Для каждой сессии разрабатывается специальная программа по различным темам и направлениям музейной деятельности, которые, на наш взгляд, наиболее востребованы и актуальны на данный момент: культурно-образовательная, экспозиционная, выставочная работа, хранение памятников в музеях, музейный менеджмент и маркетинг. Например, первая установочная сессия 2016 г. называлась «Зачем музею музеология?» и включала лекционную часть, где были обозначены актуальные тенденции в музейной практике и представлены базовые темы – «Музей и наследие», «Музей в регионе», «Музей и коммуникация». По сути, эти темы определили развитие Школы на следующие сессии. Занятия со слушателями проводят ведущие эксперты в сфере музейного дела, охраны, использования и управления наследием. Много внимания уделяется практическим вопросам. Это не только практические занятия, но и презентации музейными сотрудниками из разных музеев страны собственных проектов и исследований, их обсуждение всеми слушателями школы.

ФОРМАТЫ РАБОТЫ ШКОЛЫ

Традиционным стало проведение установочных лекций в начале работы каждой сессии и приглашение в каче-

стве лектора специального гостя – зарубежного специалиста в сфере наследия и музеологии. Это дает нашим слушателям возможность более глубоко погрузиться в контекст современных тенденций развития теории и практики музейного дела. Так, с 2017 по 2019 г. в этом формате прозвучали лекции доцента кафедры этнологии и музеологии Университета Яна Коменского в Братиславе доктора Яна Долака (Словакия) «Предмет как объект музейного коллекционирования и презентации»; доктора Марии-Кристины Ваннини, директора группы «Музейные решения» («Soluzioni Museali»), члена Попечительского совета Европейского музейного форума (European Museum Forum (EMF/EMYA) (Италия) «Коммуникация в современном музее: инструменты, содержание, аудитория»; специалиста в сфере музейной коммуникации, учредителя и владельца агентства «Посольство культуры» (Embassy of culture); доктора философии и магистра европейской этнологии и археологии Геттингенского университета Матиаса Хенкеля (ФРГ) «Старые экспонаты, новые вызовы и перспективы на будущее». В 2020 г. гостем Школы стал глава Департамента музеологии и управления наследием Загребского университета – доктор Дарко Бабиц (Хорватия) – «Музейный менеджмент в XXI веке: интерпретация и компетентность как необходимые инструменты управления».

Новой, постоянно действующей формой работы стал семинар «Вопросы сохранения, музеефикации и актуализации историко-культурного наследия». Идея проведения семинара принадлежит научному куратору Крымской музеологической школы, известному музеологу Марии Елисеевне Каулен и состоит в том, чтобы в дискуссионном формате обсуждать различные вопросы работы с наследием в музеях и совместно искать ответы на непростые зачастую вопросы.

На площадке Крымской музеологической школы используются самые разные форматы работы: семинары, мастер-классы, круглые столы, факультативные и практические занятия, литературные вечера и кинопоказы, программы «Музейная мастерская» (например, в 2019 г. проведен мастер-класс «Новые тенденции в музейном дизайне») и «Музейный перекресток». В форме лекций, деловых игр и презентаций мы ведем разговор об истории, теории и практике музейного дела, об основных направлениях музейной деятельности, о социокультурном проектировании и вопросах управления наследием и т. д. Как правило, проводится выездное мероприятие «Знакомимся с музеями Крыма». Работа школы предполагает тесное взаимодействие всех участников, активное включение слушателей и дискуссионный формат.

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ТВОРЧЕСКИЙ КОНКУРС СТУДЕНЧЕСКИХ ПРОЕКТОВ

Повышение квалификации, уровня компетентности музейных специалистов из разных регионов страны является нашей приоритетной задачей. Но мы понимаем, что подготовку, воспитание будущих высококлассных музейных специалистов необходимо начинать со студенческой скамьи.

Поэтому с 2017 г. в рамках Школы мы проводим научно-исследовательский и творческий конкурс студенческих проектов «Увлекательная музеология». В течение трех месяцев собираются заявки из различных вузов страны с профильными кафедрами – от Крыма до Сибири – и отбираются работы в финал конкурса, который проходит в один из дней работы Школы при участии музейных специалистов – слушателей Школы и членов жюри конкурса. В настоящее время существуют две номинации – «Музейный проект» и «Музейное исследование», в каждой из которых присуждается три премии. Работы победителей рекомендуются к реализации в музеях и публикуются на страницах издания Школы наряду с лекциями экспертов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам работы сессий публикуется новое музейное издание – сборник «Музейные тетради Крымской музеологической школы» с конспектами лекций музейных экспертов, справочными материалами, презентациями практического опыта работы в музеях, студенческими проектами. В 2016–2019 гг. изданы четыре выпуска [3; 4; 5; 6]. Надеемся, что они, освещая год за годом результаты работы Школы, станут хорошим подспорьем для музейных специалистов в их практической деятельности.

В 2020 г. проект получил государственную поддержку и проводится с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов. Это свидетельствует о том, что Школа стала важной площадкой для профессионального взаимодействия. Крымская музеологическая школа «Museum Studio» открыта для всех музейных специалистов: и для тех, кто только вошел в наше профессиональное сообщество, и для тех, кто давно и верно служит общему делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белый А. Дом-музей М.А. Волошина (публикация и примеч. С. Гречишкина и А. Лаврова) // Звезда. 1977. № 5. С. 188-190.
2. Волошин М.А. Задачи экспериментальной научно-художественной студии в Коктебеле // Волошин М.А. Собр. соч. М.: Эллис Лак, 2008. Т. 6, кн. 2: Проза 1900-1927. Очерки, статьи, лекции, рецензии, наброски, планы / под общ. ред. В.П. Купченко и А.В. Лаврова. С. 518-520.
3. Музейные тетради Крымской музеологической школы: Методологические, методические и информационно-справочные материалы. Коктебель; Симферополь, 2016. Вып. 1 / отв. ред. Н.М. Мирошниченко, И.В. Чувилова. 90 с.
4. Музейные тетради Крымской музеологической школы: Методологические, методические и информационно-справочные материалы. Коктебель; Симферополь, 2017. Вып. 2 / отв. ред. Н.М. Мирошниченко, И.В. Чувилова. 148 с.
5. Музейные тетради Крымской музеологической школы: Методологические, методические и информационно-справочные материалы. Коктебель; Симферополь, 2018. Вып. 3 / отв. ред. Н.М. Мирошниченко, И.В. Чувилова. 160 с.
6. Музейные тетради Крымской музеологической школы: Методологические, методические и информационно-справочные материалы. Коктебель; Симферополь, 2019. Вып. 4 / отв. ред. Н.М. Мирошниченко, И.В. Чувилова. 160 с.

REFERENCES

1. *Beliy A. M. A. Voloshin House-Museum* (publication and notes by S. Grechishkin and A. Lavrov). *Zvezda*, 1977, no. 5, pp. 188–190. (In Russ.)

2. *Voloshin M. A. Tasks of the experimental science and art studio in Koktebel. Voloshin M. A. Sbranie sochineniy*. Moscow, 2008, vol. 6, br. 2, pp. 518–520. (In Russ.)

3. *Miroshnichenko N. M., Chuvilova I. V. (eds.) Museum notebooks of the Crimean museological school: methodological and information-reference materials*. Koktebel, Simferopol, 2016, vol. 1, 90 p. (In Russ.)

4. *Miroshnichenko N. M., Chuvilova I. V. (eds.) Museum notebooks of the Crimean museological school: methodological and*

information-reference materials. Koktebel, Simferopol, 2017, vol. 2, 148 p. (In Russ.)

5. *Miroshnichenko N. M., Chuvilova I. V. (eds.) Museum notebooks of the Crimean museological school: methodological and information-reference materials*. Koktebel, Simferopol, 2018, vol. 3, 160 p. (In Russ.)

6. *Miroshnichenko N. M., Chuvilova I. V. (eds.) Museum notebooks of the Crimean museological school: methodological and information-reference materials*. Koktebel, Simferopol, 2019, vol. 4, 160 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.04.2020

Дата рецензирования 07.05.2020

Статья принята к публикации 25.05.2020

ОБ ИЗДАНИЯХ ЖИТИЯ ПРОТОПОПА АВВАКУМА

(Рец. на кн.: *Житие протопопа Аввакума*. СПб.: Наука, 2019. 455 с.).

В конце прошлого года, накануне предстоящего в 2020 г. 400-летия со дня рождения протопопа Аввакума, в престижной академической серии «Литературные памятники» было опубликовано *Житие протопопа Аввакума* (СПб.: Наука, 2019. 456 с.). Издание подготовлено Н.С. Демковой, д-ром филол. наук, проф. кафедры русской литературы филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, и ее ученицей, старшим научным сотрудником Института истории СО РАН, канд. филол. наук Л.В. Титовой, которая самоотверженно подводила итог работы по подготовке этой публикации после того, как в марте 2018 г. Н.С. Демкова ушла из жизни.

Напомним, что *Житие* протопопа Аввакума до середины XIX в. распространялось только в рукописных копиях и было известно исключительно в кругах преследуемых властями старообрядцев. Первое издание этого замечательного памятника было осуществлено только в 1861 г. (время реформ императора Александра II) Н.С. Тихонравовым по неизвестному списку XVIII в.¹, без комментариев. Затем в 1879 г. Н.И. Субботиным в V томе «Материалов для истории раскола...» *Житие* было опубликовано среди всех известных на тот момент произведений Аввакума, оно, как и первое издание, не снабжено комментариями².

В 1912 г. Я.Л. Барсковым в «Памятниках первых лет русского старообрядчества» было подготовлено и осуществлено первое научное издание *Жития*³. Оно опубликовано в авторской редакции по списку XVIII в. (ред. В) и снабжено обстоятельными историко-литературными комментариями. Кроме *Жития* в книгу вошли многочисленные ценные материалы по истории старообрядчества. В 1910-е гг. Я.Л. Барсковым и П.И. Смирновым готовилось новое академическое издание всех редакций *Жития* и других сочинений протопопа Аввакума. Его гранки были получены в 1916 г., но издание увидело свет только в 1927 г.⁴

Издание произведений Аввакума, осуществленное в 1927 г., до сих пор остается востребованным для исследователей истории старообрядчества, поскольку оно содержит редкие и еще неизученные сочинения Аввакума, как,

например, Книга обличений, или «Евангелие вечное». Издание открывают два содержательных предисловия: первое, написанное Я.Л. Барсковым, посвящено краткой характеристике редакций *Жития* Аввакума, второе принадлежит проф. П.С. Смирнову, в котором дана характеристика остальных сочинений Аввакума (60 наименований), публикуемых в этом выпуске. В предисловиях емко и четко представлен каждый издаваемый текст, что в какой-то степени заменяет классические научные комментарии.

К другим изданиям, значимым в научном отношении, относится, прежде всего, издание 1934 г. с комментариями и блестящей статьей Н.К. Гудзия об Аввакуме и его *Житии*⁵. В 1960 г. им было подготовлено новое издание произведений протопопа Аввакума, в котором в подстрочных сносках даются наиболее важные разночтения по двум другим редакциям по поздним спискам⁶. Впервые в этом издании опубликована Прянишниковская редакция, сохранившая чтения первоначального текста *Жития*. При издании основного текста был использован автограф протопопа Аввакума (БАН, собр. Дружинина, № 746 (790), а также внесены поправки, пропуски слов и предложений, выявленные при сличении с предыдущим изданием в «Памятниках истории старообрядчества XVII в.». Издание снабжено обстоятельным историко-литературным комментарием, который лег в основу последующих изданий *Жития*.

Спустя три года другой московский медиевист А.Н. Робинсон издает биографии Аввакума и Епифания, обращая особое внимание на сложный процесс взаимодействия форм традиционной агиографии и новых идей в сочинениях пустозерских узников⁷. Издания *житий* протопопа Аввакума и инока Епифания по автографу Пустозерского Дружининского сборника снабжено блестящими комментариями А.Н. Робинсона к *Житию* Епифания и новыми историческими комментариями к *Житию* Аввакума.

Важным событием в истории публикаций *Жития* стало издание в 1975 г. (фототипическим и наборным способами) вновь найденного автографа последней редакции *Жития* протопопа Аввакума⁸. Особенностью этого академического издания является всесторонняя характеристика вновь открытого автографа: дано палеографическое описание рукописи, лингво-стилистическая характеристика текста, освещаются текстологические проблемы его изучения, излагается исто-

¹ Автобиография протопопа Аввакума // *Летописи русской литературы и древности* / ред. Н.С. Тихонравов. СПб., 1861. Т.3, вып.6. Отд. 2. С. 117–173. Подробно об этом издании см.: *Мальшев В.И.* История первого издания *Жития* протопопа Аввакума (Цензурные материалы о первом издании *Жития* протопопа Аввакума) // *Мальшев В.И.* Избранное: Статьи о протопопе Аввакуме. СПб., 2019. С.188

² Материалы для истории раскола за первое время его существования / под ред. Н. Субботина. М., 1879. Т. 5.

³ *Барсков Я.Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.

⁴ Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Кн. 1, вып. 1 (Русская историческая библиотека, т. 39).

⁵ *Житие* протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / ред., вступ. статья и коммент. Н.К. Гудзия. [М.]: Academia, [1934].

⁶ *Житие* протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под общ. ред. Н.К. Гудзия. Вступ. статья В.Е. Гусева / подг. текста и коммент. Н.К. Гудзия, В.Е. Гусева, А.С. Елеонской, А.И. Мазунина, В.И. Мальшева, Н.С. Сарафановой. М., 1960.

⁷ *Робинсон А.Н.* Жизнеописание Аввакума и Епифания. Исследование и тексты. М., 1963.

⁸ Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания / изд. подг. Н.С. Демкова, Н.Ф. Дробленкова, Л.И. Сафонова. Л., 1975.

рия создания Пустозерского сборника И.Н. Заволоко. Издание снабжено классическими историко-литературными комментариями, в которых особое внимание уделено источникам Житий.

В 1979 г. в серии «Памятники литературы Сибири» осуществлена научно-популярная публикация Жития протопопа Аввакума⁹. В ее основу положено ставшее к тому времени библиографической редкостью издание 1960 г., дополненное новыми комментариями и вновь найденными произведениями Аввакума.

В 2010 г. – к столетию со дня рождения В.И. Малышева, всю жизнь собиравшего и изучавшего рукописи протопопа Аввакума, вышло два издания Жития. Первое осуществлено в составе сборника «Три жития – три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова»¹⁰. В первом разделе книги публикуются сами жития, заново отрецензированные и проанализированные Н.В. Поньрко в цикле статей, предвещающих издание текстов. Житие протопопа Аввакума, как и Житие инока Епифания, приводится в последней авторской редакции – по автографу, сохранившемуся в Пустозерском сборнике И.Н. Заволоко (ИРЛИ, Древлекранилище, ОП, оп. 24, № 43). Второй раздел монографии содержит перевод Жития протопопа Аввакума с древнерусского языка на современный русский, выполненный Н.В. Поньрко, такой перевод осуществлен впервые за всю историю бытования памятника.

Второе издание Жития протопопа Аввакума подготовлено и осуществлено Н.С. Демковой в популярной серии издательства «Азбука–Классика» с ее вводной статьей¹¹. Наряду с Житием в редакции А (в автографе Дружининского сборника) здесь помещены богословские сочинения и эпистолярное наследие Аввакума. Публикуемые тексты снабжены обширным справочным аппаратом, включающим не только комментарии к текстам, но и словарь трудных для понимания современного читателя слов.

В 2016 г. было опубликовано Житие протопопа Аввакума (Последняя авторская редакция) в 2 кн.¹² Житие напечатано по автографу последней авторской редакции и помещено фототипическое воспроизведение Пустозерского сборника И.Н. Заволоко, издание которого давно стало библиографической редкостью. В данном издании Житие приведено и в переводе на современный русский язык. Год спустя этот перевод Жития был переиздан¹³.

Как видно из приведенного перечня, начало XXI в. ознаменовалось повышенным интересом к творческому на-

следию Аввакума, а его знаменитое Житие регулярно публикуется в научных и в научно-популярных изданиях для широкого круга читателей (как в оригинале, так и в переводе на современный русский язык). Казалось бы, тема в научном плане практически исчерпана, коммерческий спрос на биографию удовлетворен, а в случае необходимости издатели без труда могут увеличить тираж уже любившихся читателем книг.

К сожалению, это не вполне соответствует действительности, последнее слово еще не сказано. Поэтому решение редколлегии серии «Литературные памятники» о включении Жития Аввакума в канон русских литературных памятников (т.е. текстов, которые, как читаем на официальном сайте издательства, обладают «единством, закрепленным либо авторской волей, либо условиями бытования в читательской среде») и поручение подготовки издания авторитетнейшим исследователям старообрядчества следует признать очень своевременным. Нам же предстоит оценить, чем новая публикация текстов произведений протопопа Аввакума отличается от предыдущих.

Особенностью и достоинством рецензируемого издания является одновременная публикация текста Жития в трех авторских редакциях, две из которых (редакция А и редакция В) дошли до нас в автографах. Опубликование текстов этих редакций позволяет читателю, как справедливо отметили издатели, «наглядно увидеть и понять смысл и характер творческих переделок Аввакума» (с. 9). Редакция А печатается по автографу Пустозерского сборника (БАН, собр. В.Г. Дружинина, № 746), редакция В – по автографу Пустозерского сборника И.Н. Заволоко (Древлекранилище ИРЛИ, ОП, оп. 24, № 43), редакция Б – представлена списком Основной редакции из коллекции РГБ (собр. Е.Е. Егорова, ф. 98, № 1898) и списком Особого варианта из коллекции РГАДА (собр. Библиотеки МГАМИД, ф. 181, № 899/1539).

В дополнение к этим трем основным редакциям текста авторы рецензируемой публикации включили в нее заново выверенный ими по рукописи текст Прянишниковского списка Жития (РГБ, ф. 242, № 61), содержащий Особую (компилятивную) редакцию памятника, в которой сохранились «подлинные фрагменты из не дошедшей до нас первоначальной редакции памятника» (с. 7). И в самом деле, Прянишниковский список очень важен для понимания литературной истории Жития, так как именно он сохранил уникальные фрагменты аввакумовского текста, в том числе ранее неизвестные эпизоды первоначальной редакции памятника. Они позволяют лучше понять несколько автобиографических записок Аввакума, а также некоторые его публицистические и эпистолярные тексты (в том числе письма семье, боярыне Морозовой, челобитные царю Алексею Михайловичу, послания единомышленникам и др.).

Кроме указанных редакций Жития в книгу включена «Первая челобитная» Аввакума царю Алексею Михайловичу (по списку ГИМ, Синодальное собрание свитков, № 1121 б), написанная после возвращения опального протопопа из сибирской ссылки весной 1664 г., так как именно в ней, как убедительно показывают издатели, находим «первый опыт автобиографического повествования Аввакума» (с. 410). Об этом свидетельствует и Записка о жестокостях воеводы Пашкова, подклеенная к «Первой челобитной». Важным допол-

⁹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / подг. текста и коммент. Н.К. Гудзия, В.Е. Гусева, Н.С. Демковой, А.С. Елеонской, А.И. Мазунина; послесловие В.Е. Гусева. Иркутск, 1979.

¹⁰ Три жития – три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова / изд. подг. Н.В. Поньрко. СПб., 2010.

¹¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. // подг. текстов, сост., вступ. статья и коммент. Н.С. Демковой. СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2010.

¹² Житие протопопа Аввакума (Последняя авторская редакция): в 2 кн. / подгот. текста, вступ. статья, пер. и коммент. Н.В. Поньрко. СПб., 2016.

¹³ *Аввакум (протопоп)*. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Протопоп Аввакум; современ. пер. и коммент. Натальи Поньрко. М., 2017.

нением к корпусу автобиографических сочинений Аввакума является текст «О трех исповедницах слово плачевное», изданный по рукописи ГИМ, Музейское собр., № 3003. По мнению издателей, это сочинение было «последним звеном в хронологической цепи основного массива автобиографических сочинений Аввакума» (с. 415). Включение «Слова плачевного» в подборку автобиографических сочинений «огнепального протопопа» позволяет читателю глубже вникнуть в душевный мир автора, понять его писательский почерк.

В качестве приложений к изданным текстам протопопа Аввакума напечатаны четыре статьи Н.С. Демковой, содержащие наблюдения над литературной историей и поэтикой Жития. В первой статье «“Житие” протопопа Аввакума как сюжетное произведение и проблема его композиции» (с. 243–268) исследовательница, которая изучением литературной истории и поэтики Жития, практически всю жизнь занималась, полемизирует с мнением В.В. Виноградова, считавшего, что в аввакумовском Житии отсутствует целостный образ героя, а повествование отличается хаотичностью и беспорядочностью, а также с А.Н. Робинсоном, который рассматривал композицию памятника как своеобразный сборник «повестей», сгруппированных по принципу житийно-дидактической иллюстративности. Н.С. Демкова убедительно доказывает, что «в этой кажущейся свободе расположения эпизодов есть художественная необходимость» (с. 244), а в Житии «существует не только фабула – событийный ряд эпизодов реальной автобиографии человека, но и единый строящийся автором сюжет, выражающий его понимание действительности» (с. 244–245).

Вторая статья «О жанровой ориентации автобиографических Житий протопопа Аввакума и инока Епифания» (с. 269–282) помогает читателю сборника понять своеобразие писательского почерка Аввакума путем сопоставления его «Жития» с автобиографией его духовного отца и союзника. Необычайно интересна статья «Драматизация повествования в “Житии” и других сочинениях протопопа Аввакума» (с. 283–304), в которой исследовательница с удивительной четкостью выявляет и характеризует важнейший, с ее точки зрения, принцип организации текста в аввакумовских сочинениях, выросший «из поэтики устной народной прозы» (с. 284).

Развивая и уточняя наблюдения предшественников (В.В. Виноградова, В.Е. Гусева и др.), Н.С. Демкова показывает, что характерным признаком художественного метода Аввакума, который «видел мир и воспроизводил его как мгновенные драматические сценки» (с. 286), было введение в повествование чисто драматургических средств изображения. Они проявляются на «самых разных уровнях организации текста» и «не только при создании эпизодов, обладающих внутренней интригой – развитием действия, но и при описании героев» (с. 293). Рассматривая генезис театральности повествования в сочинениях Аввакума, автор обращает внимание на творческое использование писателем приемов, характерных для устной художественной речи: «Он строил свою письменную речь так, как строит ее народный рассказчик или народный проповедник любой эпохи» (с. 299). Н.С. Демкова отмечает и ориентацию Аввакума на риторическое искусство, т.е. приходит к выводу, что своеобразие стиля Аввакума сложилось «на основе традиций письменной и устной культур Древней Руси» (с. 304).

В последней из включенных в рецензируемую монографию статей «Литературная история “Жития” протопопа Аввакума (соотношение редакций текста)» (с. 305–336) Н.С. Демкова реконструирует творческую историю автобиографии Аввакума, показывая сложный путь от автобиографических фрагментов в письмах, посланиях Аввакума и отдельных автобиографических записок 1664–1669 гг. к собственно Житию. Опираясь на свою монографию, в которой было скрупулезно исследовано более 50 списков Жития¹⁴, Н.С. Демкова доказывает, что «анализ хронологических и текстологических данных “Жития” полностью перестраивает традиционную схему последовательности возникновения редакций, согласно которой редакция А предшествует Б» (с. 320), и что «переход от мемуарного повествования к сюжетному» (с. 335) происходил постепенно и наиболее совершенный вид «получил в редакции А», созданной в первой половине 1673 г.

Единственное замечание к этой части книги касается порядка следования (расположения) статей. Представляется, что было бы логичнее начать с литературной истории Жития и только после этого перейти к характеристике идейно-художественной системы и композиции памятника. Тогда читатель мог бы лучше понять, почему наблюдения над поэтикой «Жития» в первой статье опираются на текст редакции А.

Издание снабжено обстоятельными комментариями (с. 337–418), в которых объясняются все труднейшие для понимания текста реально-бытовые подробности, приводится необходимая информация о лицах и событиях, упоминаемых в Житии, и других публикуемых здесь текстах Аввакума. Источники цитат, криптоцитат, автоцитат и перефразировок, показывающие начитанность Аввакума в библейских книгах, его знакомство с агиографической и святоотеческой литературой, а также литургическими текстами набраны разрядкой, а ссылки на них – в виде подстрочных примечаний – помещены непосредственно в «подвале» публикуемых текстов, что значительно облегчает их чтение.

Публикация, как и полагается, снабжена также всеми необходимыми для научного издания указателями, в том числе указателем основных дат и событий (с. 419–423), а в помощь современному читателю составители включили в книгу Словарь трудных для понимания слов (с. 429–437).

В дополнение к тексту на вклейках находим хорошо подобранные иллюстрации (копии отдельных листов автографов Аввакума и Епифания, гравюры и фотографии с видами мест, в которых пребывал Аввакум, иконы с его изображением). Для меня лично и, как полагаю, для многих других, желающих наглядно представить себе путь опального Аввакума в места ссылки и обратно, настоящим подарком стали карты, составленные специально для настоящего издания сотрудником Пушкинского Дома С.А. Лунцем.

Говоря о восприятии текста Жития русскими писателями XIX–XX вв., можно бы также упомянуть и его «заграничную рецепцию». Мне хотелось бы в качестве иллюстрации привести один нетривиальный пример, а именно увлечение

¹⁴ Демкова Н.С. Житие протопопа Аввакума. (Творческая история произведения). Л., 1974.

этим памятником польского режиссера Влодзимежа Станевского, который считал, что Житие протопопа Аввакума «ярче всего отражает русскую душу и русскую сущность» и «обладает невероятным сценическим потенциалом»¹⁵. Не знаю, читал ли Станевский статью Н.С. Демковой, которая, как говорилось выше, обратила внимание на «принцип драматизации повествования» Жития и других сочинений Аввакума, скорее всего, нет, но он увидел в его текстах то, что так удачно определила петербургская исследовательница, т.е. чисто драматургические средства изображения в виде реплик и живых диалогов героев. Познакомившись с Житием протопопа Аввакума по очень удачному переводу Виктора Якубовского¹⁶, Станевский создал знаменитое театральное представление «Аввакум». Со спектаклем, премьера которого состоялась в 1983 г. в Италии, Центр театральных практик «Гардзенице», возглавляемый Станевским, с большим успехом объездил в 80–90-х гг. XX в. польские сцены и международные театральные фестивали. В 1990 г. был снят фильм, а в 1994 г. появилась также телеверсия спектакля¹⁷. Трагическая фигура протопопа Аввакума оказалась созвучна мыслям и переживаниям режиссера в тяжелый период военного положения в Польше, а его смерть на костре за старую веру воспринималась им «как доказательство того, что даже в глубине отчаяния и ненависти к политическим врагам можно воспевать жизнь»¹⁸.

В завершение отметим, что рецензируемая книга, впервые вобравшая все известные на сегодняшний день редакции Жития протопопа Аввакума, дополненная другими текстами, содержащими важную автобиографическую информацию, а также ценными иконографическими и кар-

тографическими материалами, обогащенная научными, но изложенными ярким, живым языком статьями Н. С. Демковой, является ценным подарком всем, кто интересуется незаурядной фигурой «огнепального» протопопа Аввакума и русской литературой переломного XVII в. Это во всех отношениях итоговая, исчерпывающая публикация, отличающаяся высочайшим качеством критического издания текстов «Жития» и связанных с ним сочинений Аввакума (здесь особо необходимо подчеркнуть редакторскую дотошность Л.В. Титовой, взявшей на себя труд завершения подготовки текста к печати). Но ценность рецензируемого издания состоит не только в том, что читатель впервые получает полную подборку автобиографических текстов Аввакума, но также в том, что он имеет возможность познакомиться с глубоко личной и в то же время цельной, всесторонней интерпретацией «Жития» и других сочинений Аввакума, предложенной Н.С. Демковой, которая показала, в чем, по ее убеждению, заключается принципиальное новаторство Аввакума-писателя. Меня лично ее интерпретация вполне убеждает.

Печалит лишь небольшой (ничтожный) тираж книги и информация, что издание «не подлежит продаже». Не хочется верить, что экземпляры этой важнейшей публикации будут доступны лишь крупным библиотекам, которые получают обязательный экземпляр (а их по данным Российской книжной палаты – всего 16), и лицам, которым обладатели авторских прав пожелают ее подарить.

*Малек, Элиза – Лодзинский университет, Польша, Лодзь
Malek, Eliza – University of Lodz, Poland, Lodz*

¹⁵ Цит. по: Николаев С.И. Житие протопопа Аввакума на польской сцене // Русская литература. 2014. № 2. С. 209.

¹⁶ См.: Żywot protopopu Awwakuma przez niego samego nakreślony i wybór innych pism / Przełożył oraz wstępem i komentarzem opatrzył W. Jakubowski. Wrocław, 1972.

¹⁷ Подробнее см.: Николаев С.И. Житие протопопа Аввакума. С. 207–213.

¹⁸ Цит. по: Николаев С.И. Житие протопопа Аввакума. С. 211.

Рец. на кн.: А.А. Бродников. Енисейск и Енисейский уезд (очерки истории XVII века) Новосибирск, 2019. – 382 с.

Монография новосибирского исследователя А.А. Бродникова посвящена преимущественно ранним страницам истории Енисейского острога и его административной территории, ставшей главной базой в присоединении и последующем хозяйственном освоении Восточной Сибири. Работа значительно дополняет и расширяет исследования А. А. Александрова, А. Н. Копылова, посвященные различным аспектам истории Енисейска и его уезда в начальный период колонизации Сибири.

Во введении дан подробный обзор истории изучения Енисейска и его подведомственной территории в первые десятилетия его существования и приведен перечень архивных материалов, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Автором сделан обоснованный вывод о недостаточном освещении проблем, связанных с образованием, развитием и ролью города в присоединении новых «землиц», социальном движении 1626 г., экспедициями служилых людей и др.

Начальную главу монографии предваряет краткий очерк о главных событиях, произошедших в Сибири после похода Ермака, в нем справедливо указано, что север Западной Сибири был освоен русскими промышленниками задолго до экспедиции Ермака. С разгромом Сибирского ханства Кучума и строительством первых русских городов, острогов в Западной Сибири продвижение служилых и промышленных людей на восток усилилось и приобрело необратимый характер.

Во второй главе изложена убедительная версия о необходимости возведения первого острога на среднем Енисее, раскрыты обстоятельства, препятствующие его строительству. Автор обоснованно связал факт не оказания помощи отряду П. Албычева и Ч. Рукина, направленному возводить новый острог и осажденному в Маковском остроге тунгусами, с местнической позицией воеводы Кетского острога Ч. Челищева, не желавшего иметь конкурента и терять богатые пушниной ясачные угодья в бассейне среднего Енисея. Но исследователю следовало подчеркнуть при этом, что подобную политику занимали и томские воеводы при сооружении Кузнецкого острога, а затем енисейские наместники после возведения Красноярска. Заслуживает внимания определение автором времени строительства Енисейского острога, выделение этапов в формировании его ведомственной территории и обоснованный вывод о том, что «Енисейский острог... с первых лет существования стал базой для распространения российской государственности в Восточной Сибири» и сохранял эту роль до начала XVIII в.» (с. 50).

Вопросы, связанные с установлением времени строительства первых сибирских городов-острогов, воссозданием их первоначального облика и их эволюцией, интересовали многих историков, вызывая нередко немалые споры. На основе новых архивных данных автору удалось определить месторасположение первого русского острога на Енисее,

произвести реконструкцию его башен, стен и других оборонительных сооружений, установить дату возведения Введенской церкви и женского Рождественского монастыря, дать характеристику внешнего вида Енисейска конца XVII – начала XVIII столетия.

Несомненной заслугой исследователя является установление времени и места нахождения возведенных на Ангаре Братских острожков, имевших схожие названия, что существенно затрудняло их идентификацию и локализацию. Используя новый архивный материал, А.А. Бродников показал, что в Приангарье с 1627 по 1631 г. было построено служилыми людьми не менее четырех острожков, ставших опорными пунктами на пути продвижения в Якутию и «Братскую землицу».

В четвертой главе рассматривается процесс присоединения к Енисейскому уезду правобережья среднего Енисея, а также русско-тунгусские отношения. В освещении этих проблем автору удалось избежать крайностей, преодолеть однозначную дихотомию – «кровавое завоевание» или «добровольное подчинение» коренных народов (все еще существующую в литературе). Характеризуя взаимоотношения русских и тунгусов, он сделал вывод о том, что на первых порах «не знавшие государственных отношений и в своем большинстве ясачной (даннической) зависимости тунгусы воспринимали только равноценные отношения» и в ответ на силовые действия служилых людей принимали адекватные меры (с. 142).

В пятой главе дан анализ социальным особенностям и направленности произошедшего в 1626 г. в Енисейске бунта. Вопросы, связанные с изучением социальных конфликтов и протестным движением в Сибири, как и России в целом, всегда привлекали исследователей, особенно советских историков, видевших в них преимущественно антифеодалную направленность. Исключением являлись труды Н.Н. Покровского и А.А. Александрова. А.А. Бродников глубоко и детально выяснил обстоятельства и причины, вызвавшие бунт служилых людей в 1626 г., рассмотрел ход событий, последствия смуты и ее особенности. Он показал, что «енисейский бунт 1626 г. – первое в Сибири столь активное выступление служилых людей и присоединившихся к ним других жителей города против воеводского лихоимства» (с. 185).

Значительное место в работе отведено анализу состава военнослужилых людей Енисейска, являвшихся, по мнению автора, «самой многочисленной категорией русского населения». Несмотря на то, что в исторической литературе категория служилых людей «по прибору» достаточно изучена, автор выделил ряд особенностей, присущих енисейскому гарнизону. Им обращено внимание на преобладание стрельцов в составе служилых людей – первооселенцев Енисейска, близость их военного статуса к казакам, и их отличия, заключавшиеся в правовом положении, сохранении у социальных низов представления о «более свободном состоянии казаков, чем стрельцов, благодаря чему в казаки шли охотнее» (с. 190).

Автором также отмечено, что при формировании гарнизонов в Восточной Сибири, по сравнению с Западной, более

значительную роль играла ссылка. Основным же источником комплектования воинского контингента Енисейска, как и других гарнизонов Восточной Сибири, автор необоснованно, на наш взгляд, считает выходцев из тяглых слоев европейской части России – крестьян и посадских людей (с. 210).

Как уже установлено, большинство гарнизонов всех сибирских городов составляли все же потомственные «государевы люди» – казаки и стрельцы, а также их родственники. Известно, что на раннем этапе освоения в условиях острого дефицита людских ресурсов правительство допускало верстание в службу гулящих, посадских и других категорий населения, но эта практика не получила широкого применения, являлась вынужденной мерой и носила во многом экстраординарный характер. Кроме того, во второй половине XVII в. правительство начинает целенаправленно осуществлять политику вытеснения бывших тяглецов из разряда служилых людей, обращать их в прежнее состояние, что способствовало постепенному превращению казачества в замкнутое сословие, о чем справедливо пишет автор (с. 213, 216).

В седьмой главе дана характеристика первого командного состава воинского контингента Енисейска: казачьих атаманов, стрелецкого сотника и пятидесятников, описаны их служебные функции, материальное положение и заслуги. Приведены неизвестные науке биографические сведения об организаторе бунта 1626 г. – атамане В. Алексееве, руководителе первого посольства в Монголию В. Тюменце, об известных землепроходцах М. Перфильеве и А. Бекетове, И. Галкине, В. Колесникове.

В восьмой главе собран и введен в научный оборот большой исторический материал о вооружении енисейских служилых людей, дана классификация оружия по его назначению, показана обеспеченность ратников оружием, боеприпасами и защитным снаряжением. К сожалению, автор не уделил должного внимания «огненному наряду» – артил-

лерии, которая в Сибири не только защищала крепостные стены, но и использовалась в полевых условиях. Ошибочным является его утверждение, что «к 1667 г. в Енисейске вообще не было артиллерии» (с. 73). Между тем в Енисейске было налажено даже литье артиллерийских орудий, одно из них обнаружил П.Н. Барахович в «Каталоге материальной части отечественной артиллерии» Военно-исторического музея Санкт-Петербурга¹.

Заключительная восьмая глава посвящена выяснению судьбы «серебряной экспедиции» воеводы Я.И. Хрипунова, организованной правительством весной 1628 г. в верховья Верхней Тунгуски для поиска драгоценных металлов. Сведения об этой экспедиции уже не раз привлекали историков, но подлинные ее причины и последствия трактовались по-разному. Автору удалось скрупулезно проследить весь ход организации и проведения этой экспедиции, которая сопровождалась грабежом ясачного населения и другим «непослушанием» ее участников и в конечном итоге не привела к желаемым результатам.

Монография А.А. Бродникова не лишена недостатков частного характера. На наш взгляд, следовало объединить главы третью и пятую, седьмую и восьмую, тематически тесно связанные между собой. Не всегда оправданным является использование терминов позднего происхождения: «офицеры», «чиновники приказа», «ближнее зарубежье, отнесение «черкасов» к «военнопленным иностранцам».

Несмотря на указанные замечания, новая книга А.А. Бродникова вносит значительный вклад в изучение одного из самых крупных сибирских городов, значительно дополняет работы предшественников об Енисейске, расширяет исследовательское поле, способствует постановке новых проблем и заслуживает положительной оценки.

*И.П. Каменецкий –
канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск*

¹ Барахович П.Н. Служилое население Центральной Сибири в XVII столетии. (Енисейский и Красноярский уезды): канд. дис. Красноярск, 2016. С. 113.

ИМПЕРСКАЯ ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К БУРЯТСКОМУ ЭТНОСУ: ОТ ПАТЕРНАЛИЗМА К УНИФИКАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ

Рец. на: Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.) [монография] / Л.М. Дамешек, Б.Ц. Жалсанова, Л.В. Курас / отв. ред. Б.В. Базаров. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. 740 с.

Проблема национально-государственного устройства, учитывающая многонациональный состав населения как в императорской, так и современной России, является весьма актуальной. На протяжении

всей своей истории власть искала оптимальные варианты взаимоотношений центра с национальными окраинами, организации в них местного самоуправления. Особый интерес вызывает исторический опыт национальной политики государства в Сибири в имперский период, деятельность особых национальных органов самоуправления у сибирских народов. Это одна из ключевых проблем истории Сибири, исследование которой имеет как теоретическую, так и практическую значимость. Сибирь представляла стратегический интерес для Российского государства не только как источник поступления налогов в казну, немаловажно было и укрепление геополитических позиций на востоке страны. Актуальность темы рецензируемой монографии вызвана особой ролью бурятского этноса, который, как отмечают авторы, проживал «на перекрестке столкновения стратегических интересов России, государств Центральной Азии и Европы».

Профессиональному сообществу историков хорошо известны труды наших иркутских и улан-удэнских коллег по этой теме. В их новой монографии анализируется политика Российского государства по отношению к бурятскому этносу, ее сущность, содержание и эволюция, а также влиявшие на нее факторы.

Монография состоит из семи глав, логически связанных между собой, их содержание отражает историю бурятского этноса в имперской системе власти на протяжении длительного периода – с XIX в. до 1917 г. Нижняя граница определяется началом упорядочения и унификации административного управления коренными народами Сибири. Обращение авторов рецензируемой работы в ряде случаев к истории вхождения бурят в состав России, а также включения их потестарных институтов власти в административную систему Российской империи в XVIII в. представляется оправданным. Выбор верхней границы обусловлен распадом в 1917 г. Российской империи и связанных с ней политических институтов власти и управления.

Территориальные рамки исследования охватывают Юго-Восточную Сибирь – территории Иркутской губернии и Забайкальской области середины XIX в., т. е. современных Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края. Это основные районы компактного проживания бурят.

В лучших традициях исторической науки работа открывается специальной главой, посвященной детальному и глубокому освещению историографии темы и источников

ее исследования. Необходимо отметить внимание авторов монографии к заслугам предшественников, взвешенную оценку их вклада в изучение истории бурятского народа, показ эволюции их взглядов в контексте развития исторической науки. Тщательная проработка российских и зарубежных исследований, посвященных истории политики Российского государства в отношении Сибири и сибирских инородцев на протяжении XVIII – XIX вв. и начала XX в., придает посвященному ей параграфу еще и серьезное справочное и учебное значение.

Основательному анализу подвергнут массив разнообразных источников. Самостоятельное значение имеет характеристика наиболее важных для решения поставленных задач законодательных актов, прежде всего, знаменитого Устава об управлении инородцев, убедительной является высокая его оценка. В параграф включено исследование источников личного происхождения и публицистики: дан их перечень, характеристика, показан источниковый потенциал. Авторы справедливо указывают на ценность источников, созданных самими бурятами, – памятников обычного права, летописей, научных и публицистических сочинений. Интересна и полезна образцовая справка-характеристика, дающая ценную информацию о содержании основных фондов государственных архивов Республики Бурятия, Забайкальского края, Иркутской области, позволяющих плодотворно изучать историю местных органов власти и органов местного самоуправления бурят.

Во второй и третьей главах освещается значение национального фактора в окраинной политике Российской империи и наиболее значимые изменения в имперском законодательстве в отношении инородцев Сибири в XVIII – начале XX в. Анализ более 100 законодательных актов Российского государства позволил авторам сделать вывод о том, что Российская империя стремилась постепенно интегрировать сибирских инородцев в общероссийский механизм административной, экономической и правовой системы, не ломая существующие у них потестарные институты власти (систему местного управления и самоуправления). Основным законодательным актом в этот период является Устав об управлении инородцев 1822 г., разработанный сибирским генерал-губернатором М.М. Сперанским, согласно которому вводилась трехступенчатая система местного самоуправления у сибирских инородцев: родовое управление – инородная управа – Степная дума. Их юридический статус позволял сочетать нормы обычного права при полном следовании российскому законодательству и достаточно эффективно осуществлять свою деятельность вплоть до начала XX в.

Экономические и геополитические задачи Российской империи в Сибири в 1880-е – 1890-е гг. обусловили качественное изменение имперской политики в отношении сибирских народов: на смену политике регионализма пришла политика унификации управления. Начиная

с середины 1890-х гг. правительство в законодательном порядке проводит коренные преобразования в политике в отношении инородцев, направленные на разрушение родоплеменной организации инородческого управления, на унификацию их управления с крестьянским. Важным обстоятельством, повлиявшим на политику Российского государства в отношении бурят и тунгусов, был пограничный фактор: стремление России упрочить государственные границы на востоке Азии, развивать торговое сотрудничество с Монголией.

В четвертой главе рассматривается история образования и развития органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. Показан процесс формирования трехступенчатой системы органов местного самоуправления – Степная дума – инородная управа – родовое управление, которые и по закону, и на практике представляли систему местного самоуправления, успешно решавшую вопросы местного значения.

Однако в 1850-х – 1860-х гг. в стране проводятся радикальные реформы, в тесной связи с которыми происходит активизация политики российских властей в Сибири и на Дальнем Востоке. Такие события, как отмена крепостного права в 1861 г., а затем буржуазные реформы 1860–1870-х гг., инициировали перемены и в управлении Сибирью и сибирскими аборигенными народами. Развитие земледелия, расширение торговых связей между регионами требовали открытости инородческих ведомств, частых перемещений и переездов инородцев, которые по существовавшим законам были затруднены. В этот период становится важным не только экономическое освоение Сибири, но и «заселение ее однородным и единоверным с Россией населением». Появляются идеи коренной реформы управления инородцами на русификаторских началах, радикального изменения системы их налогообложения, которые так и не были законодательно приняты. Это связано с тем, что в 1870 – 1880-е гг. дальневосточное направление российской политики вновь отходит на второй план, правительственное и общественное внимание переключается с Дальнего Востока на Среднюю Азию. В 1890-х гг. политика Российского государства в Восточной Сибири вновь активизируется, что было вызвано не только экономическими, но и внешнеполитическими задачами. Основными инструментами в экономическом освоении Сибири являлись русская крестьянская колонизация и строительство железной дороги, которые потребовали коренной реформы в землеустройстве, налоговой политике, административно-судебном устройстве бурят и тунгусов.

Важным фактором становятся и внешнеполитические задачи России на Дальнем Востоке: буряты и тунгусы Иркутской губернии и Забайкальской области находились в полосе соприкосновения с дальневосточными соседями России, и в случае войны Российскому государству необходимо было иметь здесь надежную опору, каковой, на взгляд царской администрации, инородцы с их инородческим самоуправлением, своими законами и судами не являлись. Выражением активизации политики Российского государства на дальневосточном направлении стала постепенная ликвидация

местного самоуправления бурят и тунгусов, учрежденного по Уставу 1822 г.

В пятой, шестой и седьмой главах авторы исследуют административно-хозяйственную, судебную деятельность органов местного самоуправления бурят, а также социальную политику. Органы местного самоуправления бурят успешно занимаются такими важными вопросами повседневной жизни бурятского общества, как раскладка и сбор налогов, развитие скотоводства и земледелия, содержание дорог, профилактика и борьба с пожарами и стихийными бедствиями, обеспечение продовольствием населения через экономические магазины. В их компетенцию входили также судопроизводство, планирование мероприятий по социальному призрению, сбор денег на расходы по народному образованию и здравоохранению. Они прилагали существенные усилия для оказания помощи нуждающимся сородичам, открывали школы, содержали медицинские учреждения, активно занимались благотворительностью.

Степные думы, инородные управы и родовые управления выполняли роль органов опеки и попечительства: назначали кандидатов в опекуны, осуществляли контроль за ними, вели учет имущества опекаемых, тем самым оказывали семьям и сиротам, оставшимся без кормильцев, правовую защиту их личностных и имущественных интересов. Благодаря этой деятельности в бурятском обществе не было таких явлений, как сиротство и нищенство. Органы местного самоуправления следили также за нравственным состоянием населения, принимали меры к пресечению антиобщественных явлений, таких как пьянство, азартные игры, и в случае необходимости прибегали к карательным мерам в отношении нарушителей.

Самостоятельное и немалое значение имеют приложения к монографии: 32 архивных документа – справочные таблицы по бурятским ведомствам, 11 фотоприложений – фотографий руководителей органов местного самоуправления бурят.

Наряду с небольшим предисловием ответственного редактора, академика Б.В. Базарова книге предпослано еще одно введение – депутата Государственной Думы, канд. ист. наук А.В. Дамдинова, который высказал свое мнение с точки зрения современной практики национально-государственного строительства. Кроме того, впервые рецензентами выступили ученые, представляющие те субъекты Российской Федерации, автохтонное население которых стало объектом реформы М.М. Сперанского 1822 г.: д-р ист. наук, проф. Ц.П. Ванчикова (Улан-Удэ), д-р ист. наук, проф. А.А. Борисов (Якутск) и д-р ист. наук Е.П. Мамышева (Абакан).

Монография значительна по своему объему (740 с. и 1778 примечаний), наполнена богатейшим фактическим материалом, глубокими рассуждениями и обобщениями и, несомненно, имеет большое научное и справочное значение.

*А.Х. Элерт –
д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск*

ПОЗДРАВЛЯЕМ ИГОРЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ПОБЕРЕЖНИКОВА С ЮБИЛЕЕМ

8 октября 2020 г. исполняется 60 лет Игорю Васильевичу Побережникову – директору Института истории и археологии УрО РАН, известному исследователю в области методологии истории и истории России. Игорь Васильевич закончил гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета в 1982 г., защитил кандидатскую диссертацию под руководством Н.А. Миненко в 1988 г. и начал преподавательскую деятельность на гуманитарном факультете. В 1989 г. переехал в Екатеринбург на работу в организуемый при УрО РАН Институт истории и археологии, при этом сохранив тесные связи с новосибирскими историками.

Научные интересы И.В. Побережникова постоянно расширяются, его интересуют теория и методология исторического исследования, теории развития и модернизации, социальная история, региональное развитие, история управления, традиционная культура и менталитет.

Ученый расширяет горизонты российской историографии, активно используя труды методологов истории на многих европейских языках, а разработанная им теоретико-методологическая пространственно-временная модель многоуровневого изучения модернизации позволяет раскрыть познавательные возможности модернизационного анализа. Он показал роль казачества в освоении восточных регионов России, рассмотрел типы интеграции сельского населения в горнозаводское производство в XVIII – первой половине XIX вв., динамику регионального развития, проследил эволюцию территориально-административных систем на востоке России, проанализировал формы взаимодействия власти и общества на Урале XVIII–XIX вв. Является автором около 400 научных работ.

В 2011 г. Игорь Васильевич защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по теме «Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации».

Трудовая биография И.В. Побережникова свидетельствует о признании со стороны коллег: с 1989 г. – старший научный сотрудник, с 1995 г. – заведующий отделом истории России XVI–XIX вв., с 2009 г. – заведующий сектором методологии и историографии Института истории и археологии

логии УрО РАН. С 2004 г. – заместитель главного редактора, с 2018 г. – главный редактор журнала «Уральский исторический вестник». Занимается учебно-педагогической работой, осуществляет научное руководство студентами и аспирантами, под его руководством защищены четыре кандидатские диссертации.

С 2018 г. назначен на должность директора Института истории и археологии УрО РАН и уверенно направляет деятельность научного коллектива на изучение актуальных проблем российской истории, всемерно развивая координацию научных исследований с институтами РАН и вузами.

Коллектив Института истории СО РАН искренне поздравляет Игоря Васильевича Побережникова с юбилеем, желает крепкого сибирского здоровья и неиссякаемой творческой энергии.

**ПАМЯТИ МАРИНЫ МИХАЙЛОВНЫ ГРОМЫКО
(3 сентября 1928 г., Минск – 28 августа 2020 г., Москва)**

Ушла из жизни Марина Михайловна Громыко – доктор исторических наук, профессор, выдающийся историк, одна из основателей Института истории, филологии и философии (ИИФиФ) СО АН.

В 1950 г. она окончила Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова и поступила в аспирантуру по кафедре истории Средних веков. Научным руководителем Марины Михайловны был академик С.Д. Сказкин. В 1953 г. она защитила кандидатскую диссертацию, в 1954–1959 гг. работала на кафедре Средних веков исторического факультета МГУ.

В 1959 г. она переехала в Новосибирск, став одним из первых сотрудников Постоянной комиссии по общественным наукам при Президиуме СО АН СССР и ключевой фигурой в становлении гуманитарных исследований в Сибирском отделении.

В ИИФиФ Марина Михайловна работала с момента его создания и до 1977 г., возглавляла сектор дооктябрьского периода в первый год его существования, сыграла активную роль при определении основных направлений исторических исследований, являлась одним из авторов и членом редколлегии второго тома «Истории Сибири». В 1962–1969 гг. преподавала на гуманитарном факультете НГУ. По воспоминаниям ее бывших студентов, она обладала безусловным моральным авторитетом. Лекции ее запомнились обширной эрудицией, ясностью изложения, способностью увидеть предмет в необычном ракурсе. Уважительное и даже деликатное отношение к студентам вместе с требовательностью, поощрение их к самостоятельному творчеству задавали высокую планку в деле воспитания будущих ученых. Много сил отдавала Марина Михайловна руководству аспирантами и в НГУ, и в ИИФиФ. Она считала обязательным для себя подробно обсуждать ход и результаты их работы, по большей части у себя дома.

В сибирский период деятельности М.М. Громыко обратилась к изучению русского крестьянства (докторская диссертация «Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение», одноименная монография, 1965). Она одна из первых акцентировала внимание на изучении тех явлений общественного сознания сибирских крестьян, которые формировали их трудовые навыки, привычки умелого ведения хозяйства, мирскую солидарность («Трудовые традиции русских крестьян Сибири XVIII – первая половина XIX в.», 1975), «Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в.», 1986). При этом в годы господства официального атеизма Марина Михайловна осмелилась акцентировать внимание на источниках, свидетельствующих о том, что основой этих навыков являлась православная вера.

Нонконформизм, самостоятельность мышления и поведения, присущие Марине Михайловне, проявились и в другом эпизоде из ее жизни, когда она подписала известное «письмо 46-ти». Последовали «проработки» и отстранение от преподавания в университете. Но научная работа продолжалась и вышла на новый уровень.

М.М. Громыко продолжала выполнять роль генератора новых идей. В 1970-е гг. появляются ее пионерские статьи о соотношении социально-психологических и исторических методов, о просвещенных сибирских купцах и культуре крестьянства, о ссыльных и Ф.М. Достоевском («Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850–1854 гг.», 1985).

В 1977 г. М.М. Громыко перешла в Институт этнографии АН СССР в Москве, где работала до 2004 г. Она продолжила начатое на сибирских материалах изучение русской общины XIX в. Ее внимание было сконцентрировано на исследовании места и значения православия в духовной жизни русского народа. Большой резонанс вызвали и труды Громыко «Мир русской деревни» (1991) и «О воззрениях русского народа» (последняя книга – в соавторстве с А.В. Бутановым, 2000).

М.М. Громыко была автором десятка книг и более 200 статей, руководителем и консультантом полутора десятков кандидатских и докторских диссертаций, лауреатом Государственной премии РСФСР и Макарьевской премии.

Созданные М.М. Громыко научные труды стали классикой. Ученики Марины Михайловны и ученики ее учеников сохраняют верность заложенным ею традициям

Мы помним Марину Михайловну строгой и требовательной, доступной и доброжелательной, готовой поддержать и посоветовать.

Светлый образ замечательного человека, настоящего ученого останется в памяти всех, знавших Марину Михайловну Громыко.

*Коллеги Института истории СО РАН,
г. Новосибирск*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ (Требования к статьям и сообщениям)

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- археология;
- этнография, этнология, антропология.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии, письма, заметки, краткие научные сообщения.

В случае, если статья подготовлена коллективом авторов, то в его состав должны входить только те авторы, которые внесли значительный вклад в данное исследование.

Главная тема статьи не должна быть опубликована в других изданиях.

Авторы должны соблюдать правила цитирования, гарантировать подлинность и корректность приводимых данных.

2. Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, которые выпускаются в Российской Федерации и в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук. Журнал также включен в Международные базы данных Ulrichs и EBSCO, а также в рассылку Международной компании «East View Information Services, Inc.»

3. Автор предоставляет:

- текст статьи в файле формата Microsoft Word (файлы с расширением doc, docx или rtf); название файла включает фамилию автора и дату отправления статьи, например, Иванов_28-02-2015;
- индекс УДК;
- данные об авторе: фамилия, имя, отчество, степень, звание, должность, место работы (полное и краткое название организации, адрес с почтовым индексом), электронный адрес автора. Сведения об авторе даются на русском и английском языках;
- название статьи с англоязычным переводом;
- аннотацию статьи объемом не более 800 знаков без перевода;
- ключевые слова на русском и английском языке (не менее 10);
- реферат статьи объемом около 2 тыс. знаков с англоязычной версией (2 тыс. знаков), подготовленной профессиональным переводчиком. Реферат включает название, цель статьи, характеристику проблемного поля, описание методов и методологии исследования, информацию об основных научных результатах. Реферат на русском языке не публикуется.

Объем статьи не должен превышать 30 тыс. знаков (подсчет с пробелами) с учетом сведений об авторе, аннотации, англоязычной версии реферата, сносок, таблиц и рисунков.

Объем информационных заметок и рецензий составляет не более 10 тыс. знаков.

Статьи и другие материалы для публикации направляются в электронном виде по e-mail: gumnauki@gmail.com

Правила оформления и рецензирования статей см.: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm

4. К изданию принимается от автора не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с авторов за публикацию не взимается.

Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

5. В издательской деятельности журнал руководствуется Гражданским кодексом Российской Федерации, гл. 70 «Авторское право».

Автор статьи обязан соблюдать международные принципы научной публикационной этики. Редакция оставляет за собой право проверять текст статьи с помощью системы «Антиплагиат».

6. Направляя статью в редакцию журнала, автор (соавторы) на безвозмездной основе передает(ют) издателю на срок действия авторского права по действующему законодательству РФ исключительное право на использование статьи или отдельной ее части (в случае принятия редколлегией журнала статьи к опубликованию) на территории всех государств, где авторские права в силу международных конвенций являются охраняемыми, в том числе следующие права: на воспроизведение, распространение, на публичный показ, на доведение до всеобщего сведения, на перевод на иностранные языки и переработку (а также исключительное право на использование переведенного и (или) переработанного произведения вышеуказанными способами), на передачу всех вышеперечисленных прав другим лицам.

Одновременно с представлением статьи автор (соавторы) направляет в редакцию подписанный лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале. Подписанный автором (соавторами) договор можно присылать в отсканированном виде электронной почтой.

Web-страница журнала на сайте Института истории СО РАН: http://www.history.nsc.ru/publications/gns_magazine/index.htm;
<http://www.hssiberia.info/> и сайте Издательства Сибирского отделения РАН: <http://www.sibran.ru/journals/GNvSib/>.

Полная текстовая версия выставляется e-library.ru.